В этом номере

ISSN № 0130-7045

НАВСТРЕЧУ XXVI съезду КПСС

У нас в гостях эстонский журнал
«ГОРИЗОНТ»

Рассказывает
Амброджо ДОНИНИ

В. ЕРШОВ
УРОКИ ПРИРОДЫ

ВЕЛИКИЙ СЫН ЧЕЛОВЕЧЕСТВА
К 1000-летию Ибн Сины

НАУКА И РЕЛИГИЯ

М. УСМАНОВ
КАК СОЗДАВАЛСЯ КОРАН

Клаус ШТИЛЛЕР
ДНЕВНИК ВИКАРНОГО ЕПИСКОПА
Повесть

Б. ГОЛУБОВСКИЙ
«ДЕКАМЕРОН» и «ИСКУШЕНИЕ»

9 • 1980

НАУКА И РЕЛИГИЯ 9·80

НАША ОБЛОЖКА

Как и другие прибалтийские республики, Эстонская ССР отметила свое сорокалетие. Для истории государства это небольшой срок, для истории социалистического государства — огромный, если подходить к нему с мерной тех социальных и духовных перемен, которые преобразовали жизнь трудящегося народа, превратили некогда отсталую страну в передовую, с развитым промышленным и сельскохозяйственным производством, с высокой культурой.

Посмотрите на снимки второй страницы обложки. Порт одного из рыболовецких колхозов, конструкторское бюро рыболовецкого опорно-показательного колхоза имени Кирова — разве не свидетельствуют они о масштабности жизни современной Эстонии, о прогрессивном развитии традиционных для нее отраслей?

Старинное и современное органически сочетаются в жизни республики. Средневековый флюгер у входа в Президиум Академии наук Эстонской ССР, ученые которой ведут исследования на уровне мировой науки. Символ несгибаемой силы духа — памятник революционерам, жертвам террора в буржуазной Эстонии: никто не забыт и ничто не забыто. Традиционные черепичные крыши старого Таллина, узкие улочки соседствуют с новыми жилыми районами. То, что совершают советские люди на своей земле, рассчитано на многие годы, на счастливую и радостную жизнь народа.

Один из снимков обложки представляет участок звездного неба, сделан он в Тыраверской обсерватории. Эстонские астрофизики во многом способствовали уточнению истинной картины строения Вселенной. Об их работе, как и об исследованиях других ученых, рассказывает подборка «У нас в гостях журнал «Горизонт».

На третьей странице обложки — изделия гжельских мастеров, старинные и современные. Кувшины, кружки, шкатулки, привычная часть нашей жизни, они много больше, чем просто предметы быта, изделия из глины. Мир материальной культуры людей таит в себе ценную информацию, свидетельствующую о разных периодах жизни общества, разных этапах освоения окружающего мира. Он рассказывает о смене исторических эпох, способах производства, особенностях мышления. В этом номере журнала мы показываем вам работы мастеров старинной Гжели.

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ
АТЕИСТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
ОРДЕНА ЛЕНИНА
ВСЕСОЮЗНОГО
ОБЩЕСТВА «ЗНАНИЕ»

Год издания двадцать второй

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ЗНАНИЕ»

Рукописи и фото не возвращаются.

2 Навстречу XXVI съезду партии

У НАС В ГОСТЯХ ЖУРНАЛ «ГОРИЗОНТ»

5 И. Пустыльник. Звезды избегают одиночества
8 М. Аруя. Комплексная охрана природы — что это такое
9 Э. Роозимяги. Домик под соснами Разкюла
11 Р. Вескимяэ. Целеустремленность

ВСТРЕЧА С ИНТЕРЕСНЫМ СОБЕСЕДНИКОМ

12 А. Донини. Я — ваш читатель!

ДУХОВНЫЙ МИР ЧЕЛОВЕКА

15 А. Лук. Этика касается только людей
17 Л. Разгон. «Победа оказалась на нашей стороне»

ПРАКТИКА: ОПЫТ, ПРОБЛЕМЫ

19 В. Ершов. Чему учит природа
22 Е. Корженко. Воспитывать мировоззрение

К 1000-летию СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ИБН СИНЫ

25 М. Асимов. Великий сын человечества
27 Вечный странник
29 А. Сагадеев. Искания пытливого ума
31 Ибн Сина. Поэма о душе

РЕЛИГИЯ, ЦЕРКОВЬ, ВЕРУЮЩИЙ

32 М. Усманов. Как создавался Коран
38 И. Шапиро. Иудаизм в СССР
40 Л. Дойель. Завещанное временем

«БОЖЕСТВЕННЫЕ» КАМНИ: ПРАВДА И ВЫМЫСЕЛ

43 В. Супрычев. Зеленое диво земли

ЛИТЕРАТУРА, ИСКУССТВО

44 Б. Голубовский. Искусство правды
48 Т. Бочковская. Герои Гринландии
50 К. Штиллер. Дневник викарного епископа

В СТРАНАХ СОЦИАЛИЗМА

55 К. Крыстев. По пути духовного освобождения

БЫТ И НРАВЫ НАРОДОВ

58 А. Гаваньков. В храме змей

ЗА РУБЕЖОМ

60 Д. Карпов. Под флагом РСХД
62 А. Просветов. С крестом и тамтамом

НАВСТРЕЧУ XXVI СЪЕЗДУ ПАРТИИ

Июньский 1980 года Пленум ЦК КПСС в соответствии с Уставом партии принял решение созвать 23 февраля будущего года очередной XXVI съезд Коммунистической партии Советского Союза. Это решение воспринято с большим воодушевлением всем советским народом. «Каждый съезд, — сказал в своем докладе на Пленуме Генеральный секретарь ЦК КПСС товарищ Л. И. Брежнев, — открывал новые горизонты перед нашей партией и страной. Уверен, что таковым будет и предстоящий съезд, призванный определить стратегию и тактику борьбы на наступающем этапе коммунистического строительства». XXVI съезд КПСС подведет итоги огромной созидательной деятельности советского народа в завершающемся пятилетии и наметит перспективы дальнейшего движения нашего общества по пути к коммунизму.

В результате огромного и самоотверженного труда рабочего класса, колхозного крестьянства, советской интеллигенции по выполнению решений XXV съезда партии сделан новый крупный шаг в дальнейшем созидательном развитии экономики, социальных отношений, повышении жизненного уровня народа, укреплении оборонной мощи нашего государства, развитии науки и культуры. Все усилия советских людей направлялись в этот период на выполнение и перевыполнение планов и заданий десятой пятилетки, на всестороннее и комплексное развитие общественного производства, повышение его эффективности и улучшение качества работы во всех звеньях народного хозяйства, на ускорение научно-технического прогресса и рост производительности труда.

За минувшие годы накоплен ценный опыт коммунистического строительства, и к нему необходимо бережно подойти в процессе подведения итогов работы между съездами. Вместе с тем в докладе товарища Л. И. Брежнева на Пленуме обращается внимание на необходимость критически посмотреть на имеющиеся упущения и недостатки в различных отраслях работы, на то, чтобы и дальше думать, как ускорить научно-технический прогресс, укрепить трудовую и государственную дисциплину, на необходимость приложить максимум энергии для успешного выполнения и перевыполнения плана завершающего года десятой пятилетки, своевременного введения в строй пусковых объектов, обеспечения устойчивой работы народного хозяйства в 1981 году — первом году одиннадцатой пятилетки. В повестку дня XXVI съезда включено обсуждение проекта об основных направлениях экономического и социального развития СССР на 1981—1985 годы, в котором будет изложена программа дальнейшего строительства материально-технической базы коммунизма в нашей стране, социального развития и повышения материального и духовного уровня жизни народа, развития науки и культуры.

Большое место на съезде займет рассмотрение международной деятельности нашей партии и Советского государства. Следуя ленинским принципам внешней политики, Коммунистическая партия и Советское государство настойчиво и последовательно борются за укрепление мира и международной безопасности, за ослабление международной напряженности и разоружение. Июньский Пленум ЦК КПСС по докладу министра иностранных дел А. А. Громыко принял постановление «О международном положении и внешней политике Советского Союза», в котором дал глубокий марксистско-ленинский анализ внешнеполитической обстановки, наметил конструктивные меры по упрочению мира, поручил Политбюро ЦК КПСС и в нынешней ситуации, когда авантюристические действия США и их пособников вызвали усиление военной опасности, неуклонно продолжать курс XXIV — XXV съездов на всемерное укрепление братского союза социалистических государств, поддержку справедливой борьбы народов за свободу и независимость, на мирное сосуществование, обуздание гонки вооружений, сохранение и развитие международной разрядки, взаимовыгодное сотрудничество в экономической, научной и культурной областях.

В решении Пленума отмечается, что важнейшим событием, продемонстрировавшим благотворную роль социализма в мировых делах, его последовательный интернационализм и непоколебимое миролюбие, явилось состоявшееся в мае этого года в Варшаве совещание Политического консультативного комитета государств — участников Варшавского Договора. Дальнейшее углубление сотрудничества социалистических стран в политической, экономической, оборонной и других областях, конструктивная деятельность их совместных организаций — Варшавского Договора и Совета Экономической Взаимопомощи надежно служат делу мира и прогресса.

Пленум также считает значительным событием в жизни коммунистического движения и важным фактором активизации антивоенных сил, всех людей доброй воли в защиту мира и международной безопасности проведение парижской встречи коммунистических и рабочих партий Европы. В принятом на встрече «Призыве коммунистов к народам европейских стран за мир и разоружение» говорится: «Мы, коммунисты всех стран Европы, готовы, когда речь идет о борьбе за мир и разоружение, к любому диалогу, к любым переговорам, к любым совместным действиям. Мы хотим, чтобы с этой целью все миролюбивые силы объединились. Какими бы ни были наша национальность, наши убеждения, наш образ жизни, мы говорим вам всем, коммунистам, социалистам, социал-демократам, христианам, людям других вероисповеданий: «Мир — это наше общее достояние!»

Советский народ полностью одобряет принципиальный миролюбивый курс КПСС и Советского государства, меры по защите и обеспечению безо-

пасности нашей Родины. Мир — это непреходящая ценность для всего человечества.

В докладе на Пленуме Л. И. Брежнев обратил внимание на отчетно-выборную кампанию как на особую, в высшей степени ответственную пору в жизни партии и выразил уверенность, что на партийных собраниях и конференциях будет уделено должное внимание всем сторонам партийной работы — политической, организационной, идеологической.

В области идейно-воспитательной работы XXV съезд КПСС поставил большие и ответственные задачи по творческому развитию актуальных проблем марксистско-ленинской теории как единственно надежной основы разработки правильной стратегии и тактики в революционно-преобразующей деятельности партии, по комплексному подходу к воспитанию, обеспечению тесного единства идейно-политического, трудового и нравственного воспитания с учетом особенностей различных групп населения, по дальнейшему совершенствованию политического просвещения, трудового воспитания, воспитания нравственного, патриотического и интернационального, по формированию научного. материалистического мировоззрения. Во всем этом комплексе воспитательной работы занимает свое место и атеистическое воспитание, органически связанное со всеми направлениями и средствами коммунистического воспитания. Все эти задачи нашли свое развитие и конкретизацию в постановлении ЦК КПСС «О дальнейшем улучшении идеологической, политико-воспитательной работы».

Над выполнением этих больших и сложных задач в период между съездами работали партийные и комсомольские организации, советские профсоюзы, школы и вузы, научные учреждения и другие идеологические организации, средства массовой информации. В ходе подготовки к очередному XXVI съезду партии важно глубоко и обстоятельно проанализировать, что сделано по их выполнению, обобщить и взять на вооружение все положительное, ценное, учесть упущения и недостатки, принять меры к их устранению.

В связи с предстоящим XXVI съездом КПСС журнал «Наука и религия» подготовку всех материалов ведет с учетом этого важнейшего события в жизни партии и всего советского народа. Редакционная коллегия и редакция журнала разработали специальный план предсъездовских публикаций. Мы будем рассказывать о том, что было сделано в десятой пятилетке для дальнейшего укрепления зрелого социализма, развития советского образа жизни, таких его сторон и граней, как общественный характер труда, коллективизм и товарищество, сплоченность и дружба всех наций и народов нашей страны, утверждение патриотизма и интернационализма, формирование новых традиций и обрядов, укрепление нравственных основ нашего общества, господство научного мировоззрения, о том, как это влияет на преодоление иллюзорного религиозного миропонимания и на формирование атеистических убеждений.

Продолжит журнал публикации и по реализации комплексной программы научно-технического прогресса и его социально-экономических последствий для развития нашего общества, которой было уделено большое внимание на XXV съезде партии. Эта программа включает многие проблемы, осуществление которых непосредственно связано с воспитанием человека, с формированием у него научного мировоззрения и атеистической убежденности: влияние технического перевооружения промышленности и сельского хозяйства на рост культурно-технического уровня трудящихся, на преодоление существенных различий между городом и деревней, между умственным и физическим трудом, на решение экологических вопросов. В статьях по актуальным проблемам развития естественных и технических наук мы будем рассказывать о их новейших достижениях, мировоззренческом и атеистическом содержании, раскрывать логику и диалектику научного познания в противовес слепой религиозной вере, критически анализировать теологические спекуляции на нерешенных наукой вопросах, на так называемом экологическом кризисе.

Важное место в предсъездовских публикациях займут материалы, показывающие, что сделано по осуществлению комплексного подхода в работе по коммунистическому воспитанию советских людей, какое место занимает в этом атеизм, как на практике осуществляется связь между атеистическим воспитанием и идейно-политическим, трудовым, нравственным и правовым, патриотическим и интернациональным. Планируется публикация материалов о повышении эффективности атеистической работы, укреплении ее связи с жизнью, с практикой коммунистического строительства, об опыте этой работы в трудовых коллективах, по вопросам теории и методики, по нравственным аспектам атеистического воспитания и атеистическому потенциалу коммунистической морали.

В связи с подготовкой к очередному съезду партии большое место займут материалы по воплощению в жизнь Программы мира, выработанной XXIV и XXV съездами КПСС, по вопросам современной идеологической борьбы и использованию в ней буржуазными политиками и пропагандистами религии в антинародных и империалистических целях, в интересах неоколониалистской политики, а также контрпропагандистские материалы, разоблачающие измышления буржуазных идеологов о положении религии и церкви в нашей стране и попытки идеологических диверсий под прикрытием религии.

Подготовка к XXVI съезду КПСС станет мощным рычагом подъема политической и трудовой активности как коммунистов, так и беспартийных. У советских людей сложилась хорошая традиция встречать съезды партии новыми успехами в труде, досрочным выполнением плановых заданий, более широким развертыванием социалистического соревнования. Готовясь достойно встретить съезд, труженики города и села берут повышенные обязательства, прилагают максимум усилий для успешного завершения десятой пятилетки, укрепления экономического и оборонного могущества страны, ускоренного продвижения нашего общества по пути коммунистического строительства.

В заключение доклада на июньском Пленуме ЦК КПСС Л. И. Брежнев выразил твердую уверенность в том, что подготовка к XXVI съезду партии вновь продемонстрирует сплоченность партийных рядов, непоколебимое единство партии и народа в борьбе за торжество коммунизма.

У нас в гостях журнал «Горизонт»

Журнал «Horisont» («Горизонт») издается на эстонском языке в г. Таллине обществом «Знание» ЭССР. Журнал этот научно-популярный, ежемесячный, пожалуй, самый молодой среди изданий общества «Знание» — его первый номер вышел в январе 1967 года. Рассчитано издание в основном на молодежь, и, как показывают очные и заочные встречи с читателями, курс на молодежную аудиторию выбран правильно.

В чем редакция и редакционная коллегия видят свою основную задачу?

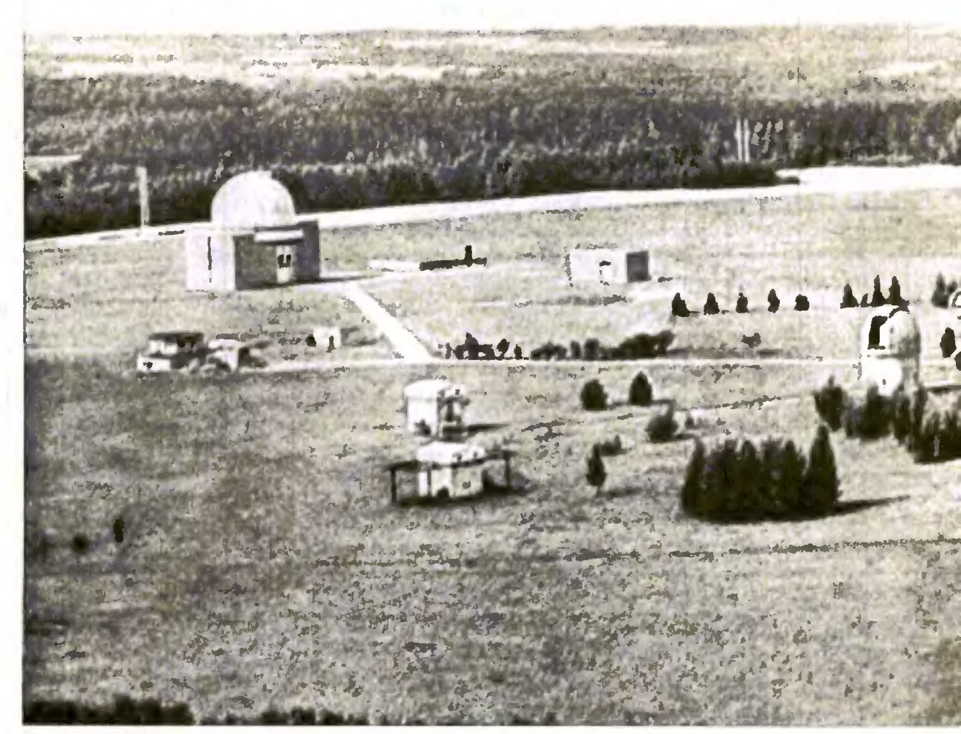
В том, чтобы, пропагандируя и популяризируя научные знания, способствовать формированию у читателей научного, материалистического миропонимания, чтобы мобилизовать их на претворение в жизнь политики партии по ускорению научно-технического прогресса. Приобщение молодых читателей к знаниям помогает им разобраться в современных научных проблемах, выбрать свою дорогу в жизни.

Мы публикуем материалы, рассказывающие о достижениях физики, астрономии, биологии, геологии, космонавтики, энергетики, истории, знакомим читателей с жизнью и обычаями народов, с природой и климатом планеты.

Важных, интересных проблем много. Рассказывать о них мы можем только при активном сотрудничестве с учеными республики. С ними у нас сложились хорошие деловые связи, именно ученые — основные авторы журнала, помогающие ему и словом и делом.

Мы благодарны редакции «Науки и религии» за предоставленную возможность встретиться с читателями атеистического журнала.

Ф. ФЕДОРОВ,
главный редактор журнала «Горизонт»

Панорама Тыраверской обсерватории. Фото Ю. Тоомсоо.

Звезды избегают одиночества

Изольд ПУСТЫЛЬНИК,
кандидат физико-математических наук

Эта мысль возникает, когда задумываешься над наиболее значительными достижениями астрофизики за последнюю четверть века. Дело не в том, что звезды объединяются в большие ансамбли — ассоциации, скопления, в звездные системы — галактики. Если бы имелось в виду только это, то, пожалуй, можно было бы утверждать как раз противоположное. Расстояния между звездами, как правило, столь велики, что астрономы рассматривают звезды как светящиеся материальные точки.

И это вполне оправдано, если вспомнить, например, что наше Солнце, имеющее диаметр в 700 тысяч километров, с ближайшей к нам звезды Проксима Центавра могло бы наблюдаться под таким же углом зрения, под каким пятикопеечная монета была бы видна с расстояния в тысячу километров. Поэтому астрономы скептически относятся к космогоническим теориям, прогнозирующим столкновение небесных тел.

Что же дает нам основание утверждать, что звезды избегают одиночества? Разве наше Солнце не являет собою пример такого одиночества в межзвездном пространстве? Ответ на этот вопрос не так прост, как может показаться на первый взгляд.

Людям свойственно очеловечивать, персонифицировать неживое, и не только в сказках, но и в науке. Астрономы говорят о времени жизни звезды, о звездном населении разных типов. В терминологии ученых, подобно сказочным персонажам, фигурируют гиганты и карлики... Ну что ж, если определить жизнь как горение в самом прямом смысле слова, то это понятие можно применить и к звездам. Звезды зарождаются, то есть возгораются в облаках пыли и газа, живут, то бишь светятся, миллионы или миллиарды лет и умирают — гаснут, когда запасы ядерной энергии внутри них исчерпываются.

Развивая начатую аналогию, можно сказать, что живут звезды и умирают по-разному. Одним, как нашему Солнцу, суждено еще несколько миллиардов лет спокойной жизни — ровного свечения. Когда запасы ядерного горючего начнут иссякать, Солнце после ряда превращений начнет сжиматься, пока внутри него не образуется так называемый вырожденный электронный газ. Тогда дневное светило превратится в угасающую звезду — «белый карлик», которому останется только «тлеть», пока не наступит окончательная смерть в виде так называемого «черного карлика».

Но не всем звездам уготована «спокойная старость». Некоторым из них, подобно отдельным человеческим личностям, суждено оставить яркий след в истории, отличиться среди себе подобных. Если масса звезды несколько больше массы Солнца, то после выгорания источников энергии большая часть звезды взрывается, и в течение нескольких недель звезда «безумно» сжигает столько энергии, сколько ей хватило бы на миллиарды лет спокойной жизни. Это так называемая вспышка сверхновой, заметная на фоне целой галактики.

Но звезды могут взрываться не только наружу, но и внутрь. Это происходит тогда, когда во время сжатия звезды протоны и электроны ее спрессуются настолько плотно, что начнут слипаться, образуя нейтроны. Сжатие прекратится, звезда начнет с необычайно высокой скоростью вращаться. Ее магнитное поле увеличивается во много раз. В этом случае рождается пульсар — рентгеновская звезда.

Как и в человеческом обществе, в мире звезд жизнь и смерть (в нашем условном понимании) часто идут рядом. Гигантская вспышка сверхновой — это и агония одной звезды, оказавшейся не в состоянии примирить вечно противоборствующие силу тяготения к центру и силу рвущегося наружу «ядерного джинна». Это и салют в честь многих зарождающихся, будущих звезд.

И дело не только в том, что в результате вспышки сверхновой синтезируются тяжелые элементы, которые будут рассеяны по крупицам в мировом пространстве и войдут в состав новорожденных звезд. Гонимая вперед сброшенной оболочкой

сверхновой ударная волна, двигаясь в межзвездном пространстве, встречает на своем пути пыль и газ. Более плотные скопления пыли и газа она обходит, обжимает их. Так образуются затравочные узелки, которые силой своего притяжения натягивают, аккрецируют из окружающего пространства пыль и газ.

Таинство зарождения звезд пока скрыто от глаз человеческих. Нам еще недоступно непосредственное видение в инфракрасных лучах, а именно в этой области спектра заявляют о себе протозвезды, центры сгущений в очень плотных и протяженных облаках из пыли и газа. Хотя современная техника уже создала чувствительные приемники инфракрасного излучения, но «голоса» новорожденных звезд не так-то легко уловить, особенно если не знаешь их точного местоположения. Тем не менее мало кто из астрономов сегодня сомневается в том, что приблизительно по такому сценарию ставится драма «сотворения звезды».

Впрочем, наиболее драматические события еще впереди: ведь от эмбриона — протооблака — до новорожденной звезды дистанция огромного размера. Под бременем накапливающегося из окружающего пространства вещества звезда начинает вращаться все быстрее и быстрее. В одних случаях достаточно мощное магнитное поле поможет звезде расстаться с излишком приобретенного ею момента вращения, а может произойти и так, что весь наличный материал в сфере гравитационного воздействия протозвезды окажется исчерпанным. Тогда миру явится молодая, горячая, быстро вращающаяся звезда.

Все новое рождается в муках — во многих случаях протозвезда продолжает поглощать все новые и новые порции межзвездного вещества, все более и более ускоряя вращение. При достижении некоторой критической его величины протозвезда становится неустойчивой и, словно расплачиваясь за свой неумеренный аппетит, начинает расползаться, разваливаться на части.

Наиболее частый вариант — деление пополам. Протозвезда сначала сплющивается, затем вытягивается наподобие гантели с утолщениями на краях. «Пуповина», соединяющая две половины, становится все тоньше и наконец рвется. Пара новых протозвезд «готова». Каждая из них самостоятельно проходит путь гравитационного сжатия вплоть до возгорания водорода в недрах, а энергия вращения частично переходит в энергию обращения вокруг общего центра тяжести. Отныне эта пара именуется тесной двойной системой, а звезды, входящие в нее, неразлучны, как сиамские близнецы.

Они и вправду близнецы, так как произошли от одного родительского тела и ничем не отличаются по своему составу. Тесными эти пары называются потому, что расстояние между ними относительно невелико — того же порядка, что и их размеры. Жизненный путь двойных звезд полон захватывающих событий, динамизма, неожиданных метаморфоз. К сожалению, мы лишены возможности созерцать перипетии эволюции тесных пар: слишком далеки они от нас.

Однако богатства звездного мира не исчерпываются тесными двойными звездами. Встречаются так называемые визуально-двойные звезды, например Альфа Гончих Псов, Бета Андромеды, Бета Лебедя. В отличие от тесных пар такие звезды зарождаются с самого начала в отдельности, как два центра конденсации пыли и газа в одном протооблаке.

Двойные звезды — не экзотические объекты звездного мира, не курьезный продукт игры величественных сил природы, а типичный представитель звездного населения. По самым скромным подсчетам, от 30 до 50 процентов всех звезд в Галактике кратные, то есть с числом объектов не менее двух.

Известный австралийский писатель Маркес Кларк как-то назвал семью, эту первичную ячейку человеческого общества, динамически нестабильной системой, состоящей из двух индивидов и превращающейся в стабильную по мере увеличения в ней числа членов до трех, четырех и т. д. Несколько иначе обстоит дело в звездном мире. Тесные тройные системы оказываются нестабильными. «Классический треугольник» разрешается здесь таким образом, что две звезды образуют тесную пару, а третья держится на почтительном удалении, но все три составляют гравитационно связанную систему. Четыре звезды соединяются в две тесные пары, а каждая из пар входит как отдельный индивид в визуально-двойную систему. Классический пример такой системы — четверка звезд Эпсилон Лиры, которую можно увидеть и в небольшой телескоп.

Некоторые ученые полагают, что приведенные выше цифры, характеризующие долю двойных объектов среди всех звезд, занижены, так как обнаружить подобные системы подчас очень непросто. Наконец, встречаются и такие исследователи, которые готовы и в нашей Солнечной системе видеть два самосветящихся тела.

Американский астроном Дэвидсон выдвинул идею о том, что на расстоянии от семисот до нескольких тысяч астрономических единиц (расстояние от Земли до Солнца) вполне может находиться карликовая звезда, которую он предложил назвать Люцифером, с массой от одной тысячной до одной сотой доли массы Солнца. По мнению Дэвидсона, кометы, имеющие очень вытянутые орбиты, входят в состав двойной системы Люцифер — Солнце и тщательное изучение их траекторий в конечном счете поможет обнаружить далекую и слабую звездочку.

Еще дальше пошли советские ученые А. А. Сучков и Р. Б. Селимзабаров, которые считают, что не таинственный Люцифер, а Юпитер является второй звездой в Солнечной системе (см.: «Природа», 1977, № 7). Правда, идея двух светил в Солнечной системе пока не пользуется особой популярностью у астрономов. Но если уж быть объективным до конца, то стоит добавить, что Юпитер излучает вдвое больше энергии, чем получает от Солнца и что в дециметровом диапазоне он ярче нашего дневного светила.

Характерной особенностью тесных пар, превращающей их из простой суммы двух звезд в качественно новый вид объектов, является взаимодействие звезд, входящих в систему. Это взаимодействие может носить характер мирного сосуществования

вания, острого соперничества, а то и «открытой вражды». Общеизвестно, что одиночные звезды, за исключением очень быстро вращающихся, можно считать шарообразными. Иное дело в тесной паре, где взаимное притяжение вызывает искажение фигур звезд. Для не очень тесных пар есть основания отождествлять фигуры звезд с трехосными эллипсоидами.

Другой своеобразной чертой двойных звезд является то обстоятельство, что каждая звезда, так сказать, закрывает соседней какой-то участок неба. В результате этого оказывается, что солидная порция лучистой энергии попадает в атмосферу соседки, там рассеивается либо поглощается и затем переизлучается заново, причем в ряде случаев оказывается измененной до неузнаваемости. Это явление было когда-то не слишком удачно названо эффектом отражения.

К эффектам близости звезд-компонентов следует еще добавить «эффект зрителя». Нетрудно понять, что при определенной ориентации луча зрения относительно орбиты системы звезды будут попеременно закрывать друг друга, то есть будут иметь место затмения. Такие звезды и были названы затменными. Интересно, что вначале эти звезды обнаружили по их затмениям, которые обычно легко наблюдать, а уже позднее были осознаны явления, связанные с взаимным облучением и искажениями фигур звезд.

Эффекты отражения и эллипсоидальности можно смело трактовать как взаимодействие в духе мирного сосуществования. Однако в ходе эволюции звезд в тесной двойной системе им и впрямь становится тесно. Хорошо известно, что в недрах обычной звезды по исчерпании водородного горючего происходит серьезная перестройка: ядро сжимается, а внешние слои сильно расширяются, звезда превращается в красный гигант.

Тот же неизбежный путь проделывает звезда, входящая в тесную пару, но ее возможности сильно ограничены по сравнению с одиночной звездой. В двойной звезде имеется «незримый страж», зорко и неусыпно следящий за действием звезд и регулирующий их взаимные притязания. Имя стража — критическая поверхность Роша (по фамилии французского математика прошлого века, изучавшего свойства этих поверхностей).

Точнее говоря, различают внешнюю и внутреннюю критические поверхности Роша. Оказывается, что за свои «экспансионистские» устремления звезды расплачиваются утратой индивидуальности. Чем больше расширяются звезды, тем сильнее искажаются их фигуры. Наконец, вытянувшись наподобие груши, они сливаются в одной точке, получившей название первой критической точки Лагранжа.

При еще большем расширении звезд-компонентов перешеек расширяется, звезды как бы стремятся слиться, вернуться к той исходной точке, с которой некогда началась их самостоятельная жизнь. Но этому уже не бывать. При заполнении внешней критической полости Роша звезда теряет устойчивость, начинает «расплескиваться».

В реальных двойных системах не бывает такого, чтобы две звезды одновременно начинали наполнять свои критические полости Роша. Всегда «торопится жить» более массивная звезда. Она быстрее достигает зрелости, выходя на главную последовательность, где включаются ядерные реакции превращения водорода в гелий, и в космической гонке раньше приходит к промежуточному финишу — превращается в звезду-гигант. Стремительно заполняя отведенную ей критическую полость Роша, она через окрестности критической точки Лагранжа щедро делится материей со спутником, а излишки материи уходят в межзвездное пространство. В результате этого процесса спутник может приобрести столько массы, что звезды поменяются ролями и все в известном смысле повторится сначала.

Столь бурные события не раз и не два потрясают тесную двойную систему. Как правило, звезда не успевает похудеть в один прием. Ведь ей надо отдать ровно столько вещества, чтобы поместиться в прокрустово ложе критической поверхности Роша, ибо только внутри нее она может находиться в состоянии устойчивого статического равновесия. Кроме того, звезда несколько раз на протяжении своего жизненного пути теряет устойчивость при переходе с одного ядерного горючего на другое.

Впрочем, поражающие воображение бурные процессы перекачки больших масс вещества с одной звезды на другую редко угрожают устойчивости двойной системы в целом, хотя и могут существенно изменить параметры орбит звезд. К тому же в космической шкале времени, где возраст исчисляется сотнями миллионов и миллиардами лет, процесс «перемены ролей» оказывается скоротечным, он длится только десятки тысяч лет. Вот почему заметить двойную систему в этот ответственный период ее истории крайне трудно. Впрочем, увидеть еще не значит понять: в период интенсивного обмена массой одна из звезд или вся система в целом может быть плотно укутана в облака из пыли и газа. Так, одна из самых ярких и столь же загадочных двойных систем на небе — Бета Лиры, возможно, находится в такой стадии. Но, как уже говорилось, наблюдать подобные объекты необычайно сложно.

Несмотря на громадное разнообразие физических условий и различие в параметрах двойных звезд (массы и температуры — в десятки раз, период орбитального обращения — от нескольких часов до десятков лет, скорости вращения и размеры — в сотни раз), наблюдениями обнаруживается нечто общее, присущее очень многим системам. Оказывается, что сброшенный одной из звезд газ имеет тенденцию образовывать упорядоченную дискообразную оболочку вокруг спутника. Процесс этот назвали дисковой аккрецией.

Концепция дисковой аккреции оказалась чрезвычайно плодотворной. В течение ряда лет у нас в стране для обычных карликовых звезд она развивалась усилиями группы ленинградских астрофизиков под руководством В. Г. Горбацкого, а в последние годы с отождествлением рентгеновских источников с тесными двойными системами большой вклад в решение проблем дисковой аккреции в случае релятивистских объектов (то есть таких, где на смену классической ньютоновской теории тяготения должна прийти общая теория относительности) внесла группа учеников академика Я. Б.

Зельдовича, в первую очередь работы Р. А. Сюняева и Н. И. Шакуры.

Диск из аккрецирующего вещества является как бы передаточным звеном, посредством которого происходит взаимодействие звезд в двойной системе. В одних случаях он окружает звезду-карлик размерами чуть больше нашей планеты, в других — крошечную нейтронную звезду диаметром в 15—20 километров, в третьем, как в системе Лебедь X, в центре аккреционного диска, возможно, находится «черная дыра».

Соседняя звезда непрерывно или квазинепрерывно снабжает оболочку все новым и новым материалом, который является топливом для поддержания активности в рентгеновских пульсарах: аккрецирующее вещество при падении на нейтронную звезду ионизируется и посылает «прощальный привет» в виде рентгеновского излучения.

В ряде случаев соседняя звезда плохо справляется с функциями поставщика. Она то спазматически передает слишком много вещества в оболочку, которое та не успевает усвоить, и тогда происходит взрыв, наблюдаемый в виде яркой вспышки новой звезды (в видимых лучах или рентгеновском диапазоне), то совсем забывает о своих обязанностях. В этом случае рентгеновский источник на небе гаснет. В видимых лучах мы не наблюдаем столь эффектной картины, так как вклад излучения диска в светимость, создаваемую обеими звездами, обычно более чем скромен.

В последнюю четверть века на основе концепции двойственности астрофизики объясняют многие наблюдаемые явления и процессы.

Долгое время не давали покоя ни теоретикам, ни наблюдателям загадочные симбиотические звезды. в спектрах которых странным образом уживаются черты, характерные для высокотемпературной плазмы, и линии поглощения, свойственные холодному источнику.

Сегодня едва ли кто сомневается в том, что симбиотические звезды — двойные системы.

Сверхновые звезды, как известно, бывают двух типов. Один из них — конечный этап эволюции одиноких звезд. Но есть сверхновые звезды и второго типа, о природе вспышек которых пока мало известно, и здесь астрономы тоже обращаются к спасительному якорю двойственности. Наконец, удивившие весь мир рентгеновские пульсары также оказались входящими в состав двойных звезд. Поистине двойные звезды следовало бы выдумать, если бы они не существовали на самом деле!

Один из рассказов известного писателя-фантаста А. Азимова посвящен драматической судьбе инопланетной цивилизации, живущей в мире двух солнц. Одна звезда — близкая — создает жизнь, поддерживает ее тысячелетиями, другая находится от нее на большом удалении. Время от времени светила сближаются и другая звезда своими палящими лучами испепеляет все живое. Затем жестокое солнце удаляется и все повторяется сначала.

Что это? Предположение талантливого фантаста или, быть может, реальность материального мира, столь щедрого на «выдумку»? Как знать, ведь только в нашей Галактике двойные звезды исчисляются миллиардами и каждая пара хранит тайну, открыв которую человек еще больше приблизится к познанию законов мироздания.

КОМПЛЕКСНАЯ ОХРАНА ПРИРОДЫ — ЧТО ЭТО

Охрана природы и рациональное использование природных ресурсов — одна из важнейших социальных и экономических задач современности. Чтобы более целенаправленно трудиться в этом направлении, Центральный Комитет КПСС и Совет Министров СССР в декабре 1978 года приняли постановление «О дополнительных мерах по усилению охраны природы и улучшению использования природных ресурсов», а Верховный Совет СССР в июне 1980 года принял законы «Об охране атмосферного воздуха» и «Об охране и использовании животного мира». Это очень важные и нужные законы. Они иллюстрируют внимание и заботу Советского государства к окружающей нас природе. Но документы могут остаться документами, если не будут предусмотрены реальные меры по их соблюдению. Одна из таких мер — Постановление, принятое Центральным Комитетом КП Эстонии и Советом Министров ЭССР 14 февраля 1979 года. В нем предусматривается и составление территориальных комплексных схем. Что это значит? С этим вопросом мы обратились к заместителю начальника управления охраны природы Министерства лесного хозяйства и охраны природы Эстонской ССР Мадису Аруя.

— На проходившей осенью 1978 года в столице Туркменской ССР Ашхабаде четырнадцатой Генеральной Ассамблее Международного Союза по охране природы и природных ресурсов была обсуждена «Всемирная стратегия охраны природы». Как показывает уже само название документа, стратегия касается глобальных проблем и определяет лишь категории, позволяющие в каждом отдельном случае найти средства и методы охраны природы. Но в каждой стране эту стратегию можно применить конкретно лишь тогда, когда учитываются местные природные и экономические условия.

Территориальные схемы охраны природы должны предотвратить загрязнение окружающей среды и улучшить использование природных ресурсов в народном хозяйстве. Они станут одним из важных мероприятий в этой области.

Что же входит в эту схему? Она представляет собой общую программу широкого охвата, включает общие направления социального и экономического развития, анализ всех природных ресурсов и состояния всех составных частей природной среды, а также мероприятия по

ТАКОЕ

улучшению существующей экологической ситуации, прогнозы ее развития на многие годы вперед.

Работа над комплексной схемой охраны природы будет тесно связана с годовыми и перспективными планами экономического и социального развития всей республики, что лишний раз подчеркивает актуальность и значимость этого важного мероприятия. Дело в том, что ни одна сфера жизни, в том числе охрана природы, не может сейчас развиваться без учета происходящего в других сферах. Составители схемы охраны природы должны точно знать, как прогнозируется экономика на длительный период, каким окажется в будущем потребление природных ресурсов. Эта схема отражает не только экономические, экологические, социальные факторы, она имеет и большой мировоззренческий смысл, поскольку человек будет прогнозировать развитие природы, займется делами, которые все религиозные направления считают прерогативой бога.

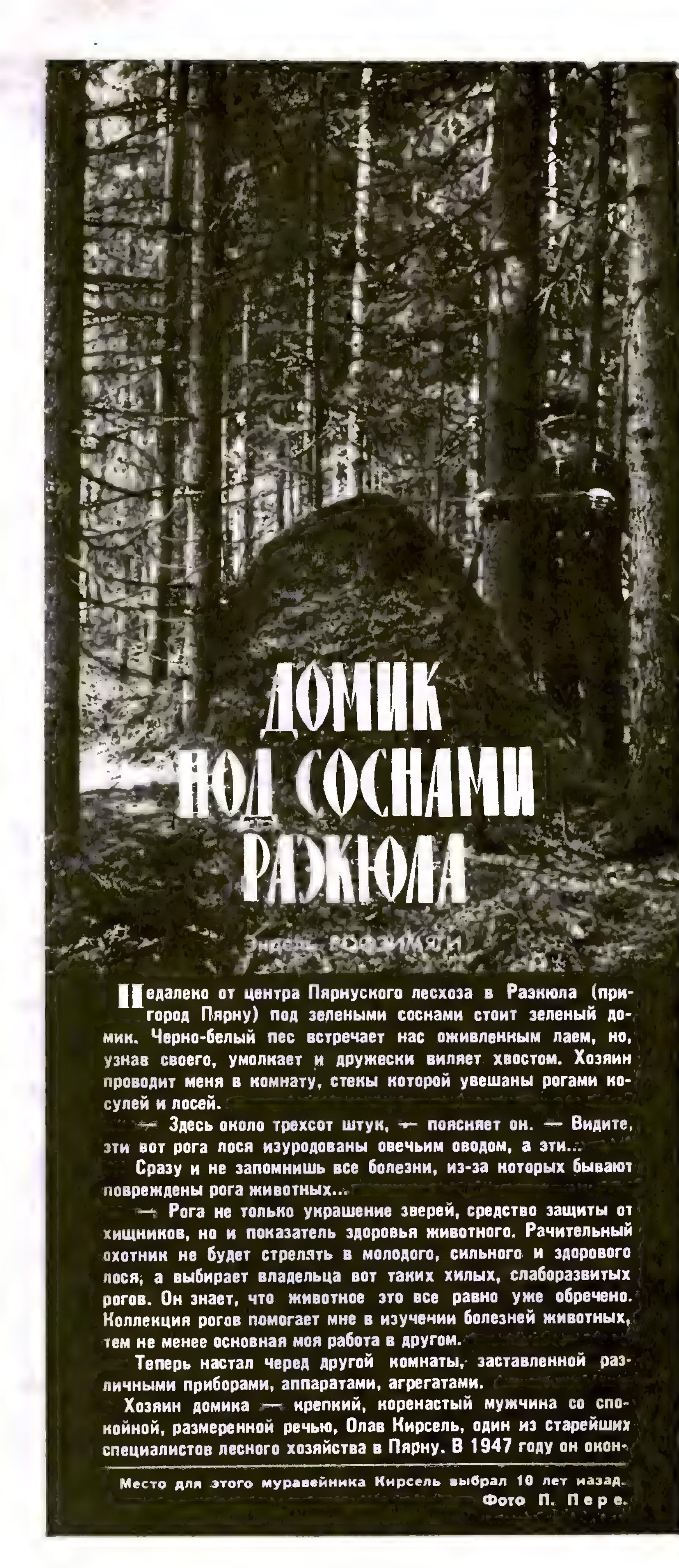
Составители комплексной схемы природы Эстонской ССР начинают не на пустом месте. Важными составными частями туда войдут перспективный проект использования земель, территориальная схема комплексного использования и охраны вод, проекты планирования районов. Кроме них будут приняты во внимание документы более узкой направленности — региональная схема заселения, генеральный план развития лесного хозяйства, генеральный план рекреативных зон и ряд других. Для характеристики состояния окружающей среды определенную роль сыграют данные, полученные в итоге определения размеров вредных сбросов и отходов производства в масштабах всей республики.

Общая комплексная схема охватит Эстонскую ССР в целом. Но наряду с этим будут выделены зоны, требующие более детальной проработки. Это так называемые зоны проблемных ситуаций — сланцевый бассейн, Таплинский промышленный узел, возвышенность Пандивере и архипелаг Западной Эстонии.

Составление схемы предполагается завершить в два года. Она будет утверждена Советом Министров Эстонии. Нашу модель могут использовать другие братские республики при создании своих комплексных схем охраны природы.

В составлении республиканской схемы принимают участие многие ведомства, научные учреждения и проектные организации. Основная тяжесть ляжет на государственный проектный институт «Сельстройпроект», на государственный проектно-исследовательский институт «Эстмелиоративпроект». К ним подключатся научно-исследовательская лаборатория экономики и планирования Госплана ЭССР и Научно-исследовательский институт лесного хозяйства и охраны природы Эстонской ССР.

Свой вклад внесут и научные учреждения других республик, а также ведущие институты Москвы. Руководит всей работой Министерство лесного хозяйства и охраны природы Эстонской ССР.

ДОМИК ПОД СОСНАМИ РАЭКЮЛА

Эндель РООЗИМЯГИ

Недалеко от центра Пярнуского лесхоза в Раэкюла (пригород Пярну) под зелеными соснами стоит зеленый домик. Черно-белый пес встречает нас оживленным лаем, но, узнав своего, умолкает и дружески виляет хвостом. Хозяин проводит меня в комнату, стены которой увешаны рогами косуль и лосей.

— Здесь около трехсот штук, — поясняет он. — Видите, эти вот рога лося изуродованы овечьим оводом, а эти...

Сразу и не запомнишь все болезни, из-за которых бывают повреждены рога животных...

— Рога не только украшение зверей, средство защиты от хищников, но и показатель здоровья животного. Рачительный охотник не будет стрелять в молодого, сильного и здорового лося, а выбирает владельца вот таких хилых, слаборазвитых рогов. Он знает, что животное это все равно уже обречено. Коллекция рогов помогает мне в изучении болезней животных, тем не менее основная моя работа в другом.

Теперь настал черед другой комнаты, заставленной различными приборами, аппаратами, агрегатами.

Хозяин домика — крепкий, коренастый мужчина со спокойной, размеренной речью, Олав Кирсель, один из старейших специалистов лесного хозяйства в Пярну. В 1947 году он окон-

Место для этого муравейника Кирсель выбрал 10 лет назад.
Фото П. Пере.

чил Тихеметсаский лесотехникум и работал сначала лесничим в Килинги-Нымместом лесхозе, а затем в Пярнуском лесхозе — инженером по защите леса. В 1962 году, окончив заочный факультет лесного института, он стал лесопатологом, то есть специалистом по исследованию и лечению леса, защитником его от насекомых-вредителей. Известны три способа борьбы с вредителями — физико-механический, химический и биологический. Олав Кирсель убежденный сторонник биологической защиты. Самыми эффективными помощниками в этом деле он считает рыжих лесных муравьев, хотя высоко ценят лесные патологи птиц, летучих мышей, многих пресмыкающихся и прежде всего ужей.

В Пярнуском лесхозе, где работает О. Кирсель, впервые в Эстонии использовали биозащиту уже в 1958 году. Тогда-то выбор пал на лесных муравьев. Когда патологом лесохозяйства стал Олав Кирсель, эта работа из эпизодической становится постоянной. Начало было нелегким: не было ни помещения, ни средств для исследований. Кирсель перенес в лес сарай-развалюху, приспособил его под маленькую лабораторию, попытался устроить инсектарий — помещение для насекомых. Постепенно создавалась серьезная научная база — с инструментарием, приборами, библиотекой. Появилась возможность изучать и разводить энтомофагов — насекомых, которые или пожирают вредных насекомых, или развиваются из яичек, положенных в гусеницы последних и таким образом уничтожающих свою «колыбель». Главным врагом леса были вредители сосновой хвои. И здесь большую помощь Олав Кирсель ожидал от рыжих лесных муравьев. Прежде всего их взяли на точный учет: в 1971 году это мероприятие проходило уже в масштабах всей республики.

— На каждый гектар леса необходимо иметь не менее четырех муравейников. Тогда образуется надежный фронт против хвое- и листогрызущих вредителей. С короедами муравьи, конечно, не справятся — это уже более сложный вариант биозащиты, тут нужны другие энтомофаги, например мухи-зеленушки, пестряки... Но оказалось, что муравейники можно размножать и в этом их большое преимущество.

Для леса полезны все рыжие лесные муравьи. Они питаются и хвое- и листогрызущими вредителями: сосновыми пильщинами, дубовыми листовертками, зимними пяденицами и некоторыми ночными бабочками. Искусственное размножение муравейников — дело очень тонкое, сложное, тем более что не все виды рыжих муравьев ему поддаются. Как это делается? В конце мая из жизнеспособного муравейника берут не менее 150 литров материала гнезда, вместе с рабочими и самками, и переносят их в новое выбранное место. Новое гнездо можно образовать из материала нескольких муравейников, а иногда одно крупное гнездо дает начало нескольким новым. Пройдет три-четыре года, прежде чем новоселы проявят себя как санитары леса.

Муравьи по природе своей агрессивные насекомые. Инстинкт заставляет их убивать даже тогда, когда они не нуждаются в пище, поэтому эффективность их санитарной работы очень велика. Одно активное гнездо рыжих муравьев может в течение летнего дня уничтожить до 20 тысяч вредных насекомых, а за лето — свыше двух миллионов вредителей. Кроме того, рыжие лесные муравьи разрыхляют почву, что способствует обновлению леса, опекают и защищают тлей, дающих сладкую росу, которую пчелы собирают с поверхности хвои и листьев. Ползая по деревьям, муравьи оставляют на ветках, хвое и листьях вирусы и бактерии, вызывающие болезни у многих вредителей. Пожирая больных насекомых, муравьи заражаются их болезнями, но сами они не заболевают, а превращаются в носителей этой болезни. Это их качество можно искусственно усилить.

Олав Кирсель приносит из лаборатории гусеницу соснового пильщина, держит ее пинцетом и продолжает:

— Для этого мы собираем больных гусениц, растираем их в порошок и приготовляем водный раствор, которым обрызгиваем муравейник. Такой способ направленного воздействия на борьбу с определенными видами вредителей очень эффективен. Видите, эта гусеница соснового пильщика погибла из-за вирусного заболевания. Вирус сохраняется в ее тельце довольно долго и, если создать ему благоприятные условия, станет быстро размножаться. Такой вид биозащиты леса впервые использовал у нас мой предшественник Саади Михкельсон (сейчас он работает заведующим отделом лесозащиты Эстонского НИИ лесного хозяйства и охраны природы).

Чтобы правильно использовать муравьев, необходимо тщательно изучить этих санитаров леса: какие функции выполняет тот или другой рыжий лесной муравей, каких насекомых чаще использует в пищу, сколько живет сам. Поэтому на члениках задней части тела наблюдаемых муравьев мы наносим разноцветные отметины, чтобы было легче наблюдать за подопытным насекомым.

Здесь, в зеленом домике, мы создали искусственное гнездо для исследования жизни муравьев. Специальный шкафчик, прикрытый люками, сохраняет покой и темноту. Гнездо соединено с полигоном (платформой, которую подогревают электрической лампой) стеклянной трубкой, внутри которой и передвигаются муравьи. На полигон они приходят дышать воздухом, добывать пищу, выносить трупы на «кладбище». Чтобы насекомые не разбежались, полигон окружили водой.

Кормят их разнообразной пищей, в том числе мясной, покрывающей дефицит белка, который необходим для продолжения рода. Если белка мало, то самки не кладут яички.

В благоприятных условиях гнездо рыжих лесных муравьев может сохранять жизнеспособность десятки лет. Однако численность их в некоторых наших лесах уменьшается. Почему? Главная причина — бездумная, а часто злонамеренная деятельность людей. Ведь не случайно вблизи населенных пунктов больше всего разрушенных муравейников. Люди забывают, что именно они сами — хозяева и радетели природы. Но нам, специалистам, этого забывать никак нельзя. Мы должны учить людей бережному отношению к природным богатствам.

Рыжие лесные муравьи находятся в Эстонии под охраной государства еще с 1958 года. Но многие этого не знают или не хотят знать. Даже лесорубы. Когда какая-нибудь часть леса подвергается сплошной вырубке и там имеются гнезда рыжих лесных муравьев, необходимо до начала работ перенести их в мешках (ночью, когда все обитатели на месте) на другой безопасный участок леса и разместить вокруг старого пня. Муравьи сами наладят свою жизнь. Если оставить муравьев на лесосеке, они погибнут даже в том случае, когда гнезда останутся невредимыми. Ведь условия окружающей среды резко изменятся.

Мы с коллегами ведем постоянную разъяснительную работу, особенно среди школьников, привлекаем их к работе по размножению рыжих лесных муравьев. Например, в 1978 году на моем участке появилось более 800 гнезд новоселов.

Весной и летом зеленый домик под соснами Разкюла особенно многолюден. Здесь работают студенты-дипломники, будущие лесопатологи, проходят интересные совещания и даже научные конференции. В этих местах снимал уникальный фильм «Хвойное городище» известный режиссер-документалист Рейн Маран.

В любое время года у патолога леса много дел: лес необходимо оберегать. От одного лесхоза к другому едет маленькая подвижная лаборатория Олава Кирселя, готовая помочь и советом и делом.

Это особенно важно и полезно сейчас, когда Верховный Совет СССР принял Закон «Об охране и использовании животного мира».

Перевёл с эстонского У. НООР

ЦЕЛЕУСТРЕМЛЕННОСТЬ

Рейн ВЕСКИМЯЭ

Фото У. Веске.

«Охота» за строматопоратами привела Х. Нестора на берег Днестра.

● Несколько лет назад сотрудники Института геологии АН ЭССР устраивали базу для полевых работ близ Кургья. На восстановлении старых хуторских построек каждому нашлось дело по способностям, в том числе и палеонтологу Хелдуру Нестору. Но возведение здания науки — дело куда более сложное. Если оттолкнуться от этого обстоятельства, то первый камень фундамента своих знаний Хелдур Нестор заложил еще в дни учебы в Тартуском государственном университете, когда он серьезно заинтересовался строматопоратами — низшими беспозвоночными животными, обитавшими в морях палеозойской и мезозойской эры многие десятки миллионов лет назад.

Получив диплом геолога, он начал систематические исследования в этой области и, не изменяя избранной теме, уверенно двигался к намеченной цели.

Уже в начале семидесятых годов кандидат наук палеонтолог Х. Нестор заявил о себе как о незаурядном ученом, хорошо знающем окаменелости, прекрасно ориентирующемся в сложном, порой противоречивом перемешении древних геологических слоев. Он стал знающим стратиграфом, специалистом, определяющим возраст тех или иных геологических отложений, палеогеографом, четко разбирающимся в климатических и вообще экологических условиях давно прошедших эпох.

И вот работа над докторской диссертацией. Каждый день в папку укладывалось по две страницы отработанного, выверенного текста, тщательного описания и анализа собранного материала. Его он собирал в экспедициях на берегах Днепра, в заполярной Эвенкии, изучал в геологических музеях Москвы, Ленинграда и других городов страны. Он сравнивал данные полупустынь Австралии со Скалистыми горами Канады, знакомился с публикациями коллекций Британского музея и Боннского университета.

В конце 1978 года старший научный сотрудник Х. Нестор завершил работу над рукописью докторской диссертации и успешно защитил ее на специализированном совете Московского государственного университета. Тема исследования — «Эволюция и условия обитания палеозойских строматопорат».

Работа относится к области палеонтологии, науки, лежащей на стыке биологии и геологии.

— Тема звучит как биологическая, цель же была сугубо геологическая, — говорит Хелдур Нестор. — Ведь окаменелости, с одной стороны, позволяют определить относительный возраст горных пород, в которых они содержатся, с другой — условия образования этих пород. Таким образом появляется возможность восстанавливать геологическую историю Земли.

Подобно тому, как в археологии особенности каменных топоров, черепков сосудов, оружия помогают определить возраст древних стоянок человека и районы его расселения, окаменелости в геологии тоже играют роль возрастных и географических ориентиров. Однако, поскольку различные районы заселяли разные организмы, палеонтологи должны заниматься различными группами окаменелостей, сравнивая их по времени существования, и создавать своего рода временную шкалу. Иначе геологические реконструкции и хронологические построения будут неполными.

Вот почему так важны строматопораты — большие, массивные окаменелости, внешне схожие, но различающиеся по внутреннему строению. Порой они встречаются в больших скоплениях, образуя, как и кораллы, целые рифы. Но изучение этих окаменелых моллюсков дело очень сложное. Известный английский палеонтолог Х. А. Никольсон писал в конце прошлого века: «Вряд ли найдется другая группа вымерших организмов, которая доставила больше трудов исследователям, чем строматопораты».

— Трудности начинаются уже при попытке определить биологическую природу строматопорат, этих представителей полностью вымершего отряда животных или растений, их систематическую принадлежность. Их считали то водорослями, то простейшими, то губками или кишечнополостными. Последние две точки зрения наиболее распространены, и именно их сторонники за последние десятилетия поломали немало копий в спорах друг с другом. Нельзя было обойти стороной этот вопрос. При определении родовой принадлежности, родовых связей строматопорат в большинстве случаев исходили из их внешнего сходства с формами, живущими в настоящее время, не выясняя, есть ли в геологической летописи звенья, их соединяющие. А такие звенья существовали. Так, удалось выяснить, что на ранней стадии своего эволюционного развития строматопораты были тесно связаны с другими организмами — гелиолитоидами, относящимися к кораллам. Таким образом доказано, что строматопораты — кишечнополостные.

Составление родословного дерева строматопорат и систематизация на его основе соответствующих окаменелостей было одной из основных задач докторской диссертации Хелдура Нестора. Он первый осуществил реконструкцию основных типов этой группы окаменелостей. Один из оппонентов на защите его докторской диссертации академик В. В. Меннер сказал: «Только сейчас я смог представить строматопораты как живые организмы, поскольку до сего времени они были для меня просто камнями».

Другая задача диссертации — выявление отношения строматопорат с окружающей средой. Еще никто столь тщательно не изучал последовательную приспособляемость определенной группы организмов к новым условиям обитания. Как правило, этот фактор даже не учитывался при палеогеографическом объяснении происхождения месторождений различных полезных ископаемых. А между тем знание закономерностей распространения пород и окаменелостей позволяет более целенаправленно вести их поиск. Умело используя результаты научных исследований, можно значительно облегчить и удешевить эти работы. И здесь не единственная область, где исследования доктора геолого-минералогических наук Хелдура Нестора имеют большое практическое значение.

— Есть ученые со степенью и без нее, — говорит Димитрий Кальо, директор института, где работает Х. Нестор.— Доктора и кандидаты, младшие и старшие научные сотрудники. Но можно расставить их и в соответствии с неофициальной шкалой — в зависимости от того, как они работают, сколь весомых результатов добиваются.

Хелдур Нестор продумывает и взвешивает все, иногда даже дольше, чем хотелось бы. Но когда за какое-то дело берется, не бросит его, пока не получит весомый результат.

Перевел с эстонского Ю. КАТТЕЛЬ

Рабочая группа Института геологии АН ЭССР в Подолье.

ВСТРЕЧА С ИНТЕРЕСНЫМ СОБЕСЕДНИКОМ

Я — ВАШ ЧИТАТЕЛЬ!

СПЕЦИАЛЬНЫЙ КОРРЕСПОНДЕНТ ЖУРНАЛА АЛЕКСАНДР РОМАНОВ ВЗЯЛ ИНТЕРВЬЮ У ИЗВЕСТНОГО ИТАЛЬЯНСКОГО УЧЕНОГО-КОММУНИСТА АМБРОДЖО ДОНИНИ. В СВОИХ КНИГАХ, АНАЛИЗИРУЯ БОГАТЕЙШИЙ ФАКТИЧЕСКИЙ МАТЕРИАЛ, ОН УБЕДИТЕЛЬНО РАСКРЫВАЕТ ЗЕМНЫЕ КОРНИ ПОРОЖДЕННОГО ОПРЕДЕЛЕННОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ ЭПОХОЙ ХРИСТИАНСТВА, ЛИШАЕТ ЕГО ОРЕОЛА ИСКЛЮЧИТЕЛЬНОСТИ, СВЕРХЪЕСТЕСТВЕННОСТИ, «БОЖЕСТВЕННОГО ОТКРОВЕНИЯ».
МНОГОЛЕТНИЙ ПОДПИСЧИК ЖУРНАЛА «НАУКА И РЕЛИГИЯ», ПРОФЕССОР АМБРОДЖО ДОНИНИ РАССКАЗАЛ НАШИМ ЧИТАТЕЛЯМ О СЕБЕ И СВОЕЙ РАБОТЕ.

Читателям журнала «Наука и религия» с пожеланием еще больших успехов в общей борьбе за освобождение человека от тяжелого наследия прошлого — эксплуатации, многих веков социального и духовного гнета, — за подлинный, новый гуманизм, за мир и социализм во всем мире.

Амброджо ДОНИНИ

Мне уже не раз приходилось писать, что марксизм не собирается уничтожать религию, как обычно — наивно или небескорыстно — утверждают в полемике на эту тему. Марксисты не отменяют ни религию, ни мораль, ни философию, считая, что не существует абстрактных «вечных истин», что при изменении условий жизни людей и их общественных отношений меняются представления, идеи, взгляды. Разумеется, старые идеи исчезнут окончательно только тогда, когда будут полностью изжиты все антагонистические классовые противоречия, их пережитки в сознании людей. Ясно, что такие изменения невозможно совершить административным путем, что они требуют длительного периода исторических и социальных преобразований.

Энгельс высмеял в «Анти-Дюринге» премудрого немецкого философа, который утверждал, что в новом обществе религия будто бы будет упразднена декретом. Полезно вспомнить одну из статей Ленина, написанную в период революции 1905 года. В ней подчеркивалось, что «единство этой действительно революционной борьбы угнетенного класса за создание рая на земле важнее для нас, чем единство мнений пролетариев о рае на небе».

Мы видим, что произошло в Советском Союзе и других социалистических государствах, твердо стоящих на почве марксистского учения. Традиционные религии народов этих стран не только не упразднены, но церкви гарантирована полнейшая свобода. Новая Конституция СССР — убедительное тому подтверждение.

Я — почти ровесник века. Разумеется, пришлось немало пережить, прежде чем прийти к определенным, устойчивым взглядам на мир, на общество, на человека. Родился я в 1903 году близ Турина, в католической семье. Отец был генералом артиллерии и, естественно, мечтал сделать меня, первого сына, военным. Но судьба распорядилась по-иному. Во время игры мне, одиннадцатилетнему мальчишке, выбили правый глаз. Родители долго не могли смириться со случившимся, потом решили, что я смогу подготовиться, чтобы со временем стать священником. Тут уж воспротивился я сам. Хотя интерес к истории религии появился у меня уже в юности, я понял, что для теологов, что бы они ни рассматривали, разграничительная линия всегда одна и та же: только моя религия — истинна, все остальные — ложны. Так рассуждают буддистский монах, толкователь Корана, священник-синтоист, протестантский проповедник, иезуитский наставник.

Мне бы хотелось подчеркнуть одно чрезвычайно важное обстоятельство, о котором я уже неоднократно писал. Несколько поколений миссионеров, собиравших разрозненные и противоречивые сведения о жизни и обычаях первобытных народов и толковавших их в свете своих апологетических представлений,

Ai lettori della rivista "Scienza e religione", con l'augurio di sempre maggiori successi nella lotta comune per la liberazione dell'uomo dal peso del passato, da secoli e secoli di sfruttamento e di oppressione sociale e spirituale, per un nuovo vero umanesimo, per la pace e il socialismo nel mondo intero

Mosca, 1980 *Ambrogio Donini*

создали некую книжную историю религиозного развития человечества. Желая во что бы то ни стало утвердить христианское понятие «откровения», они задались целью доказать, будто в самой основе цивилизации всех народов лежит вера в некое «высшее существо», которое лишь различно определяется в соответствии с тем или иным местом, языком и обстоятельствами. И только значительно позже, утверждают они, в связи с вырождением нравов возник культ идолов и поклонение небесным явлениям и животным. Монотеизм великих исторических религий, как они называют иудаизм, буддизм, христианство, ислам, является, следовательно, не чем иным, как возвращением к первоначальной вере.

Эта теория изложена — и не без претензий на эрудицию — в целой серии трудов известного католического этнографа профессора Вильгельма Шмидта, долгие годы преподававшего в Венском и Фрибурском университетах и пользовавшегося славой крупнейшего представителя «историко-культурной школы» (целого моря фантазии!), которая исследовала происхождение идеи бога.

Эта теория совершенно не учитывает характера религиозной идеологии. Как известно, пытаясь объяснить «тайну» жизни и общества, люди всегда имели в своем распоряжении лишь те определенные средства, ту сумму знаний, которые соответствовали реальным условиям их существования. Когда человек еще недалеко ушел от животного состояния, он, конечно, не только не мог осмыслить свое место в природе, но и просто понять свою зависимость от нее. Никакое проявление религиозной жизни в ту эпоху не было возможно.

Потребовался длительный процесс развития общества, чтобы человек мог осознать и воплотить в определенных религиозных представлениях новые формы своей жизни. Многообразие сил природы, господствовавших над ним, породило изобилие богов. Иначе говоря, на этой древнейшей стадии религиозного развития господствовало то, что называют политеизмом. И лишь после образования первых рабовладельческих государств в Шумере и Ассирии, Вавилоне и Египте, в Мексике и Перу, в северном и восточном Средиземноморье началось постепенное формирование первых монотеистических религиозных представлений.

Сами люди придали божествам именно те формы, которые соответствовали уровню их производства и общественного опыта. Идея об одном господине на небесах не могла возникнуть прежде, чем конкретно не утвердилась власть одного господина на земле.

Итак, политеизм, затем — монотеизм. Почти все попытки разделить, классифицировать религии как-то иначе исходят из явно второстепенных признаков идеологического и морального порядка и не имеют существенного значения. Таково, например, деление религий на природные и исторические — свидетельство странного понимания отношений между историей и природой; или другое, внешне будто бы более научное деление на религии племенные (религии первобытных народов, кельтов, славян, германцев, латинян и др.), национальные (религии Персии, Египта, Вавилона, Греции, Рима, Индии, Китая, Мексики, Японии и др.) и всемирные (иудаизм, буддизм, христианство и ислам). Более солидно выглядит деление на первобытные культы, «монархические» религии (Индии, Рима, Афин, Израиля), религии «спасения» (буддизм, мистические культы, мессианский мистицизм Павла) и «католические», то есть универсальные религии (римский культ времен империи, астрология, учение Филона Александрийского, католицизм, ислам, китайские религии). Но и это разделение весьма далеко от истины.

Подлинно научная классификация религий не может быть проведена без правильного понимания их истинных корней, реальных причин происхождения религиозной идеологии и ее развития в сменяющих друг друга фазах общества. Если исходить из такого понимания, то следует говорить о религиях первобытного общества, рабовладельческого, феодального и капиталистического обществ. Тот, кто отступает от данного критерия, неизбежно, независимо от своей научной подготовки и знаний, придет к вымышленной истории религии.

Религиозные учения всегда были основаны на приспособлении к классовым интересам. Это хорошо видно на примере письма Пия XII, опубликованного в «XXXI католической неделе». «Учению творца полностью отвечает и деление на классы и классовые различия», — говорил глава католической церкви. И добавлял: эти различия «не гнетут человека, напротив, они утверждают и уважают его, толкают к постепенному совершенствованию его личности». В этой связи вспоминается эпизод, когда папа Пий XII, который, как известно, был ярым реакционером, уже в послевоенные годы отказался принять группу туристов-католиков из СССР.

Проблемами религии я серьез-

но заинтересовался еще студентом, — учась в Римском университете. А когда в 23 года стал доцентом, начал преподавать историю христианства и историю апокалипсической литературы. Это были времена фашистской диктатуры в Италии. С 1926 года я — член Итальянской коммунистической партии. Сразу же пришлось уйти в подполье, ибо все, даже самые куцые свободы, были отменены.

В один из дней 1928 года отец узнал, что меня должна арестовать секретная полиция. Он достал мне паспорт, по которому я, с согласия партии, уехал в Америку — стал политическим эмигрантом. Там я начал преподавать в Гарвардском университете, но больше занимался тем, что вел пропаганду среди итальянских рабочих. Через три года Пальмиро Тольятти попросил меня вернуться в Европу и поработать в руководстве нашей партии в Париже. Я сотрудничал в газетах, основал в Брюсселе нелегальное издательство. Партия посылала меня и в Италию. Один из приездов на родину я совершил с чужим, английским, паспортом в качестве пастора и вел «примерную» пасторскую службу довольно долгое время.

Мне достаточно рано стала ясна суть религиозной нетерпимости со всеми ее печальными и кровавыми последствиями, знакомая людям еще с древнейших времен.

Нетерпимость эта порождена классовым обществом и несовместима с обществом, не знающим гнета и эксплуатации.

В 30-е годы я колесил по всей Европе, затем был послан в Тунис, где трудились десятки тысяч итальянских эмигрантов. Я был представителем Италии на Первом международном конгрессе писателей в защиту культуры. Конгресс заседал в июне 1935 года в парижском Дворце солидарности. Это были незабываемые встречи с Горьким и Роменом Ролланом, Барбюсом и Эренбургом. Особенно врезалось в память мне выступление Алексея Толстого.

Помню его мысли о революции, о свободе. Есть две свободы, говорил с трибуны писатель, как две сестры — день и ночь, как жизнь и смерть. «Одна — вон впереди, открытая и уверенная. Другая — призраком бредет по выжженной пустыне, между покосившихся деревянных крестов. Мефистофельским противоречием этого мирового кладбища закончилась эта идеальная любовь к человеку. Я оборачиваюсь к этой, к ней, некогда вспоившей из кастальского ключа мое творчество. Вы ли это, печальная сестра? Вы невещественны, как мираж. В свое время вы разбудили во мне поэта. Вы нашептывали: «Творчество есть ощущение своей свободы, — высший дар для избранника. Познай самого себя, будь Демиургом, будь Прометеем».

Алексей Толстой, затронув глубокий вопрос о свободе, указал на «ту, другую сестру, идущую впереди, открыто и уверенно, к неохватным для взора перспективам пышного расцвета земли, к голубым городам нашего близкого будущего. Цель всего дела Советского Союза — человек, его свобода, его счастье...». И писатель справедливо подчеркнул, что именно в человеке заложены безграничные источники творчества, иначе он не стал бы человеком. Нужно их освободить и вскрыть. И сделать это, не заламывая рук с молитвенной мольбою о справедливости, а ставя человека в подходящие общественные и материальные условия.

Следующий международный писательский конгресс проходил в Испании. Героическая борьба республиканцев, победы испанского народа имели огромное международное значение.

Когда в 1937 году партии удалось организовать в Париже легальную газету «Голос итальянцев», меня назначили ее главным редактором. И то, что сразу после войны Итальянская компартия получила более 4 миллионов голосов, не было делом случая, а явилось результатом многолетней, кропотливой работы.

Мне приходилось встречаться со многими интересными людьми. Я близко знал Г. М. Димитрова, всегда поражался его неуемной энергии, воле. Совершенно исключительной личностью был Пальмиро Тольятти, человек глубочайшего ума и культуры. Он знал, что я — специалист по проблемам религии, и всегда давал мне вести вопросы, связанные с католицизмом. В 1936 году меня избрали членом ЦК Компартии Италии и поручили заниматься всем, что касалось итальянских рабочих-католиков, включая и эмигрантов. Пленум ЦК 1936 года уполномочил меня написать обращение к итальянским католикам бороться против опасности войны, за демократические свободы.

Накануне второй мировой войны Тольятти направил ряд коммунистов в разные страны — на нелегальную работу среди эмигрантов. Меня послали в США, предстояло организовать там газету для итальянских эмигрантов, в среде которых влияние фашистов было весьма сильным. В декабре 1941 года американская полиция посадила меня в тюрьму как коммунистического агента. Выйдя на свободу, я продолжал работать в качестве руководителя эмигрантских групп, с чрезвычайными трудностями провел более 700 митингов в разных городах Америки.

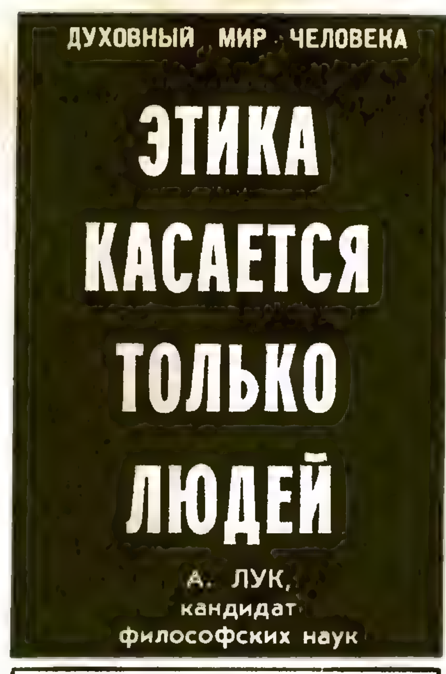
В 1945 году вернулся в Италию, был избран членом муниципалитета Рима. Меня послали чрезвычайным и полномочным послом в Польшу, а после возвращения оттуда для меня начался новый этап научной работы. Я стал писать книги по проблемам, связанным с религией, главным образом по истории христианства. Всю исследовательскую работу я вел параллельно с работой политической — как директор Института Грамши, как сенатор-коммунист Итальянской республики, как заместитель и председатель Итальянского комитета мира и член Всемирного совета мира. Из своих работ хотел бы назвать «Очерки истории религии» (на русском языке книга вышла под названием «Люди, идолы и боги»), «История христианства» (I том), «У истоков христианства», «Энциклопедия религий». Последняя моя книга — о модернизме. Не могу не сказать, что если я до сих пор успешно и плодотворно работаю, то прежде всего благодаря советской медицине. Ваша страна дала мне здоровье, надежду, полнокровное ощущение действительности.

В заключение несколько слов о вашем журнале.

У меня есть все номера журнала «Наука и религия». Считаю, что это — одно из лучших изданий, затрагивающих в доступной форме серьезные общественные проблемы, вопросы истории религии, ее сущности в прошлом и настоящем. Журнал не стоит на месте и с точки зрения содержательной, и в полиграфическом оформлении. Естественно, что всегда можно делать еще лучше. Думаю, следует глубже разрабатывать рубрику «За рубежом», шире освещать проблемы освобождения мира, имеющие также важные религиозные аспекты, например деятельность революционных католических групп в Южной Америке. Считаю, что следует больше заниматься католической церковью, серьезней и глубже изучать ислам, его роль в современной политической жизни развивающихся стран. Наконец, стараться установить контакты с движением свободомыслящих. В Италии есть Общество Джордано Бруно — часть всемирного движения свободомыслящих. Я рад отметить, что это общество активно защищает свои взгляды на всех конгрессах в разных частях мира. На последнем конгрессе в Риме я сделал доклад «Атеизм и всемирное движение свободомыслящих», который был опубликован в журнале «Раджоне».

Три-четыре года назад у нас перевели и выпустили известную книгу Емельяна Ярославского «Библия для верующих и неверующих». Я написал к ней предисловие. Это талантливая работа, хотя сегодня что-то в ней и устарело. Но в главном она — очень хорошее лекарство для тех, кто еще верует в библейские мифы. Ведь надо сказать, что католики, как правило, Библию не читают. Церковь предпочитает сама интерпретировать ее тексты.

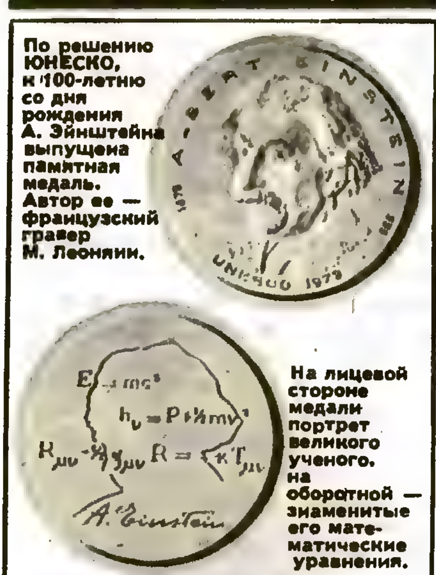
Историческая обреченность религии в том, что она старается перевести все проблемы в иллюзорное будущее, увести от реальной действительности. А ведь только в этой, единственной, реальной, земной жизни человек может и должен дождаться своего звездного часа, сделать свое существование по-настоящему творческим, разумным, справедливым.

ДУХОВНЫЙ МИР ЧЕЛОВЕКА

ЭТИКА КАСАЕТСЯ ТОЛЬКО ЛЮДЕЙ

А. ЛУК, кандидат философских наук

По решению ЮНЕСКО, к 100-летию со дня рождения А. Эйнштейна выпущена памятная медаль. Автор ее — французский гравер М. Леонияни.

На лицевой стороне медали портрет великого ученого, на оборотной — знаменитые его математические уравнения.

Минувший и нынешний годы богаты датами, связанными с жизнью и творчеством Альберта Эйнштейна — великого преобразователя естествознания, как назвал его В. И. Ленин: в прошлом году отмечалось 100 лет со дня рождения ученого, в 1980 году исполнилось 25 лет со дня его смерти и 75 лет создания специальной теории относительности [1].

В нашей стране и за рубежом публикуется много материалов об Эйнштейне: воспоминания, документы, статьи и книги о жизни выдающегося мыслителя. В ряду этих книг внимание широкой читающей публики привлек сборник, подготовленный к печати бывшим секретарем Эйнштейна Элен Дюкас вместе с профессором физики Б. Гофманном [2]. Сюда вошли письма Эйнштейна и его заметки, не публиковавшиеся при жизни.

В этих заметках и письмах (Эйнштейн отвечал почти на все письма, которые получал, независимо от возраста и служебного положения своих корреспондентов) нашли отражение взгляды ученого на широкий круг проблем науки, искусства, политики. Существенно, что сборник дает возможность достаточно полно представить себе характер отношения Эйнштейна к религии, к проблемам нравственности. Это особенно важно в связи с тем, что до сих пор существует мнение о частичной религиозности Эйнштейна.

В письме от 22 марта 1954 года он пишет:

«То, что вы прочитали о моих религиозных убеждениях — разумеется, ложь. Эту ложь систематически повторяют. Я не верю в бога как в личность и никогда не скрывал этого. Если во мне есть нечто религиозное, так это беспредельное восхищение строением Вселенной — как ее открывает перед нами наука».

«Научные исследования исходят из того, что все на свете определяется законами природы; это относится и к действиям людей. Поэтому ученый-исследователь не верит, что на события может повлиять молитва, то есть просьба, обращенная к сверхъестественному существу. Нужно, однако, признать, что наши знания об этих законах несовершенны и отрывочны. Можно сказать, что убежденность в существовании основных всеобъемлющих законов Природы также зиждется на вере. Правда, эта вера до сих пор всегда оправдывалась успехами научных исследований».

В 1921 году Эйнштейн получил письмо от жительницы Вены, которую интересовало, верит ли ученый в бессмертие души и существование загробной жизни. Ответ был прямой и недвусмысленный:

«Мистические тенденции нашего времени, проявившиеся в бурном росте теософии и спиритуализма, для меня служат показателем слабости и смятения мысли... Концепция души без тела кажется мне пустой и бессодержательной».

Вопросы подобного рода задавали Эйнштейну не раз. Баптистская проповедница прислала ему письмо, в котором спрашивала, верит ли он в бессмертие человеческой души и думает ли об отношении своей души к богу. И снова ответ был однозначен. В письме от 17 июля 1953 года Эйнштейн сообщал своей корреспондентке:

«Я не верю в бессмертие отдельного

[1] См. об этом: Л. Друянов. Формула неверия». «Наука и религия», 1979, № 3.
[2] «Albert Einstein: the Human Side», ed. by H. Dukas and B. Hoffmann. Princeton, 1979.

человека и полагаю, что этика касается только людей и не должна опираться на сверхчеловеческий авторитет».

В середине 50-х годов ученый получил письмо от человека, который, считая Эйнштейна верующим, спрашивал его о месте Разума во Вселенной. В сборнике воспроизводится ответ:

«Я никогда не приписывал Природе никакой цели, преднамеренного стремления или чего-нибудь еще, чему можно дать антропоморфическое истолкование. Природа — величественное здание, которое мы в состоянии постигнуть весьма неполно и которое возбуждает в душе мыслящего человека чувство скромного смирения, ничего общего не имеющее с мистицизмом».

В конце 20-х годов Эйнштейн получил письмо от американского банкира, который сетовал на то, что большинство ученых отказались от привычного представления о боге — с бородой, окруженного ангелами и т. п. В ответ Эйнштейн написал:

«Я не могу себе представить бога как личность, бога, влияющего на поступки людей и осуждающего тех, кого сам сотворил... Моя религиозность состоит в смиренном восхищении безмерно величественным духом, который приоткрывается нам в том немногом, что мы, с нашей слабой и скоропреходящей способностью понимания, постигаем в окружающей нас действительности. Нравственность имеет громадное значение для нас, а не для бога».

Священник из Чикаго в конце 30-х годов посчитал возможным сделать доклад на тему «Религиозные следствия теории относительности». Он обратился к Эйнштейну с просьбой ответить в этой связи на некоторые вопросы. Ученый ответил так:

«Я не верю, что основные идеи теории относительности могут претендовать на какую-либо общность с религией, столь отличной от научного познания... Чувство благоговения, порожденное ощущением логической постижимости глубочайших взаимосвязей, совсем другого рода, чем чувство, обычно именуемое религиозным... Оно не заставляет создавать божество по своему образу и подобию — персонаж, предъявляющий к нам требования и интересующийся нами как индивидуальностями. Во всем этом нет ничьей воли, никакой цели, никакого долженствования, а лишь бытие. Поэтому люди моего склада считают мораль чисто земным делом, хотя и наиболее важным в области человеческих отношений».

Сборник высказываний Эйнштейна позволяет судить и о его отношении к церкви. В 1950 году священник одной из нью-йоркских церквей обратился к Эйнштейну с просьбой: написать от руки отрывок из заявления, которое ученый сделал вскоре после прихода фашистов к власти. Священник хотел вставить этот отрывок в рамку и повесить в церкви. Вот о каком заявлении шла речь:

«После переворота в Германии я ждал, что университеты встанут на защиту милой моему сердцу свободы. Но нет, университеты были сразу же принуждены к молчанию. Затем я обратил взор к редакторам крупных газет, чьи пламенные передовицы в былые дни ратовали за свободу, но и они, подобно университетам, молчали. Я ждал выступлений писателей, литературных вождей Германии, прежде охотно рассуждавших о роли свободы в жизни общества; но и они безмолвствовали.

Только церковь сопротивлялась гитлеровской кампании. Я никогда раньше не питал особых симпатий к церкви, но теперь испытываю к ней добрые чувства...»

Эйнштейн ответил своему корреспонденту:

«Глубоко тронут вашим обращением... Однако я пришел в некоторое замешательство. Словесная формулировка заявления, на которое вы ссылаетесь, принадлежит не мне. Вскоре после прихода Гитлера к власти в Германии у меня была устная беседа с одним журналистом об этих вещах. С тех пор мои замечания были развиты и преувеличены так, что я сам их почти не узнаю. Поэтому я не могу со спокойной совестью подписать присланный вами текст.

Дело это для меня тем более щекотливое, что я в основном критически отношусь к политической роли официального духовенства в истории человечества. Поэтому такое заявление создаст ложное впечатление о моем отношении к церкви... С радостью готов написать что-нибудь другое, если вы укажете мне, что именно вам подойдет».

Священник немедленно ответил; оказалось, у него самого существуют серьезные сомнения в отношении исторической роли церкви. Однако он еще раз попросил ученого написать те слова, которые тот сочтет важными.

Эйнштейн написал:

«Важнейшее из человеческих усилий — стремление к нравственности. От него зависят наша внутренняя устойчивость и само наше существование. Только нравственность в наших поступках придает красоту и достоинство нашей жизни. Сделать ее живой силой и помочь ясно осознать ее значение — главная задача образования».

Эйнштейн придавал огромное значение этике и нравственности. Об этом он высказывался неоднократно на протяжении десятилетий. В 1935 году он написал сестре Майе:

«В конечном счете основой всех человеческих ценностей служит нравственность».

В сентябре 1937 года ученый высказался еще решительнее:

«Наше время отмечено поразительными успехами научного познания и его практических приложений. Как не радоваться этому? Но нельзя забывать, что знания и мастерство сами по себе не смогут привести людей к счастливой и достойной жизни. У человечества есть все основания ставить провозвестников моральных ценностей выше, чем открывателей объективных истин».

Эйнштейн видел, что вера в бога рушится, видел падение престижа религии и рост атеистических настроений в мире. Однако все это не вызывало у него озабоченности. Эйнштейн был убежден в том, что моральные ценности не связаны с религиозными вероучениями; отсюда прямой вывод — истоки нравственности не следует связывать с религией, необходим иной фундамент моральных ценностей.

«Основания нравственности не должны опираться на мифы или авторитет высшей власти, ибо сомнение в мифе или в законности власти поставит под угрозу мерило здравых суждений и поступков».

Эйнштейн настойчиво повторял, что этика — земное дело и она не связана и не должна быть связана с религией. Отрицая религиозный фундамент основ нравственного поведения, он не склонен был считать, что развитие науки и техники способно разрешить все сложные проблемы века. Более того, он видел опасность, которую несет человеку развитие современной индустриальной цивилизации.

«Первопричина пугающего ухудшения этического поведения людей — механизация и дегуманизация нашей жизни. Это гибельный побочный результат развития научного и технического мышления».

Именно поэтому, по мнению Эйнштейна, так возрастает роль тех людей, которые являются образцами морального поведения для окружающих, которые умеют противостоять давлению окружающей среды, кто не разменивает свои нравственные принципы.

«Подлинный прогресс человечества основывается не столько на изобретательности ума, сколько на совести таких людей...»

1

Знаменитая книга К. А. Тимирязева «Жизнь растения» недавно начала второе столетие своей жизни у читателей. Немного научно-популярных сочинений в мире могут сравниться с ней своей «живучестью», постоянным и непреходящим читательским интересом. До революции «Жизнь растения» издавалась восемь раз. В советское время она выдержала — только на русском языке — 12 изданий. Книга издана на языках почти всех союзных республик, переведена на множество языков мира, в том числе на вьетнамский и тамильский. Хотя за прошедшее время изучение биологии растений поднялось на новый, более высокий уровень, это обстоятельство не снизило интереса к замечательной книге.

Однако 100 лет назад, когда К. А. Тимирязев выступил в московском Политехническом музее с «Десятью общедоступными чтениями» (они и составили «Жизнь растения»), вокруг них развернулась яростная борьба. Столкнулись передовая наука, отрицающая «божественное» начало в природе, и официальное мировоззрение самодержавной реакции и ее ученых слуг.

На первый взгляд может показаться странным, что на рубеже 70—80-х годов прошлого века книга, посвященная такой частной проблеме, как физиология растений, возбудила столько страстей.

В те годы немало сочинений вызывали сшибку мнений, бурную полемику, безудержный восторг или яростный отпор. Д. И. Писарева уже не было в живых, а Н. Г. Чернышевский запрятан в Нерчинской каторге. Но они по-прежнему оставались властителями дум молодежи, их книги продолжали волновать умы. В эти же годы в литературе появился видный представитель народничества и радикальной критической мысли Н. К. Михайловский, начал печатать свои произведения Г. И. Успенский. В это самое время продолжали деятельность Толстой, Достоевский, Салтыков-Щедрин; каждая их новая книга или статья вызывала живой отклик общественной мысли. В 1876—1877 годы, когда К. Тимирязев выступал в Политехническом музее, развернулась ожесточенная дискуссия вокруг романа И. С. Тургенева «Новь». Словом, русская печать имела много животрепещущих тем для публицистической полемики.

И тем не менее появление «Жизни растения» вызвало мгновенный отклик, книга была встречена восторгом всех демократических элементов общества и прямой ненавистью реакционной профессуры, чиновничества из министерства народного просвещения, столпов реакционной философии и публицистики.

2

Что заставило весь правый лагерь объединиться в борьбе против популярной книги о ботанике? Чтобы ответить на этот вопрос, надо вспомнить о другой книге. Всего полтора десятка лет прошло с тех пор, как в Англии 50-летний Чарлз Дарвин издал «Происхождение видов путем естественного отбора, или сохранение благоприятствуемых пород в борьбе за жизнь». Уже в самом названии заключалась полемика со священным писанием, утверждающим разовое, однократное создание по божьей воле всего многообразия живой и неживой природы. Ну а содержание не оставляло сомнений: автор отказывается от догматических библейских взглядов на происхождение живых существ.

Некоторые друзья Дарвина старались всячески смягчить антибиблейскую, в сущности, антирелигиозную направленность его книги. Они настойчиво стремились уверить английских читателей в том, что Чарлз Дарвин всегда был и остается вполне благопристойным англичанином из хорошей, добропорядочной семьи, он вовсе не сомневается в незыблемости основ Ветхого завета...

Сам Дарвин высказывался впоследствии по сему поводу совершенно откровенно: «Во время плавания на «Бигле» я был вполне ортодоксален. Однако... я постепенно пришел к сознанию того, что Ветхий завет с его до очевидности ложной историей мира, с его вавилонской башней, радугой в качестве знамения Завета и пр. пр. и с его приписыванием богу чувств мстительного тирана заслуживает доверия не в большей мере, чем священная книга индусов или верования какого-нибудь дикаря».

Трудно представить смятение умов, интерес и восторг одних, слепое негодование других. Для консервативной Англии, где почти в каждой семье священное писание было настольной книгой, «Происхождение видов» стало своего рода антибиблией. Этот труд протягивал прямую нить от природы к человеку, исключая роль «божественного провидения» в деле происхождения человека. Книга Дарвина вызвала поток негодующих писем в редакции консервативных газет, яростные выступления в печати и на общественных собраниях. Руководство Оксфордского Тринити-Колледжа запретило хранить хотя бы один экземпляр «Происхождения видов» в библиотеке университета. Даже знаменитый математик и астроном Джон Гершель не мог примириться с тем, что Дарвин, как ему казалось, в своей работе подменял разумный порядок и целесообразность в природе чистой случайностью. Полемика вокруг теории, которую Маркс и Энгельс оценили как одно из самых великих открытий века, была полемикой в первую очередь мировоззренческой. Дарвин нанес страшный и неотразимый удар основам, на которых зиждилось убеждение, будто существующий в мире порядок вещей — единственно возможный.

Забегая вперед, следует сказать, что борьба вокруг этой книги не прекратилась и после смерти ее автора, перешла в XX век, в наше время. «Обезьяньи процессы» в США, когда американский суд обсуждал возможность изучения дарвинизма в школах, не закончились в 1923 году, в той или иной форме возникали и позже.

3

Работа Дарвина определила развитие естествознания во всех цивилизованных странах. И в России дарвинизм был предметом не только научной, но и общественной борьбы. А в центре ее в конце прошлого века становится Климент Аркадьевич Тимирязев. Он прочел «Происхождение видов» в 1859-м — в год его выхода, когда еще был студентом I курса университета. В работе английского ученого Тимирязев увидел стройную теорию развития органического мира. И стал первым и самым талантливым пропагандистом дарвинизма в России.

Уже с 1864 года он публикует в журнале Некрасова и Салтыкова-Щедрина «Отечественные записки» статьи о дарвинизме и его значении. Печатание этих статей совпало по времени с выходом книги «Происхождение видов» на русском языке.

Перевод, сделанный С. А. Рачинским, в течение короткого времени вышел тремя изданиями. В 1865 году в свет выходит книга Тимирязева «Краткий очерк теории Дарвина».

Если сама книга Чарлза Дарвина требовала известной подготовки и была доступна далеко не каждому, то в ярком, истинно популярном изложении Тимирязева дарвиновская теория имела в России успех, испугавший не только духовенство и правительственные сферы, но и весь правый фланг русской публицистики.

Споры о дарвинизме переросли чисто научную полемику, подняли вопрос о том, вправе ли наука вмешиваться в основные религиозные догматы.

Не только церковные иерархи, но и стоявшие на идеалистических позициях философы и публицисты не могли согласиться с теорией, которая объясняла развитие всего живого только действиями объективных законов природы и отрицала какое бы то ни было вмешательство потусторонних сил. Дарвинизм был для них ненавистен и как теория, которую поддерживали революционные демократы, а больше всего Д. И. Писарев.

О дарвинизме спорили на страницах журналов и газет, о дарвинизме выпускали запрещающие инструкции святейший синод и министерство народного просвещения, спор этот проник в художественную литературу. Даже такой да-

лекий и от науки, и от политики поэт, как граф А. К. Толстой, узнав, что начальник главного управления по делам печати М. Н. Лонгинов собирается запретить дальнейший выход «Происхождения видов» и книги Тимирязева, написал ехидное, быстро получившее распространение «Послание к М. Н. Лонгинову о дарвинизме»:

Правда ль это, что я слышу?
Молвят овамо и семо:
Огорчает очень Мишу
Будто Дарвина система?..

Способ, как творил создатель,
Что считал он боле истати —
Знать не может председатель
Комитета о печати...

Но на миг положим даже:
Дарвин глупость порет просто —
Ведь твое гоненье гаже
Всяких глупостей раз во сто!

Брось же, Миша, устрашенья.
У науки нрав не робкий,
Не заткнешь ее теченья
Ты своей дрянною пробкой!

Итак, «Жизнь растения» и ее автор очутились в самом центре идейной борьбы. Научную полемику, столкновение разных теорий Тимирязев считал необходимым для развития науки. Он с величайшим уважением относился к своим научным оппонентам, если речь шла о разных точках зрения в выяснении научной истины. И хотя Тимирязев имел репутацию острого полемиста, сам он не стремился к публичным схваткам и признавался, что у него существует «отвращение к полемике вообще, а особенно к той, не имеющей ничего общего с научной полемикой».

Конечно, можно было презрительно промолчать, когда дарвинизм и его пропагандистов поносили чиновники из духовного ведомства, когда небезызвестный обскурант князь Мещерский писал: «Профессор Петровской Академии Тимирязев на казенный счет изгоняет бога из природы». Но у дарвинизма и у Тимирязева были противники более серьезные, уклоняться от полемики с которыми он не хотел. На двух таких оппонентах стоит остановиться особо, ибо Н. Я. Данилевский и Н. Н. Страхов были заметными фигурами в русской общественной жизни.

4

Николай Яковлевич Данилевский получил известность как философ и публицист славянофильского толка. Его работа «Россия и Европа» (1869 г.) выдержала три издания. Взгляды его чрезвычайно отличались от взглядов тех первых славянофилов, которые со своих наивно-философских позиций выступали с критикой николаевской государственности. Данилевский царскую самодержавную государственность не критиковал, напротив, требовал ее максимального усиления. Для прогрессивной русской общественности Данилевский был фигурой одиозной. В литературных либеральных кругах более приемлем был его друг — Николай Николаевич Страхов. Он приобрел широкую известность как литературный критик, один из первых оценивший величие творчества Толстого. Близость к Достоевскому, тонкое понимание поэзии Пушкина, Баратынского, Фета сделали имя Страхова широко известным в России.

Но вместе с тем Страхов был заклятым врагом материализма, выступал с критикой Чернышевского, Некрасова, Салтыкова-Щедрина с самых охранительных позиций. Он безоговорочно и полностью поддержал Данилевского в его крестовом походе против дарвинизма.

Стоит заметить, что Данилевский окончил естественный факультет Петербургского университета, в начале своей карьеры пробовал заниматься наукой. Страхов тоже имел естественное образование, даже защитил магистерскую диссертацию на тему: «О костях запястья млекопитающих». Однако, получив ученую степень зоолога, он оставил науку и уже через два-три года стал профессиональным литератором. Именно поэтому два реакционных публициста решили свои выступления против идейных основ дарвинизма облечь в форму научного спора. Особенно постарался Данилевский. Его труд, названный им «Дарвинизм», состоял из двух увесистых томов, насчитывавших более 1000 страниц. Они были заполнены таблицами, столбиками цифр, рисунками — всеми внешними атрибутами учености. Однако при более внимательном рассмотрении можно было легко убедиться в том, что эти тома представляли огромное сложение хитроумно подобранных фактов и наблюдений, взятых из других источников, а то и вовсе придуманных автором. Это было как раз то «перебирание чужих взглядов», которое Л. Н. Толстой так убийственно назвал «притворством знания».

Трудно найти более полярные — по тону, по отношению к читателю — книги, нежели «Происхождение видов» Чарлза Дарвина и «Дарвинизм» Н. Данилевского. Тимирязев, рассказывая о впечатлении, произведенном открытием Дарвина, о самом ученом, писал: «Это постоянное недоверие к своей мысли и уважение к мысли самого скромного противника производят глубокое впечатление, но это впечатление достигает высшей степени при виде того полнейшего отсутствия озлобления или горечи, при виде той добродушной улыбки, которая оживляла его лицо каждый раз, когда разговор... касался тех преследований, которым его идеи подвергались».

Но чем не страдал Данилевский, так это скромностью! Его наглая самоуверенность, презрительное отношение к ученому, которого весь цивилизованный мир уже ставил рядом с Ньютоном и Кеплером, резали слух даже его политических друзей. Дарвин, как известно, не только обобщал наблюдения других ученых, но и, прежде всего, сам тщательно собирал факты. Именно с целью накопления фактического материала он совершил кругосветное путешествие и после этого 20 лет размышлял над собранными данными, прежде чем решился опубликовать «Происхождение видов».

Данилевский не собирал факты, не изучал их долгие годы. Сразу после появления перевода книги Дарвина, после выхода книг Тимирязева «Краткий очерк теории Дарвина» и «Жизнь растения» он с устрашающей быстротой пишет свою тысячу страниц «Дарвинизма». И не дожидаясь, чтобы другие оценили его работу, тут же заявляет, что под напором его критики все здание дарвиновской теории «изрешетилось и, наконец, превратилось в бессвязную кучу мусора...».

Вызов, брошенный учению Дарвина, всему прогрессивному, что было тогда в биологической науке, Тимирязев не мог не принять.

Верный своему обыкновению обращаться не только к своим коллегам-ученым, но и к общественности, он ответил на книгу Данилевского там же, где выступил со своими «публичными чтениями», составившими книгу «Жизнь растения», — в аудитории Политехнического музея.

В своей знаменитой публичной лекции «Опровергнут ли дарвинизм?» Тимирязев обрушил на «труд» Данилевского подлинно научную аргументацию. Один за другим разбивал он тезисы своего противника, доказывая их поверхностность, ненаучность, нарушение элементарной научной корректности. Тимирязев показал аудитории, что выступает против «мелкого изворотливого софиста-дилетанта, ослепленного предвзятой идеей». По мнению Тимирязева, между научным оппонентом и спорщиком существует большая разница. О спорщике (подразумевая, в частности, Данилевского) он презрительно заметил: «Спорщик — ни за что, ни под каким условием не сдающийся даже перед очевидностью и ловко перебегающий от предмета к предмету для того, чтобы произвести... впечатление, что последнее слово осталось за ним».

Он особо отмечал, что критик дарвиновского учения переступил элементарные нравственные основы научного или литературного спора. «Литературные приличия всегда требуют указывать прежде всего на своих предшественников, а затем уже переходить к собственным открытиям, — говорил Тимирязев. — Если бы Данилевский в своем изложении придерживался этого похвального приема, то каждому читателю с первых строк VII главы стало бы ясно, что «открытие» это имеет за собой уже десяти- и даже двадцатилетнюю давность и за это время, вероятно, успело бы опрокинуть дарвинизм, если бы обладало такой разрушающей силой».

5

После смерти Данилевского его борьбу с дарвинизмом и дарвинистами продолжил Страхов. Однако его книга «Всегдашняя ошибка дарвинистов» даже внешне не напоминала научный труд. Это было собрание афоризмов и ссылок на научные догмы тех далеких времен, когда молодой зоолог занимался «костями запястий млекопитающих». Н. Страхов, говорил К. А. Тимирязев, «тип неудавшегося ученого, тип человека, от науки отставшего, к другому делу не приставшего, сохранившего какой-то остаток горечи по отношению к этой не давшейся ему науке, убежденного, что она остановилась, когда он забросил свои книжки, и пытающегося уверить себя и других, что наука двигается не трудами ученых, а схоластической диалектикой или внезапным осенением людей, от науки свободных».

Тимирязеву была ненавистна всякая догма, лженаука, под которой он понимал не столкновение фактов и выводов из них, а столкновение догматических идей. Со студенческой скамьи он был убежденным сторонником мысли, ясно выраженной еще Бэконом: «Книги должны быть результатом науки, а не

наука — результатом книг». Его естественное чувство справедливости возмущалось тем, что спор с Дарвином, с дарвинистами вели те, кто сами и не подходили к опытным делянкам, к лупе и микроскопам, к препаратам и коллекциям. Они писали в кабинетах толстые и очень категорические книги, в которых не было главного — науки, то есть умело заданного природе вопроса и умело и убедительно полученного ответа.

Отвечая на книгу Страхова в статье «Бессильная злоба антидарвиниста», Тимирязев писал: «Что же касается обязанностей профессора... то я замечу, что всякое ремесло, в том числе и профессорское, имеет свои тяжелые и очень священные обязанности. К числу тяжелых обязанностей профессора относится обязанность читать книги толстые и книги глупые, что бывает вдвойне тяжело, когда толстые книги оказываются в то же время и глупыми. К числу же самых священных обязанностей профессора относится обязанность облегчать слушателям чтение толстых и глупых книг, снабжать этих слушателей компасом, при помощи которого они могли бы пробиться через самые непроходимые схоластические дебри, не рискуя в них окончательно заблудиться... Ненаучный, нелогический, легкомысленно хвастливый склад аргументации оскорбляет мой здравый смысл, воспитанный на образцах строгой науки. Дерзкие выходки и напраслина, возводимая на Дарвина, только возмущает во мне естественное чувство справедливости».

Полемические удары Тимирязева имели особую силу в связи с тем, что он обращался ко всей русской общественности. Аудитория Политехнического музея была переполнена студентами, молодыми учеными, литераторами, здесь собиралось все лучшее, все передовое, что было в Москве. Недаром противники так боялись его публичных лекций. Страхов в одном из писем прямо признавался: «Публичная лекция — страшное орудие, и оно-то неожиданно было направлено на дело, за которое я стоял». Через три дня после того, как 22 апреля 1887 года Тимирязев выступил в Политехническом музее со своей лекцией «Опровергнут ли дарвинизм?», Страхов писал Льву Толстому, что она «кончилась стоном и ревом восторга слушателей». В эти годы обширная переписка Страхова с Толстым наполнена горечью, бессильной злостью против Тимирязева («Его статьи не дают мне покоя, я все обдумываю на них возражения») и вместе с тем угрозами разбить Тимирязева.

Многочисленные издания, которые выдержала книга Тимирязева у нас в стране и за ее пределами (в том числе и на родине дарвинизма — в Англии), мировая популярность, которую приобрели «Жизнь растения» и ее автор, делают жалкими и смешными попытки «покончить» с дарвинизмом, с авторитетом Тимирязева, влиянием его сочинений.

К. А. Тимирязев верил в силу народа, в силу общественного мнения; в своей борьбе он всегда на него и опирался. Поэтому — с полным основанием — он писал в предисловии к «Жизни растения»: «Со мной был читатель — читатель-друг... И победа оказалась на нашей стороне».

Чему природа учит

В. ЕРШОВ,
кандидат педагогических наук

Недалеко от школы № 33 города Петрозаводска светлой струйкой бьет родник. Школьники прибегают сюда на переменах, чтобы глотнуть холодной и вкусной воды. Сегодня они пришли сюда вместе с учителем, который рассказывает им, как под землей накапливается вода и почему она выбивается на поверхность. В этом районе города несколько родников-колодцев — поэтому микрорайон получил название Ключевого. Над одним из колодцев на резных столбах поставлен двускатный навес, увенчанный розеткой в форме солнца. Вода и солнце — две могучие стихии природы, дающие жизнь. Может быть, для пятиклассников не совсем еще понятна связь этих природных сил — они только приступили к систематическому изучению природы. Познание ее будет продолжаться всю жизнь. Но эта маленькая экскурсия к роднику оставит след в душе — запомнятся и вкус воды, и слово учителя.

Учительница географии Н. А. Афанасьева говорит о знаменитых источниках Баден-Бадена, Карловых Вар, Кисловодска, Пятигорска, Цхалтубо. Еще в древности человек пытался использовать целебные источники для лечения желудка, печени, кожных болезней. Не понимая истинных причин целебной силы источников, народ, не без влияния церкви, называл их святыми. Таких источников было разбросано по Карелии немало. По глухим тропам тянулись к ним страждущие, жадно пили водицу, омывали в ней свои язвы, уносили в бутылях, бросали на дно медные деньги.

— Точно, — вспоминает вдруг кто-то из ребят, — мы находили много старинных монет у родника в Заонежье...

В. П. Красильникова, преподаватель биологии в школе № 31 г. Петрозаводска.

Здесь же во время экскурсии или позже — на уроке учительница прочитает ребятам рассказ карельского поэта Ивана Костина об одном из таких источников близ деревни Карасозеро в Заонежье:

«Войне, казалось, не будет конца. Тяжело заболела мама. Медицинской помощи ждать в Заонежье было нечего. И в этих условиях любой совет казался единственным выходом. Жительница деревни Есино посоветовала нам с сестрой набрать три бутылки «живой воды» из родника невдалеке от деревни Карасозеро... Поили ею маму три раза в день... Мама стала поправляться, поднялась на ноги... Вера в целебные свойства воды у нас укрепилась. Жители соседних деревень, по-видимому, постоянно пользовались водой этого ключа, так как тропа к нему не зарастала».

Святым этот источник был объявлен много веков назад. Еще в 1602 году сосланная в Толвуйский погост боярыня Ксения Романова, мать будущего царя Михаила Романова, часто пользовалась его водами, за что источник получил название «Царицын ключ». Над ними поставили сруб, рядом часовенку. Все это сооружение окружили стенкой из диких валунов, остатки которой сохранились до наших дней. Сюда приходило много людей с разными болезнями, больше всего помогал ключ при экземах. Иван Костин, вернувшись памятью к событиям детских лет, стал собирать материал о карельских источниках, встретился с людьми, которые на себе испытали их целебное действие; собранный материал он опубликовал [1].

Материал его весьма поучителен. Во времена Бориса Годунова считалось — достаточно с верой и молитвой прийти к источнику, поклониться, бросить монетку и попить водицы, чтобы наступило исцеление. Во времена Петра I источники недалеко от Петрозаводска исследовали медики, которые составили «Правила докторские, как при оных водах поступати». Здесь возникает первый российский курорт в Олонецкой губернии — железистый минеральный источник дал жизнь курорту «Марциальные воды».

Пятикласснику, вероятно, трудно понять весь сложный механизм действия минеральной воды на человеческий организм — да это и не нужно. Важно, чтобы слово учителя у маленького ручья, почвенного разреза или у геологического обнажения подтолкнуло его на путь познания. И тогда маленький прозрачный ключ станет мощным источником познания природы родного края, ее закономерностей и красоты.

31-я школа города Петрозаводска стоит против Крестовоздвиженской церкви. Лицом к лицу — олицетворение двух противоположных взглядов на мир, двух противоположных мировоззренческих позиций. В школе ребята учатся правильно понимать окружающий мир, сложные явления природы. Уроки биологии (их ведет В. П. Красильникова) учат жизни, возбуждают потребность узнавать, понимать, оценивать. Учительница показывает цветной слайд:

— Маленькая чашечка цветка сон-травы. Он цветет ранней весной, среди снега. Но внутри цветка температура — плюс восемь градусов! Почему? Понять эту особенность помогают законы физи-

[1] См.: «Комсомолец», 24 июля 1979 г.

ки: оказывается, чашечка цветка — это вогнутое зеркальце, которое концентрирует скудное солнечное тепло. И он цветет, даже если температура воздуха нулевая!

Еще одна фотография — желтый цветок калужницы. Почему он желтый? Ну, желтый и все тут, махнет рукой ленивый человек. Так бог создал, скажет верующий. Религиозное сознание настороженно относится к познанию. Все в мире создано по божьей воле — сама эта идея ставит предел человеческой мысли. Бог установил смену дня и ночи, и она совершается по его воле. Не от труда людей и не от стараний земледельца, но от повеления божьего семя дает урожай.

Учительница продолжает:

— Так поучали святые отцы. Религия стремится поставить предел на пути человека к знанию, ибо знание неуклонно теснит бога. Но пытливому уму нет предела. Почему все-таки этот цветок калужницы желтого цвета? Вспомните, когда и где цветет калужница?

— В мае — начале июня, в сырых местах, на воде, — тянут руки ученики.

— Верно. В это время солнце стоит высоко, и горячие солнечные лучи сожгли бы не прикрытую тенью чашечку цветка на воде. Желтый цвет отражает солнечные лучи и таким образом сохраняет цветок. Золотой цвет калужницы — цвет спасения.

Каждый урок В. П. Красильникова стремится насытить примерами из жизни природы своего края, которые способны заставить детей думать, рассуждать, спорить. Рассказывая о папоротникообразных, Валерия Павловна обязательно вспомнит про чудо-компас растительного мира — гроздовник, который местные знахари называли ключ-травой. В полдень его лист поворачивается узким сечением в направлении север — юг (существует поверие, что этот папоротник может указать путь к кладам). Но чудо этого растения заключается в целесообразном предохранении себя от перегрева. Именно поэтому лист всегда поворачивается к солнцу узкой гранью.

Многие чудеса природы откроются перед учениками В. П. Красильниковой. Оказывается, серая невзрачная моль, которую так ненавидят хозяйки, обладает совершенным аппаратом для улавливания ультразвуков, муха — отличный газоанализатор, таракан тонко реагирует на изменения температуры.

Чем все это объяснить? Мудростью творца? Или развитием медленного, длящегося сотни тысяч лет процесса совершенствования живых организмов, приспособления их к своей микросреде, процесса, где ошибка стоит жизни целого рода. Сколько исчезло с лица земли растений и животных, не сумевших приспособиться, выдержать конкуренцию...

Многие «почему?» и следующие за ними обстоятельные ответы постепенно создают стройную систему знаний о природе, систему, в которой нет места вере в потусторонние, иррациональные силы.

Преподаватель физики 31-й школы В. А. Кабанен, прежде чем раскрыть физический смысл молнии, рассказывает ребятам, как складывались у древнего человека представления о грозе, как он обожествил этот природный процесс. У греков молнии метал Зевс; религиозный пророк Илия в огненной колеснице проносился по небу так, что искры летели к земле; в мифологии карело-финских племен повелителем небесного огня, грома и молний был верховный бог Укко.

Тотчас Укко выбил пламя,
Искру выбил он живую,
Выбил огненным мечом он,
Тем клинком, горящим ярко.
(Калевала, руна 47)

В одной из найденных при раскопках новгородских берестяных грамот на карельском языке записано заклинание молнии: «Божья стрела десять имен твоих. Стрела та она принадлежит богу. Бог судный правит».

Надо сказать, что крестьяне Олонецкой губернии нередко находили в земле каменные, заостренные с двух сторон, хорошо отшлифованные предметы. По форме они несколько напоминали стрелу. Археологи установили, что это — орудие труда древнего человека, жившего здесь несколько тысячелетий назад, — каменные мотыги для выкапывания кореньев, рытья ям и т. д. Крестьяне, представляя молнию в виде стрелы, называли свои находки «громовыми стрелами», «стрелами святого Илии», «долотами Укко». Им приписывали лечебные свойства и бережно хранили на божницах. Несколько таких стрел хранится в музеях Карелии.

Учитель рассказывает, каким бедствием были для деревни пожары от молнии. Громоотводов в те времена не существовало, считали, что бог наказывает за грехи. Чтобы уберечься от пожара, на доме вырезали волшебный знак, ограждающий его от огня. Хранили в доме за иконой переписанные корявым почерком листочки с молитвами — обереги от пожара, грозы и молнии. Вот одна такая молитва: «Кто будет поститься в седьмую пятницу великого поста перед Илией-пророком, тот человек от грома и молнии сохранен будет». Учитель обращает внимание на то, что текст на листочках написан от имени бога, будто он устанавливал с человеком торговый договор: «Будешь мне верить — буду тебе защитой». И тут же угроза: «Не веришь — накажу огнем!» А как бедному крестьянину не верить? Куда не повернись — везде плохо. И переписывал молитвы, и хранил их в самом сохранном месте — за иконой Неопалимой купины.

Эту икону держали почти в каждом доме: на ней изображены дубовая роща, горящая и не сгорающая, ангел в столбе огня, несущий уголек, три отрока в печи огненной — живые и невредимые, богоматерь в золотом круге на фоне горящего цветка купины. Крестьяне считали эту икону оберегом против пожара. Только не очень она помогала — выгорали целые деревни...

Существовала у карел и устная молитва — заклинание молнии. Ее записал недавно студент Петрозаводского университета Василий Рягоев у бабушки в Колатсельге Пряжинского района: «Савватус, Кристос! Печать — дар духа. Аминь». Самая короткая молитва — успеть бы защитить человека от удара молнии!

А. А. Булатов со своими воспитанниками в туристском походе. Фото автора.

Характерно, что в обращении первым стоит имя Савватия (Савватус) — местного святого, а не Христа.

Шаровая молния, затмения Солнца и Луны, северное сияние и другие явления природы, характерные для Карельского края, становятся предметом обсуждения на уроках В. А. Кабанена. Разумеется, в настоящее время большинство людей не видят в них ничего сверхъестественного, правильно понимают физическую их сущность. И все-таки каждое такое явление нужно убедительно и популярно объяснить населению. И не только его сущность, но и то, какие суеверия в прошлом с ним связаны.

Нужно сказать, что республиканская печать регулярно публикует сообщения о примечательных метеорологических явлениях, давая учителям и пропагандистам интересные и поучительные факты. Это, как принято теперь говорить, информация для размышления. Не проходит мимо нее и учитель. Вместе с учениками он разбирает, например, редкое природное явление — гало, которое наблюдала техник-метеоролог Гидрометобсерватории Е. М. Карпина в декабре 1977 года: «Она увидела на небе два ложных солнца. Размером и формой они ничем не отличались от обычного солнца, только цвет их был какой-то «мягкий», бледно-салатный с голубым оттенком по краям... Оба ложных солнца соединялись между собой перемычкой» [2].

— Такие явления в прошлом пугали людей,— рассказывает учитель, — вызывали суеверные страхи, религиозные вымыслы. Нередко люди «видели» то, чего на самом деле не было. В газете же описано реальное явление. Иногда на небосводе появляются светящиеся столбы, кресты, круги, дуги. И вы, наверное, видели вокруг Луны в сильный мороз радужные круги. Природа всех этих «чудес» одна: отражение света — солнечного или лунного — ледяными кристаллами. Образуя на большой высоте тонкую пелену облаков, они, как призмы, преломляют лучи, создают искаженный образ предмета. Он зависит от формы ледяных кристаллов, их ориентации в пространстве, расположения облаков. Когда свет отражается от боковых граней шестигранных ледяных кристаллов, находящихся в вертикальном положении, мы видим небольшие круги, чаще видны только части кругов — дуги или столбы,— пресекаясь, они создают крестообразные фигуры.

А. А. Булатов преподает в той же школе № 31 физкультуру. Школьники прошли вместе с ним в туристских походах тысячи километров — по Уралу, Кавказу, Кольскому полуострову. Но больше всего было походов по своему краю. В Карелии можно познакомиться с замечательными явлениями природы. Здесь на поверхность выходят древнейшие породы Земли, возраст их исчисляется миллиардами лет. Измятые, преобразованные огромными давлениями и температурами, они встают перед взором человека в виде живописных скал, над которыми потрудился ледник: он сгладил, отполировал их, оставил на поверхности глубокие шрамы. Ледник выпахал глубокие котловины озер и возвел песчано-валунные горы — морены.

В карельских деревнях школьники вместе с учителем имели возможность познакомиться с отголосками далеких языческих представлений о природе. Так, например, карелы, как и другие народы, издавна считали воду очищающей силой и использовали ее как оберег в магических обрядах. Недалеко от села Большие Горы Олонецкого района расположено маленькое озерцо-ламбушка. Издавна считалось, что в нем живут духи, способные излечивать болезни. Заболевшего человека везли туда, одетого окунали в озеро, затем переодевали, а снятую одежду — вместе «с болезнями» — оставляли духам.

Еще не так давно в тех краях можно было услышать заговор, который произносили перед тем, как взять воду из озера: «Бережок-батюшка, водушка-матушка, царь водяной и царица водяная с малыми детьми, с приходящими гостьми, благословите воды взять не ради хитрости, не ради мудрости, но ради добра-здоровья».

Языческие духи — хозяева воды, животных, растений, камней, деревьев, водопадов — в воображении местных жителей мирно уживались с христианскими святыми. На туристских тропах Карелии школьники встречали большие камни, к которым в определенные дни старушки приносили горшочки с пищей, полотенца. Перед путниками возникали священные рощи — зеленые памятники духам природы языческой эпохи. Среди елей-исполинов, возраст которых исчисляется сотнями лет, когда-то располагалось древнее святилище — пантеон языческих богов. Затем его сменила сельская часовня с православным крестом. И тем не менее на старых елях священных рощ ещё и сейчас висят тряпочки, полотенца, одежда — наивная надежда человека на небесную помощь, напоминание о минувшей эпохе.

В. А. Бурчук преподает географию в Лоухской средней школе. Сегодня Валентин Александрович рассказывает на уроке, что миллионы лет назад на месте Уральских гор плескалось море. А Русская равнина когда-то была горной страной, как и Карелия. Трудно представить? Конечно. Жизнь человека слишком коротка, чтобы увидеть значительные изменения в природе. Но у человека есть ум, чтобы он мог понять даже то, что нельзя представить. К такому умению, считает Валентин Александрович, человека должна приобщать школа. Почаще наблюдать природу, привыкать в малом видеть великое, в частном случае — общие закономерности. Учитель едет с ребятами в Приладожье, в окрестности города Питкяранта, на остров Пуусунсаари, где можно увидеть геологическое прошлое Земли, остатки древних гор Карелии.

Наблюдения помогают понять диалектику развития окружающего мира. Ничто не остается постоянным: как бы ни казались крепки горы, они разрушаются, как бы ни было безбрежно море, оно уходит, однако все изменения подчиняются определенным познаваемым закономерностям природы, а не божественной воле (бог, говорится в Библии, «призирает на землю, и она трясется; прикасается к горам, и дымятся»...).

У песчаного обнажения группа школьников. Учитель объясняет:

— Когда-то, 10—11 тысяч лет назад, значительная площадь Карелии скрывалась под водой. Почему вдруг массы воды залили сушу? 12—15 тысяч лет назад гигантский ледник, покрывавший северную часть Европы, стал таять, талые воды залили большую часть территории, соединив котловины Баренцева и Белого морей, Онежского и Ладожского озер в один гигантский бассейн. Библейская легенда представляет потоп как всемирное явление. На самом деле потопы (не всемирные, конечно) действительно имели место в истории нашей планеты. Следы древних, а не библейских морских трансгрессий можно обнаружить, наблюдая выходы таких пород, как песчаники, кварциты, известняки, мраморы, глинистые сланцы.

Учителя Карелии широко используют местные возможности. Преподаватель Шошкинской школы Прионежского района В. А. Поликарпова приводит своих учеников в карьер, где добывается малиновый кварцито-песчаник — этот камень использовался при сооружении памятника Неизвестному солдату возле Кремлевской стены. Рабочие охотно показывают ребятам, как добывается камень, как ведут его шлифовку и полировку, рассказывают о применении его в строительстве, а Валентина Анатольевна обязательно обратит внимание на то, что этот красивый камень образовался около двух миллиардов лет назад на дне древнего протерозойского моря.

И старейший географ Паданской средней школы Медвежьегорского района заслуженный учитель РСФСР В. В. Павлюченкова приносит на урок географии образец зеленовато-серого сегозерского кварцита как частицу дна этого же протерозойского моря.

В селе Шунга в Заонежье старые разработки шунгитового сланца находятся совсем рядом со школой. Молодой преподаватель географии шунгской 8-й школы С. И. Колтыгин один из своих уроков проводит у темного проема шахты, в которой местные ребятишки бывали много раз, но до сегодняшнего дня не знали, что эти блестящие, как антрацит, камешки шунгита обязаны своим происхождением древнему морю.

Увиденное в походе и на экскурсиях помогает школьникам активизировать свои знания, полученные на уроках, позволяет не только наблюдать, но и с помощью учителя сопоставлять, сравнивать знания, полученные в школе, с религиозным их толкованием. В этом столкновении научных и религиозных взглядов происходит накопление атеистических знаний, так необходимых для формирования научного мировоззрения. Часто следы детских метафизических представлений о природе остаются у человека на всю жизнь, странным образом уживаются с научным знанием. Вот характерное признание ученицы 8-го класса: «В детстве я думала, что Земля — это огромная плоскость с буграми, холмами, ямами... Нам говорили в школе, что Земля — шар. Это было для меня удивительно и не верилось, что такой огромный шар никто не держит. Учителя говорили нам, что Земля вращается вокруг Солнца, а мне казалось, что оно прячется на ночь вниз — под землю».

Непосредственное общение с природой, особенно если рядом серьезный и вдумчивый учитель, способствует воспитанию диалектического подхода к *окружающему* миру.

г. Петрозаводск

[2] «Ленинская правда», 25 декабря 1977 г.

Урок проводит преподаватель Э. Н. Мироненко.

Воспитывать мировоззрение

Е. КОРЖЕНКО

Каждый школьник немало знает о происхождении Земли, о возникновении жизни, об устройстве Вселенной. Однако в вопросах формирования четкой материалистической убежденности у подрастающего поколения наша школа нередко еще действует робко, не творчески. Преподаватели не связывают излагаемый материал с его философским осмыслением, недостаточно вдумчиво подходят к решению сложной проблемы. Между тем это одна из важных сторон коммунистического воспитания. Вспомним, что говорится в Программе КПСС: «Следует опираться на достижения современной науки, которая все полнее раскрывает картину мира, увеличивает власть человека над природой и не оставляет места для фантастических вымыслов религии о сверхъестественных силах». Вот почему мне хотелось познакомить читателей журнала с опытом атеистического воспитания школьников в некоторых школах Краснолиманского района Донецкой области.

Начнем с младших классов, где мировоззренческое воспитание школьников столь же необходимо, сколь и сложно. Вот как, к примеру, прошел урок литературного чтения в классе у Елены Александровны Клюкиной в средней школе № 4 города Красный Лиман. Третьеклассники слушали объяснение учителя на тему о природе и человеке.

Прежде чем обратиться к ней, Елена Александровна напомнила ребятам о прочитанном ранее рассказе «Гроза в лесу» и попросила рассказать о дожде. Класс активен. Дети рассказывают, как их заставал дождик в лесу или в поле, как он образуется, как происходит круговорот воды в природе. Ведь на уроке природоведения они вместе с учительницей уже ставили опыты и сами получали в классе «небесную влагу», электрическую искру, видели ее вспышки, сходные по природе своей с молниями.

Убедившись, что дети хорошо усвоили предшествующий материал, учитель задал классу новый вопрос: «Можно ли верить тому, что дождь, молнию и гром производит бог, какая-то сверхъестественная сила?» Ученики дружно ответили: «Нет!» — и сами объяснили, почему этого не может быть. Внимательно выслушав, педагог дополнила их ответы и рассказала о том, как и почему наши далекие предки приписывали явления природы божьей воле, небесной силе и как старались умилостивить эти таинственные силы. Заинтересованно слушали третьеклассники рассказ об опытах с электричеством М. В. Ломоносова, о том, как изучение молнии стоило жизни его другу Рихману. Служители церкви воспользовались трагическим случаем, чтобы еще раз сказать о божьем наказании, еще раз запретить вторгаться во «владения всевышнего».

Обсуждением рассказа К. Паустовского «Какие бывают дожди» эта тема была продолжена на другом уроке. Елена Александровна обратилась к известному происшествию, случившемуся более трехсот лет тому назад в небольшом французском городке. Жители его стали свидетелями необычного явления. В ясное, солнечное утро небо неожиданно покрылось тучами и полил кровавый дождь. Он ужаснул людей, вызвал в городе множество суеверных толков. Учительница предложила ребятам самим объяснить причину таких явлений природы, напомнив им пройденный материал о происхождении смерчей. И дети верно осмыслили кровавый дождь.

Затронутая тема этим не ограничилась. Педагог обратилась к произведению А. Серафимовича «Помолебствовали», к картине И. Репина «Крестный ход в Курской губернии». Так, направляемые преподавателем, младшие школьники учились делать материалистические выводы на основе полученных знаний. Без этого невозможно воспитание активной мировоззренческой позиции.

Готовиться для такой работы преподавателю не просто. Помощь учителям осуществляет школьное методическое объединение и районный методсовет преподавателей младших классов. Они стараются учитывать все стороны деятельности педагогов — соблюдение учебных программ, особенности школы, класса, семейного воспитания, личности учащегося и т. п.

Сложнее построены такие занятия в старших классах. И это понятно: ведь здесь необходимо формировать диалектический стиль мышления, материалистическую убежденность в сознании и жизненной позиции подростков, чьи знания глубже, обширнее.

Преподаватель физики Элеонора Николаевна Мироненко строит свой курс так, чтобы на материалах уроков показывать диалектическое единство относительного характера физических законов, теорий и гипотез и их объективного существования. Педагог исподволь подводит учеников к пониманию того, что физические законы объективно отражают закономерности развития материального мира, но поскольку он бесконечен в пространстве и во времени, то законы эти — истины относительные, лишь часть абсолютной истины. Идею материального единства поля и вещества преподаватель раскрывает, обращаясь к тезису философской работы В. И. Ленина: «... Вне нас, независимо от нас и от нашего сознания существует движение материи, скажем, волны эфира определенной длины и определенной быстроты, которые, действуя на сетчатку, производят в человеке ощущение того или иного цвета» *.

Представления о материальном единстве мира дополняются, расширяются на уроках физики при изучении темы элементарных частиц. Здесь Э. Н. Мироненко развенчивает миф об одномоментном творении мира богом, как о нем рассказано не только в Библии, но и в мифах других древних религий.

Возможность для мировоззренческих выводов дает изучение закона сохранения и превращения энергии, не возникающей из «ничего» и не исчезающей бесследно, всегда присущей материи, поэтому несотворимой и неуничтожимой. Материя для своего движения никогда не нуждалась в «первотолчке», «создателе и производителе движения» — боге. Движение внутренне присуще материи, это одно из ее фундаментальных качеств.

Преподаватель обращается ко второму началу термодинамики, разбирает его статистический смысл и показывает несостоятельность теории «тепловой смерти» Вселенной. Сторонники этой теории механически распространили второе начало термодинамики на всю Вселенную и пришли к неверным мировоззренческим выводам.

Объясняя старшеклассникам ее мета-

* В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 18, стр. 50.

Знакомство с природой. Фото автора.

физический смысл, Э. Н. Мироненко показывает на этом примере, к чему приводит абсолютизация одного из физических процессов, происходящих в мире, к тому же процесса однонаправленного, ведущего не к развитию и преобразованию, а к гибели. Обращая внимание учащихся на идеалистический характер подобных теорий, ведущих в «болото поповщины», она рассказала, как современные теологи приняли теорию «тепловой смерти» Вселенной, как развивают ее в рамках религиозной идеологии, согласуя с учением о конце света, корни которого восходят к космологическим представлениям первобытных людей.

Девятиклассники активно участвовали в обсуждении темы — задавали вопросы, сами приводили примеры из рекомендованных книг. На таких уроках воочию видишь, как материалистическое осмысление знаний будит у ребят творческую мысль, учит самостоятельному мышлению. А без этого невозможно формирование атеистической убежденности.

Думается, возможности для ее формирования дают буквально все разделы школьного курса. Значительная роль, например, принадлежит здесь биологии. Назову одну только «вечную» проблему происхождения и развития жизни на Земле — ключевую в давнем мировоззренческом споре науки и религии. Говоря о ней, следует учитывать, что современная биология — сложный и разветвленный комплекс наук, на основе которых складываются новые формы и методы исследования, направленные к углублению знаний и представлений человека о неисчерпаемо огромном органическом мире.

Ценно то, что для раскрытия идеи познаваемости живой материи служат опыты, наблюдения, к которым могут быть причастны сами учащиеся, работая в поле, садах и огородах, ухаживая за лесом, охраняя природу. Так построена, например, работа учителя биологии Яровской средней школы Марии Петровны Труш. Значительную часть внеклассного времени она отдает изучению леса, его флоры и фауны. Ежегодно в школьном лесничестве обрабатывается более 40 гектаров. По всему поселку Яровая и в школьном дворе ребята установили висячие птичьи домики, кормушки для птиц. Отдыхая в своем лагере «Гвардеец», ребята участвуют в работе местных хозяйств. У юных естествоиспытателей обширный школьный участок.

Теория в классе, практика в лесу и поле не только укрепляют знания, но и воспитывают у них бережное отношение к природе, материалистическое понимание совершающихся в ней процессов. Такое построение классных и внеклассных занятий создает успешные предпосылки для глубокого атеистического разговора. В нужной тональности звучит рассказ учителя о формировании библейских легенд, их мифологическом характере. Есть основание обратиться к критике библейского представления о сотворении мира, о всемирном потопе, к суевериям, связанным с «божественными» растениями, камнями, животными.

В зависимости от возраста школьников М. П. Труш выбирает либо простую и доступную форму изложения атеистической проблематики — рассказы и беседы, либо более сложную — разбирая сущность концепций ученых-материалистов и идеалистов.

Итак, перед нами опыт трех учителей школ Краснолиманского района. Разные предметы они преподают, разными приемами пользуются в своей работе, но каждый, как и многие другие их коллеги, воспитывает у своих учеников марксистско-ленинское мировоззрение, доверие к силам научного исследования. Затруднение в другом — в отсутствии методической литературы по проблемам атеистического воспитания в школе. Те успехи, которые достаются на долю ищущих педагогов, — результат немалого числа проб и ошибок, трудных творческих поисков.

Однако учителям нужна не только специальная литература. Сегодня требуется и организованный поиск лучших форм и методов ведения урока, обобщение и широкое распространение опыта мировоззренческого воспитания детей. На это ориентируют учителей и постановление ЦК КПСС «О дальнейшем улучшении идеологической, политико-воспитательной работы», и поставленная перед школой задача — воспитывать гармонически развитых строителей коммунистического завтра.

г. Красный Лиман
Донецкой области

Молодежи посвящается

В Ереванском государственном университете состоялась межвузовская студенческая конференция «Актуальные проблемы атеистического воспитания молодежи в свете требований постановления ЦК КПСС «О дальнейшем улучшении идеологической, политико-воспитательной работы». Конференция была посвящена 110-летию со дня рождения В. И. Ленина. Ее организовали кафедра теории и истории научного атеизма университета и научно-методический совет по пропаганде научного атеизма при правлении республиканского общества «Знание». На конференцию были приглашены и выступили с докладами и сообщениями студенты Бакинского, Тбилисского университетов.

Тематика выступлений была разнообразной. Так, студент третьего курса А. Казинян подготовил доклад «Комплексный подход к идейно-воспитательной работе — решающий фактор атеистического воспитания молодежи», а студент Ж. Татевосян назвал свое выступление «Влияние советского образа жизни на атеистическое воспитание молодежи».

Студент Б. Эдилян представил доклад о единстве патриотического, интернационального и атеистического воспитания молодежи. Проблема достаточно актуальна, так как в современных условиях антисоветская пропаганда пытается с помощью религиозной идеологии пробудить националистические настроения, нанести ущерб единству нашего общества. Исходя из этого, в докладе рассматривался вопрос соотношения атеистического и патриотического воспитания молодежи. Оно теснейшим образом связано с формированием у подрастающего поколения марксистско-ленинских убеждений, верного, научного мировоззрения, свободного от религиозных представлений.

Выступление студента Р. Мирзаханяна было посвящено оценке исторических памятников как средства воспитания атеистической убежденности молодежи. Используя местный исторический материал, докладчик показал, что даже в средневековье памятники религиозного искусства не воспринимались только как культовые, поскольку в них нашли отражение определенные общественные воззрения своего времени. Здесь же были затронуты вопросы, связанные с правильным анализом того или иного памятника, ибо часто в их оценке делается акцент на какой-либо одной стороне произведения.

Межвузовская региональная студенческая конференция показала, что необходимо всемерно повышать эффективность воспитания молодежи, умело применять на практике комплексный подход к идейно-политическому, трудовому и нравственному воспитанию с учетом особенностей различных категорий молодежи.

По решению Генеральной конференции ЮНЕСКО в этом году отмечается 1000-летие Абу Али Ибн Сины — ученого-энциклопедиста, явившего на века высокий образец служения науке во имя человека.

Генеральная конференция ЮНЕСКО в своей резолюции по поводу юбилея Ибн Сины отметила «огромный вклад, внесенный им в развитие философии, логики, социологии, литературоведения, поэзии, лингвистики, естествознания и медицины», а также «большое влияние, которое оказало его наследие на последующее развитие науки во всех странах».

Наш корреспондент С. Гудимова попросила заместителя председателя Всесоюзного организационного комитета по проведению 1000-летнего юбилея Абу Али Ибн Сины (Авиценны), президента Академии наук Таджикской ССР М. С. АСИМОВА ответить на несколько вопросов в связи с этим событием.

Проект памятника Ибн Сине в Душанбе (скульптор О. Эльдаров, архитектор Д. Каримов).

— МУХАММЕД САЙФИТДИНОВИЧ, РАССКАЖИТЕ ПОДРОБНЕЕ О ТЕХ ЗАСЛУГАХ ИБН СИНЫ ПЕРЕД ЧЕЛОВЕЧЕСТВОМ, КОТОРЫЕ ПОСЛУЖИЛИ ОСНОВАНИЕМ ДЛЯ ШИРОКОГО ПРАЗДНОВАНИЯ ЕГО ЮБИЛЕЯ.

ВЕЛИКИЙ СЫН ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

— Постараюсь сказать главное. Такими сынами, как Абу Али Ибн Сина (на Западе его называли Авиценна), человечество по праву гордится. Примером своей жизни он показал огромные возможности человеческого разума, способного постигать тайны природы, показал силу знания, украшающего и преобразующего жизнь. А бескорыстное рыцарское служение науке, верность убеждениям, забота о совершенствовании человека — физическом и моральном — делают Ибн Сину нравственным образцом для всех ученых мира во все времена.

Он был первым среди блестящих ученых при дворах многих восточных властителей, на Востоке его называли шейх-урраисом — «князем ученых», доказателем истины, а он говорил, что более всего в своей жизни гордится тем, что ему удалось вылечить от туберкулеза простую хорезмийку. Ибн Сина жил в обществе, где царили деспотизм, насилие, темнота, и мечтал о царстве разума и справедливости, основанном на дружбе, равенстве и братстве, об обществе, где все честно трудятся, где нет войн и политических распрей, где забыли о рабстве, где все дети могут учиться, а нетрудоспособных обеспечивает государство... Социальная утопия Ибн Сины близка утопиям Платона, Аристотеля, Фараби, но есть в ней и существенная особенность. Мечта Ибн Сины зиждется на вере в творческие возможности человека — венца природы.

Трудно назвать такую область знания, которая не была бы освещена блеском его таланта. Можно сказать, что Авиценна сделал фундаментальный вклад во все науки своего времени. Всюду ему открывалось то, что было еще неведомо его современникам. По образному выражению академика Е. Э. Бертельса, «Авиценна — это незримый очаг подземного огня, питающий целую цепь огнедышащих вершин». И хотя оценка относится к роли Ибн Сины в литературе, слова эти характеризуют все стороны его деятельности.

Научное наследие Ибн Сины огромно. Согласно сведениям его биографа востоковеда Саида Насифи, он оставил более 450 произведений. Не все из них, к сожалению, дошли до нас, но даже если бы мы знали половину тех трудов, что известны сегодня, то и тогда были бы поражены необычайной широтой его интересов и глубиной исследовательской мысли. Он изучал движение тел, свойство инерции, состав и строение органических соединений и минералов, стремился проникнуть в тайну происхождения живых существ, наблюдал звезды с помощью приборов, сделанных им самим; изучал взаимоотношения людей — в обществе и в семье, в разных социальных и бытовых условиях... Ибн Сина вплотную подошел к мысли о том, что движение, пространство и время — неотъемлемые свойства материи, в отличие от других ее свойств (например, черноты и белизны, твердости и мягкости и т. п.). Его теория познания была материалистической по своим главным тенденциям. Не сомневаясь в объективном существовании предмета познания, он рассматривал само познание как отражение образа вещей в чувствах и разуме познающего. Его интересовала и роль интуиции в познании.

Ибн Сина по-новому осветил логику Аристотеля, рассматривая ее как орудие познания, средство достижения истины, инструмент в руках мыслящего человека, предостерегающий его от возможных ошибок и заблуждений. Логика, подчеркивал ученый,— не только искусство мыслить, но прежде всего наука о законах и формах мышления. Научно-рационалистический, аналитико-синтетический метод мышления Ибн Сины позднее дал сильный толчок развитию европейской научной мысли.

Ибн Сина положил начало философской повести и так называемой научной поэзии на арабском и фарси-дари (таджикском) языках. Он основоположник лирико-философского жанра — рубаи, получившего совершенное развитие в творчестве его преемника, непревзойденного мастера рубаи — Омара Хайяма. Еще не исследовано достаточно учение Ибн Сины о поэтике и музыке...

Но, пожалуй, более всего прославился Ибн Сина своим вкладом в развитие медицины. У него был еще третий титул на Востоке — «глава врачей». Его знаменитый «Канон врачебной науки» в течение шести веков был главным источником знаний для студентов-медиков и врачей Востока и Запада. Изданный в Европе впервые в 1473 году, «Канон» в ближайшие 20—30 лет издавался там 15 раз — как ни одна книга в то время, кроме Библии. Труд

этот принес автору бессмертную славу. Можно сказать, что «Канон» в известном смысле определил пути развития медицины на несколько веков.

Ибн Сина первый выдвинул гипотезу о невидимых возбудителях заболеваний, передающихся через воздух и воду; он писал о влиянии климатических условий на здоровье человека; раскрыл механизм зрительного процесса; подробно описал диабет, оспу и другие болезни и рассказал, как их лечить и как уберечься от них. «В медицине,— писал «глава врачей», — необходимо также знать и явления, которые происходят при здоровье и при болезни». Многие его советы были просты и доступны каждому. А рекомендации по «лечебной физкультуре», гигиене и режиму питания, отдыха звучат удивительно современно. Ибн Сину можно назвать и отцом геронтологии: ему удалось приоткрыть тайну долголетия и прийти к таким решениям, которые не потеряли своего значения и сегодня. Он заложил основы психотерапии как самостоятельного раздела клинической медицины.

В трудах Ибн Сины описано свыше полутора тысяч лекарств. Мы применяем сейчас только 70 из них. Многие средства, описанные ученым, еще не расшифрованы и не испытаны. В «Каноне» он дал свыше 700 прописей лекарственных составов.

Ибн Сина написал более 40 трудов по медицине. Назову еще два из них. «Ал-Урджуза фи-т-тиб» — поэтический путеводитель по медицине, своеобразный миниатюрный «канон врачебной науки», состоящий из 1332 двустиший. «Поэты — владыки слова, врачи — ангелы здоровья... Первые красноречием радуют душу, вторые преданностью и доброжелательностью вылечивают тело», — пишет Ибн Сина, и мы не можем с ним не согласиться. В «Урджузе» объединены два эти искусства, которыми он владел в совершенстве. В 1954 году был найден «справочник» практического врача — «Алвохия» (свод рецептов). В этой книге Ибн Сина впервые говорит о веществах, усиливающих память и умственные способности человека, то есть о тех средствах, которые мы сегодня называем психостимуляторами.

■ — НАШИМ ЧИТАТЕЛЯМ БЫЛО БЫ ИНТЕРЕСНО ЗНАТЬ, КАК ОТНОСИЛСЯ ИБН СИНА К РЕЛИГИИ, В ЧАСТНОСТИ К ИСЛАМУ, — ВЕДЬ В ЕГО ВРЕМЯ МУСУЛЬМАНСКАЯ РЕЛИГИЯ БЫЛА ГОСПОДСТВУЮЩЕЙ ИДЕОЛОГИЕЙ В ОБЩЕСТВЕ.

— Мы не можем назвать Ибн Сину атеистом в нашем понимании этого слова. Он исполнял мусульманские обряды, предписанные Кораном, и считал себя мусульманином. Но с какой радостью и торжеством расправились бы с ним богословы, шейхи и муллы, если бы не охранял его от них огромный авторитет в народе, если бы не нуждались в нем правители, которых Ибн Сина не раз излечивал от тяжких болезней. Для этих богословов он был, безусловно, вероотступником, еретиком. Ведь, по существу, он всем своим творчеством, открытиями, высказываниями, взглядами на природу и ее явления постоянно подрывал основы вероучения, вся его научная деятельность вступала в противоречие с догмами религии.

Опираясь на принцип естественной причинности, он пришел к выводу о взаимосвязи и всеобщем развитии явлений — эта идея нашла наиболее полное выражение в его геологической теории. Его концепция эволюции земной коры наносила удар по религиозной доктрине, отрицающей естественноисторическое развитие природы. Ибн Сина решительно отвергает догматы о всемогуществе и всезнании бога, о сотворении мира. Природа, писал Ибн Сина, вечна (совечна божеству); законы природы не меняются произвольно; они доступны человеческому познанию, всевышний Аллах обладает знанием об универсальном, но не об индивидуальном и т. п. Крупнейший мусульманский богослов того времени аль-Газали писал о нем так: «Что-нибудь подобное не осмеливался еще утверждать ни один мусульманин», высказывания Ибн Сины «безбожным образом противоречат шариату», «они лишают бога качеств всемогущества, свободного творчества, вездесущности и всеведущности и приближают его к состоянию мертвеца, ничего не знающего о совершающихся в мире событиях».

Обвинения в ереси преследовали ученого всю жизнь. Не раз ему приходилось спасаться бегством от ненависти ревнителей истинной веры. Для них он был вольнодумцем хотя бы уже потому, что посвятил свою жизнь не служению вере, а познанию и объяснению мира, поискам истины.

■ — КАК БУДЕТ ОТМЕЧАТЬСЯ ЮБИЛЕЙ ИБН СИНЫ В НАШЕЙ СТРАНЕ!

— В Москве состоится заседание общественности, посвященное этому юбилею. В Душанбе пройдет международная конференция «Философские и социальные воззрения Ибн Сины», а в Бухаре — международная конференция «Естественнонаучные и медицинские взгляды Ибн Сины». В Душанбе и Ташкенте будут открыты памятники мыслителю.

Ведется большая работа по опубликованию трудов Ибн Сины. В издательстве «Наука» АН СССР выйдут в свет «Избранные произведения» Ибн Сины, куда войдут «Автобиография», «Книга знания», «Указания и наставления», «Книга о душе». Академия наук Таджикистана готовит к печати 10-томные «Избранные произведения» на русском и таджикском языках (к юбилею выйдут два первых тома). В Узбекистане на русском и узбекском языках переиздается «Канон врачебной науки». Ученые Таджикистана готовят к изданию труд Исмаила Джурджани «Захираи Хоразмшохи» (XII в.) — это комментированный перевод «Канона» на таджикский язык. Увидит свет и наиболее полное собрание художественных произведений Ибн Сины (на русском и таджикском языках).

Сейчас во многих издательствах нашей страны уже готовы к печати сборники, книги и статьи, посвященные Ибн Сине. Скоро читатели получат монографии А. В. Сагадеева и В. Н. Терновского об Ибн Сине, источниковедческую работу Ю. Н. Завадовского, сборники статей «Канон врачебной науки» и современная медицина» и другие.

Перелистывая страницы трудов Ибн Сины, встречаешь, конечно, и наивные, неверные, с точки зрения современной науки, утверждения и положения, но ведь они написаны 1000 лет назад! И не забудем: даже те взгляды, которые устарели, представляют для нас исторический интерес, так как дают возможность проследить пути развития человеческого познания и мышления, нелегкие пути постижения истины.

ВЕЧНЫЙ СТРАННИК

ОТЕЦ мой был жителем Балха. Во времена эмира Нуха ибн Мансура[1] он переехал оттуда в Бухару и, поступив на государственную службу, принял на себя тогда же ведение дел в одном из казенных имений Бухары — селении Кармайсан, принадлежащем к главнейшим в том краю. Неподалеку от него расположено селение Афшана, где отец взял в жены мою матушку, поселился там и остался жить. Там и родился я, а потом — мой брат. Позже мы переселились в Бухару. Здесь ко мне были приглашены учитель Корана и учитель адаба[2]. Когда мне исполнилось десять лет, Коран и многое из адаба я усвоил уже настолько, что мне диву давались.

Отец был среди тех, кто откликнулся на проповедь египтян, и стал считаться исмаилитом[3]. Он — а с ним и мой брат — слушал их рассуждения о душе и разуме, как об этом говорят и как это понимают они сами. Иногда, бывало, они обсуждают эти вопросы между собой, а я прислушиваюсь к ним, понимаю, о чем говорят, но душой не принимаю, а они начинают меня убеждать. Заводили они также разговоры о философии, геометрии и индийском счете. Позже отец стал меня посылать к одному человеку, торговавшему зеленью и знавшему индийский счет, и я учился у него.

Затем в Бухару приехал Абу Абдаллах ан-Натили. Поскольку он утверждал, что разбирается в философии, отец поселил его у нас в доме, и он принялся за мое обучение. Еще до его приезда я занимался правоведением, посещая для этого Исмаила Аскета, и стоило мне лишь освоиться с принятыми у законоведов способами предъявления иска и приемами возражения ответчику, как из меня вышел самый бойкий полемист. Вскоре под руководством ан-Натили я приступил к изучению «Эйсагоге»[4].

...Какой бы вопрос он ни поднимал, у меня складывалось о нем представление более ясное, чем у него самого. И он наказал отцу: я должен заняться не чем другим, как только наукой. В итоге мне удалось с ним усвоить лишь те начала логики, что лежат на самой поверхности; о тонкостях же ее у него не было ни малейшего понятия. Позднее я начал изучать книги самостоятельно, читал комментарии и в конце концов овладел логикой в совершенстве. Что касается книги Евклида[5], то с ан-Натили я прошел пять-шесть теорем из ее первой части, а все остальное решал уже сам. После этого я перешел к «Альмагесту»[6]. ...Затем ан-Натили распрощался со мной и уехал в Гургандж. Я приступил к самостоятельному изучению книг — текстов и комментариев — по физике и метафизике, и передо мной стали постепенно раскрываться врата науки. Вскоре во мне пробудилась склонность к медицине, и я взялся за изучение посвященных ей сочинений. Врачебная наука отнюдь не относится к разряду трудных, а потому я преуспел в ней за самый короткий срок настолько, что учиться у меня медицине стали почитаемые всеми врачи. Пока я пользовал больных, мне открылись такие дающиеся опытом способы лечения, которые нигде не были описаны. А ведь наряду с этим я занимался правоведением и участвовал в связанных с ним диспутах. И было мне в ту пору от роду 16 лет.

Вслед за тем я на полтора года целиком погрузился в науку и учебу, возобновив занятия по логике и всем отраслям философии. За это время не выпало и ночи, чтобы я вдоволь отоспался, и не было случая, чтоб я в течение дня занимался чем-нибудь посторонним. Я клал перед собой стопкой листы бумаги и, разбирая доказательства, каждый раз записывал, какие у оных силлогистические посылки, каков их порядок, какие выводы из них могут следовать, и при этом старался не упустить из виду условий, коим должны отвечать их посылки, и так до тех пор, пока наконец вопрос не становился мне ясен.

Если с тем или иным вопросом у меня не ладилось и мне не давался в нем средний термин силлогизма, я отправлялся в соборную мечеть и молился, взывая о помощи к создателю вселенной, пока мне не отмыкалось то, что было замкнутым, и облегчалось то, что было многотрудным. Возвратившись домой, я ставил перед собою светильник и вновь принимался читать и делать записи. Всякий раз, как одолевала меня дрема или чувствовалась усталость, я обращался к кубку с вином — пил, чтоб ко мне вернулись силы, — и затем возобновлял занятия... И так продолжалось до той поры, пока я окончательно не окреп во всех науках и стал разбираться в них в меру человеческих возможностей...

Со временем, овладев логикой, физикой и математикой, я добрался до божественной науки[7]. Прочитал книгу

Сведения о первых тридцати годах (до 1012 г.) жизни великого среднеазиатского ученого и философа Абу Али Ибн Сины содержатся в автобиографии, записанной с его слов любимым учеником и помощником Абу Убайдом аль-Джузджани. А. В. Сагадеев перевел ее на русский язык по последнему критическому изданию арабских текстов (известны несколько малоотличающихся друг от друга вариантов) в книге The Life of Ibn Sina. Transl. by W. E. Gohlman. Albany (N. Y.), 1974. Мы публикуем этот перевод с некоторыми сокращениями. Комментарий переводчика.

[1] Эмир из династии Саманидов (976—997 гг.).

[2] Адаб — комплекс знаний, требовавшихся от многостороннe образованного человека и предполагавших прежде всего усвоение стилистики, поэтики и прочих словесных дисциплин.

[3] Исмаилиты — представители религиозно-философского учения в рамках шиитского ислама. Это учение служило знаменем ряда социальных и политических движений, направленных против власти аббасидских халифов. В частности, оно было использовано при утверждении династии Фатимидов в Египте, откуда велась его пропаганда.

[4] Произведение Порфирия Тирского, служившее введением к логическим трактатам Аристотеля.

[5] Имеются в виду «Начала» Евклида.

[6] «Альмагест» — арабизированное название астрономического труда Клавдия Птолемея «Великое построение».

[7] Божественной наукой Ибн Сина именовал или всю метафизику, или ту ее часть, в которой рассматривались вопросы о необходимо сущем и эманационном происхождении из него мира.

«Метафизика»[8], а что в ней — не понял... Она была вот уже сорок раз[9] как перечитана и запомнилась мне наизусть, а я все равно не мог уразуметь ни самой ее, ни ее назначения. Отчаявшись, я сказал себе: вот книга, к постижению которой нет ни единого пути. Но однажды захожу я както после полудня в книжный ряд и является моему взору... посредник, а в руках у него книжка, кою он громко призывает у него купить... Покупаю, и оказывается, что это сочинение Абу Насра аль-Фараби о целях книги «Метафизика». Вернувшись домой, я тотчас принялся за чтение, и передо мной разом раскрылись цели этой книги — ведь она еще прежде мне запомнилась наизусть.

Тем временем случилось вот что — тогдашнего правителя Бухары — Нуха ибн-Мансура — постигла болезнь, приведшая врачей в растерянность. Поскольку я тогда уже был известен среди них как человек, много знающий и начитанный, они завели при эмире разговор обо мне и предложили вызвать меня. Я явился, вместе с ними принял участие в его лечении и служением ему удостоился отличия. Однажды я испросил у него дозволения войти в библиотеку, почитать хранившиеся там книги и ознакомиться с их содержанием Разрешение мне было дано. И вот впускают меня в дом со множеством помещений, в каждом из которых — сундуки со сложенными в стопки книгами: в одном помещении книги по арабскому языку и поэзии, в другом — по правоведению, и так в каждом — книги по одной из наук. Ознакомившись с перечнем сочинений древних ученых, я прошу то, что мне нужно, и вижу такие произведения, о коих многие не слышали даже по названиям и которые не доводилось и мне видеть ни прежде, ни потом...

Жил со мною по соседству некто по имени Абу-ль-Хасан Просодист, который попросил меня составить для него сводное сочинение об этом знании, и я написал ему «Совокупность», назвав сию книгу его именем и включив в нее все науки, кроме математики. А был мне тогда 21 год. Жил со мною по соседству и некто Абу Бакр аль-Бараки, по месту рождения хорезмиец, по складу ума — законник, славный знаток правоведения, толкования Корана и аскетизма, человек, питавший к оным наукам необычайную склонность. Этот человек попросил меня составить комментарии к книгам, и я написал ему книгу «Итог и суть», в двадцати примерно томах. Для него же мною была составлена книга по этике под названием «Благочестие и грех».

...Некоторое время спустя скончался мой отец, и мною стали распоряжаться обстоятельства. Я взялся за койкакие дела по государственной службе, но необходимость вынудила меня покинуть Бухару и перебраться в Гургандж, где визирем был любитель этих наук Абу-ль-Хасан ас-Сухайли. Меня представили тогдашнему эмиру Али ибн-Мамуну — а был я тогда в одежде правоведа, с повязкой, охватывающей подбородок, — и назначили мне месячное жалованье, вполне соответствующее таким, как я. Затем необходимость вынудила меня перебраться в Наса, оттуда — в Бавард, оттуда — в Тус, оттуда — в Саманкан, оттуда — в пограничную крепость Хорасана Джаджарм, а оттуда — в Джурджан. Моей же целью было — попасть к эмиру Кабусу[10]. Но случилось так, что Кабуса схватили и заточили в какую-то крепость, где он и умер. Наконец, я отправился в Дихистан, перенес там тяжелую болезнь и оттуда вернулся в Джурджан. Здесь ко мне присоединился Абу Убайд аль-Джузджани. По поводу своих злоключений я сочинил касыду, в которой был следующий бейт:

Мне город мал любой,
С тех пор, как стал велик.
Я вздорожал ценой —
Исчез мой покупщик[11].

На этом заканчивается биография Ибн Сины, рассказанная им самим. Аль-Джузджани, записавший эти воспоминания своего учителя, уже сам рассказал в своих записках о дальнейшей жизни Ибн Сины — с 1012 года до его кончины в 1037 году. Мы поясним некоторые места автобиографии и дополним ее сведениями, сообщенными аль-Джузджани.

Как видим, отец Ибн Сины был человеком просвещенным и свободомыслящим, и именно ему Абу Али был обязан ранним раскрытием своих интеллектуальных дарований. Он приглашал для сына лучших учителей. Но случалось и так, что ученик толковал наставникам слишком тонкие для них вопросы. Неожиданное затруднение возникло у него лишь при изучении основного философского произведения Аристотеля — «Метафизики». Купленная им на книжном базаре книга оказалась комментарием, написанным к этой работе Абу Насром аль-Фараби, великим предшественником Ибн Сины по перипатетической (аристотелевской) философии. Благодаря ему Ибн Сина освоил «Метафизику». В этом комментарии Абу Наср изложил и свою концепцию соотношения философии и религии, которая оказала решающее влияние на формирование соответствующих взглядов Авиценны.

Вскоре, освоив библиотеку бухарского эмира, в которой хранились уникальные книги по всем отраслям знания, Абу Али вступил в полемическую переписку с ученым-естествоиспытателем Абу Рейханом аль-Бируни, показав себя не только знатоком, но и ревностным поборником аристотелевской натурфилософии.

В автобиографии Ибн Сина сдержанно говорит о том, что обстоятельства вынуждали его к постоянным переездам.

Полоса странствий и мытарств для него началась примерно с 1002 года. В Бухаре власть перешла от долго правившей здесь иранской династии Саманидов к тюркской династии Караханидов, оставаться в охваченном смутами городе было опасно, и Абу Али перебирается в Гургандж — столицу Хорезма. Там собралась блестящая плеяда ученых, среди которых был и аль-Бируни. В их дружном кругу Абу Али прожил до 1008 года, и снова начались нескончаемые странствия по Средней Азии и Ирану. Земли, по которым пролегал его путь, управлялись местными династиями, лишь формально подчинявшимися Багдадскому халифату, и Абу Али был свидетелем кровавых междоусобиц и нашествий. Тем удивительнее расцвет духовной культуры населявших эти земли народов — культуры, которая помимо Ибн Сины дала человечеству и таких его современников, как великий ученый аль-Бируни и прославленный автор «Шахнамэ» поэт Фирдоуси.

«Злым гением» Ибн Сины был султан Махмуд Газневид — представитель возвысившегося при Саманидах рода их бывших рабов — воинов (гулямов). Махмуд подчинил себе Восточный Иран, южную часть Средней Азии и северо-западную Индию. Подражая традициям прежних династий, Махмуд покровительствовал ученым и поэтам (при его дворе, например, находился и Фирдоуси), но делал это из соображений чисто престижных. В то же время он яростно преследовал всякое свободомыслие, которое принимало тогда форму оппозиции суннитскому «правоверию» как идеологической базе халифской власти.

Узнав, что при дворе правителя Хорезма Али ибн-Мамуна (997—1009 гг.) собрались блестящие ученые, султан Махмуд пригласил их всех к себе. Приезд посла с письмом султана, по существу, означал приказ грозного завоевателя, ослушаться которого хорезмшах не мог. Но решение вопроса он оставил на усмотрение самих ученых. Аль-Бируни и двое других ученых были вынуждены направиться к Махмуду, а Ибн Сина и с ним один философ-христианин спешно скрылись из города. Дерзкий поступок Абу Али привел Махмуда в ярость, он повелел размножить его портрет и разослать во все края с предписанием найти строптивца и доставить его ко двору...

Вскоре после того, как они покинули

---

[8] Сочинение Аристотеля.
[9] Здесь число сорок следует понимать не буквально, а в качестве символа, обозначающего (как это бывает и в русской речи) некое множество.
[10] Кабус аль-Маали (976—1012 гг.), к которому стремился попасть Ибн Сина, — правитель Джурджана, меценат, знаток философии и астрономии, поэт.
[11] Бейт допускает и другой перевод: «Не возвеличился, а град мне мал любой: в цене не возрастал — где ж покупатель мой?»

Хорезм, беглецы заблудились в пустыне, и там Ибн Сина похоронил своего спутника-философа, погибшего от жажды во время песчаной бури. Сам он, едва живой, добрался до Гургана. Один из поклонников науки купил для него дом, и именно здесь Абу Али начал свой «Канон медицины». Между тем преследования султана Махмуда не прекратились, и Ибн Сина вновь пустился в путь, который на этот раз привел его в Рей. Но не надолго. Спасаясь от султана, он покидает Рей и перебирается в город Хамадан. Тут прожил он девять лет (1015—1024 гг.) и занимался не только наукой. Местный эмир, которого Ибн Сина вылечил от тяжкой болезни, назначил его своим визирем. Однако действия Ибн Сины на этом посту вызвали недовольство военных, и он, едва не поплатившись за нововведения жизнью, был приговорен к изгнанию. Спасло его лишь то, что эмира настиг очередной приступ тяжкой его болезни...

В Хамадане Ибн Сина начал писать другое свое произведение энциклопедического характера — «Книгу исцеления». Когда умер эмир, Ибн Сина, не желая служить его сыну, решил покинуть Хамадан и вступил в тайные переговоры с эмиром Исфагана Аля-ад-Даулей. Однако тайна его была раскрыта, недруги выдали место, где он укрывался, и Абу Али заточили в крепость Фардаджан. Но и в темнице он не прекращал работать — за четыре месяца заточения ученый написал несколько сочинений. Освобождение пришло с войсками исфаганского эмира, взявшими Хамадан. С тех пор — с 1024 года и до смерти в 1037 году Ибн Сина жил в Исфагане, при дворе Аля-ад-Даули. Это время было наиболее плодотворным в его жизни.

Ибн Сина уважал своего покровителя, у которого нашел понимание и сочувствие. Он посвятил ему сокращенный вариант энциклопедии — «Книгу знания», написанную на родном языке — фарси (дари). Один из средневековых арабских историографов характеризует Аля-ад-Даулю как «дурно верующего» и обвиняет в том, что именно под его влиянием Абу Али впал в «ересь» и поднял голос против истин богооткровенной религии.

В Исфагане Ибн Сина создал «Книгу спасания» — другой сокращенный вариант «Книги исцеления», закончил саму эту многотомную энциклопедию и написал ряд других сочинений, среди которых 20-томная «Книга справедливого разбирательства». Этой рукописи вскоре суждено было погибнуть — во время нашествия войск султана Махмуда. По свидетельству одного историка, полсотни вьюков книг «еретического» содержания сожгли под деревьями, на которых были распяты вероотступники — к «еретикам» Махмуд был особенно жесток.

Во время одного из походов Аля-ад-Даули — как всегда, Абу Али сопровождал его — он заболел. Недуг оказался смертельным. Скончался Ибн Сина в 1037 году в возрасте 57 с небольшим лет. Перед смертью он отпустил на свободу своих рабов, роздал бедным все имевшееся у него тогда состояние. Похоронили Ибн Сину у южной стены Исфагана, в котором он провел последние годы своей полной трудов и невзгод скитальческой жизни.

ИСКАНИЯ ПЫТЛИВОГО УМА

А. САГАДЕЕВ,
кандидат философских наук

В МНОГОГРАННОМ и многоплановом творческом наследии Ибн Сины представители каждой эпохи находили для себя что-то ценное и непреходящее— не случайно К. Линней назвал одно из вечнозеленых растений его именем. В его энциклопедических сочинениях, в знаменитом «Каноне врачебной науки» (или «Каноне медицины») содержится множество самобытных идей и концепций, подлинное значение которых в истории человеческой мысли подчас еще не выяснено до конца. Мы попытаемся осветить лишь одну сторону его наследия, чрезвычайно важную для понимания развития передовой мысли средневековья,— решение вопроса о соотношении философского, научного знания и знания религиозного.

Философская мысль мусульманского средневековья должна была решить задачу, не стоявшую перед античной наукой: установить более широкую и тесную связь между теорией и практикой, чем та, которая существовала в Древней Греции или в средневековой христианской Европе. Именно эту задачу взялся выполнить Ибн Сина.

Вслед за Аристотелем он делит науки на теоретические и практические. Первые, говорит он, исследуют явления, не зависящие от человеческой деятельности, чтобы установить истину; вторые изучают саму эту деятельность, для того чтобы помочь людям достичь благой и счастливой жизни. Таким образом устанавливается единство теоретических и практических наук. В самих теоретических науках Ибн Сина, исходя из житейско-производственных потребностей людей, выделяет, помимо первичных, или чистых, и вторичные, или прикладные. Физика — чистая наука, а прикладными к ней дисциплинами выступают медицина, астрология, алхимия и магия. К чистым математическим наукам (арифметика, геометрия, астрономия и теория музыки) примыкают как прикладные алгебра, механика, искусства, связанные с изготовлением гирь и весов, оптических приборов, зеркал, музыкальных инструментов, астрономических и географических карт.

Среди прикладных наук, которыми занимался Ибн Сина, на первом месте была медицина. Его имя в ее истории стоит рядом с именами Гиппократа и Галена. «Канон врачебной науки» был одним из главных руководств по медицине для европейских врачей в течение ряда столетий — вплоть до XVII века. Богатый опыт практикующего врача, многочисленные эксперименты и анатомические вскрытия, которые он делал вопреки религиозным запретам, привели его к выводам, многие из которых предвосхитили открытия более поздних эпох. Так, задолго до возникновения той отрасли медицины, которую в наши дни называют «психосоматикой», он всесторонне изучил взаимосвязь между болезненными отклонениями в жизнедеятельности человеческого тела и душевными, в частности стрессовыми, состояниями больного. Он опередил открытия, которые были сделаны в микробиологии XIX века, впервые дал клиническую картину и характеристику менингита, столь ясную и детальную, что, по мнению специалистов, к этим его наблюдениям ничего существенно нового не добавить и в наши дни. Впервые же в истории медицины он дал точное описание анатомического строения глаза, рассматривая его в единстве со зрительным нервом и мозгом. Его представления о роли печени в жизнедеятельности организма оказываются более близкими к современным, чем представления европейских врачей конца XVIII — начала XIX века.

Мы говорили о том, что в число прикладных дисциплин Ибн Сина включил алхимию, разного рода магию и астрологию. Что это, уступка средневековым предрассудкам? Ибн Сина вовсе не безоговорочно принимал эти дисциплины. Его отношение к ним было чисто практическим — в той мере, в какой они составляли часть тогдашней научной и житейской практики. Астрологию, например, он отвергал. Но тот общий ее принцип, согласно которому движение небесных светил связано с явлениями, происходящими в подлунном мире, соответствовал и его собственным естественнонаучным представлениям. Кстати, этот принцип находился в противоречии с утверждениями теологов, объяснявших все и вся действием лишь потусторонних сил.

Критическим, но вполне серьезным было отношение Авиценны к алхимии. Превращение неблагородных металлов в благородные, вероятно, было бы осуществимо, писал он, если бы были известны их видообразующие характеристики, но таковые, к сожалению, неизвестны. А раз вещь неизвестна, продолжает он, то как же можно помышлять о ее создании или устранении? Ибн Сина решительно отвергал объяснения тех или иных явлений чудом, нарушением естественного хода вещей. Вместе с тем он не позволял себе отвергать с порога все то, что в его время считалось «магией». Касаясь отношения Ибн Сины к «магическим искусствам», великий продолжатель его дела в объяснении природы Ибн Рушд (Аверроэс) впоследствии заметил: действительно, многое из того, что кажется невозможным нам, не является таковым на самом деле. Прозорливость позиции обоих философов по отношению к необъясненным еще явлениям, окруженным магическим ореолом, подтверждается многими открытиями современной науки [1].

Прикладные науки черпают свои за-

[1] См., например, об этом статью А. Каткова «Магия? Нет, природные закономерности!». «Наука и религия», 1979, № 12.

коны и принципы в теоретических науках, а эти в свою очередь в том разделе философии, который тогда именовали «первой философией», или «метафизикой». Ту часть ее, которая служит философским обоснованием естественных наук, Ибн Сина называет «всеобщей» наукой. Задача ее — доказать универсальный характер естественных причинно-следственных отношений, обусловленность любого явления природы взаимодействием внутренних и внешних для него факторов, а в конечном итоге — целокупностью вечного и довлеющего себе материального мира.

Ибн Сина доказывал вечность мира и его независимость от каких бы то ни было начал, запредельных по отношению к миру. Такое утверждение было прямо направлено против господствующей идеологии «теологизированного» общества, в котором жил философ.

Аргументы Ибн Сины в пользу несотворенности мира можно суммировать следующим образом. Творец, «демиург», или всегда пребывает в одинаковом состоянии, или в нем могут возникать новые состояния. Если он всегда пребывает в одинаковом состоянии, то творение мира невозможно, так как оно означает определенное изменение в состоянии творца. Если же такое изменение в его состоянии возможно, то у него должно возникнуть что-то такое, чего у него ранее не было, например — цель, желание, способность. Но в таком случае мы должны искать для изменения соответствующую причину, для появления этой причины — другую причину и так далее до бесконечности, что нелепо. Если бы мир возник по воле творца, то для творения выбирался бы какой-то определенный момент, между тем как любой момент абсолютно подобен всем другим, и в них нет ничего такого, что побудило бы создателя отдать предпочтение одному перед остальными. Наконец, вещь, прежде чем возникнуть, должна до этого существовать в возможности, то есть в материи, в противном случае она была бы просто невозможной. Значит, материя извечна, ее творение во времени невозможно, поскольку для ее создания потребовалась бы какая-то другая материя, для той — третья и так далее до бесконечности, что абсурдно.

Эти доказательства основываются на одном общем принципе — принципе детерминизма: всякое действие имеет свою причину, и всякая причина при надлежащих условиях неизбежно влечет за собой соответствующее ей действие. И наоборот: когда предмет остается неизменным при неизменности и внешних условий, он не может стать причиной возникновения чего-то такого, чего не было раньше.

Содержание «всеобщей» науки Ибн Сины прямо противоположно теологическому положению о том, что все происходящие в мире явления — только возможны, а будут они или нет — это определяется надприродным, божественным началом. Ибн Сина согласен с богословами в том, что сами по себе вещи являются лишь возможными, но добавляет: так дело обстоит лишь постольку, поскольку нам неизвестны их причины; но даже если известны некоторые причины и условия возникновения того или иного явления, то это еще не значит, что оно необходимо совершится.

Предметы и явления предстают перед нами как возможные сами по себе до тех пор, пока они не рассматриваются в их обусловленности другими вещами и явлениями. Но если их рассматривать как единичные проявления всеобщей и необходимой взаимосвязи вещей, то они становятся необходимыми, ибо необходимость предмета или явления определяется переплетением бесчисленного множества причинно-следственных отношений в мире, данном нам в нашем опыте. Мир в целом — это «необходимо-сущее-само-по-себе». Ибн Сина считал природу причиной всех природных явлений, то есть причиной самой себя. И тут для вмешательства в процессы, происходящие в мире, каких-то посторонних для него сил места не оставляется.

Для объяснения мира и связей, в нем существующих Ибн Сине не понадобился надприродный бог, творец. Его мировоззренческое толкование естествознания было надежной защитой от господствовавших в его время религиозных предрассудков.

По общему мнению средневековых арабо-мусульманских мыслителей, понятия и догмы религии суть единственно возможный регулятор человеческого общежития. Многие из ученых, в том числе и Ибн Сина, занимались их философской интерпретацией. Они искали ту форму философского мировоззрения, которая позволила бы наиболее способным представителям «широкой публики» перейти от религиозного мировосприятия, основанного на риторике и мифопоэтических образах, к научному миропониманию, опирающемуся на доказательные рассуждения.

Предшественник и учитель Ибн Сины Абу Наср аль-Фараби привнес в философию восточного перипатетизма учение об эманации — проистекании всего живого мира из сущности творца. Он считал это учение неким мостом для перехода от теоретических наук к практическим, как бы «промежуточным» мировоззрением — между религиозными представлениями и философскими, научными концепциями. Тождество бога и его творения может вполне согласоваться с обычными религиозными представлениями, касающимися творения, считал Ибн Сина. Но в его философской системе учение об эманации оказывалось не стержнем «идеальной» религии для идеального общества, как представлял аль-Фараби[2], а наиболее приемлемым, с точки зрения философов, мировоззренческим кредо для представителей «широкой публики» в мусульманских обществах.

У Ибн Сины учение об эманации сближается с пантеистическими взглядами суфиев — представителей мусульманского мистицизма. Суфии игнорировали традиционные религии со всеми их официально принятыми догмами и обрядами. Они видели высшую цель жизни в сближении «слиянии» с божеством на пути постоянного богомыслия и отречения от низменных благ суетного мира. Сближение это осуществляется в двух направлениях — общемировоззренческом и нравственном. Общей основой для сближения философского мировоззрения Ибн Сины с мироощущением суфиев служит концепция единства бытия. В аллегорическом «Трактате о птицах» он так передает свою мысль о диалектическом тождестве целокупности мира и его проявления в нашем конечном опыте (или, в интерпретации для «широкой публики»,— тождества творца с его творениями): «Красота его — как бы завеса красоты его; обнаруживая себя, он как бы прячется, проявляя себя — как бы скрывается. Так и с солнцем: задернется дымкой — видно отчетливо, а засияет — недоступно для взора. Ибо свет его — завеса света его».

В нравственном учении суфиев Ибн Сину подкупало то, что их религиозность не была связана с традиционными в монотеистических религиях представлениями о потусторонних карах и воздаяниях, превращающих веру, по его словам, в «торговую сделку» со всевышним. В «Трактате о птицах» Ибн Сина с горечью отмечает торгашеско-утилитарное отношение даже самых искренне верующих людей к своему создателю (как и суфии, Ибн Сина в данном случае называет бога «другом»): «...Времена наступили такие, что сравнялась дружба со сделкою торговой: обращаются к ней ныне единственно тогда, когда к другу взывать понуждает какая-то потребность, а как надобность пройдет, так и знать-то не знают никакого уж друга...»

Но образ жизни суфиев, которых Ибн Сина называл «братьями во истине»,— лишь идеал для неученой части общества. Подавляющее же его большинство способно лишь руководствоваться догмами традиционных религий, их предписаниями и заповедями. Для нормального функционирования социального организма, считает он, необходим религиозный закон, шариат, а следовательно, и религиозный законодатель — пророк.

В классификации, данной Ибн Синой, в ряду прикладных наук стоит учение о пророчестве. Согласно Ибн Сине, пророчество необходимо, это определяется природой человека как существа социального, политического. «Как известно,— пишет он,— человек тем отличается от остальных животных, что он не смог бы благоденствовать, если бы уединился и жил особняком, выполняя свои дела сам, без сотоварища, помогающего ему в удовлетворении насущных потребностей». Для поддержания жизни люди должны объединиться в сообщества, основанные на разделении труда. «А коли это очевидно, то для существования человека и поддержания его жизни необходимо соучастие других людей; соучастие осуществимо лишь через сотрудничество... для сотрудничества необходимы закон и справедливость; для закона и справедливости необходим тот, кто устанавливал бы закон и справедпивость, а таковой должен иметь возможность обращаться к людям с речью и обязывать их к соблюдению закона, он должен быть человеком; ему нельзя в этом деле оставлять людей и их взгляды без руководства, ибо в противном случае среди них возникнет разлад и каждый будет считать справедливым то, что ему выгодно, а несправедливым — то, что ему невыгодно».

---

[2] В созданной аль-Фараби модели идеального общества этому учению предстояло образовать общемировоззренческую основу «идеальной» религии как суррогата подлинного, научного мировоззрения, на страже которой стояла бы теология как «служанка» философии (выражение самого Фараби).

Дальнейшие рассуждения Ибн Сины о естественном происхождении пророчества и религий (как социальной необходимости) выглядят как наставления для пророков — а ведь ислам учит, что времена пророков завершились с приходом Мухаммеда. Оставляя без внимания это важнейшее догматическое положение ислама, Ибн Сина пишет: «Такой человек, коли объявится, должен устанавливать людям в отношении их дел законы... В основу устанавливаемых им законов будет положено оповещение им людей о том, что у них есть некий всемогущий и единый творец, что оному ведомы тайное и явное, что повелению его надлежит подчиняться... Ему не следует обременять их сведениями о всевышнем Аллахе сверх знания того, что он есть единый, истинный и бесподобный».

К практическим наукам Ибн Сина относил и политику, домоводство, этику. У него эти учения находятся в неразрывной связи. «Свидетельством того, что нравственные качества вырабатываются не иначе, как через привычку совершать дела, проистекающие из данных нравственных качеств, служит то, например, что мы наблюдаем у хороших руководителей и достойнейших людей: приучая граждан к добрым делам, они делают и их самих добрыми людьми; точно так же, приучая граждан к дурным делам, плохие руководители и притеснители городов делают и самих же жителей дурными людьми». Данная этическая концепция перекликается с убеждением Ибн Сины как врача о том, что человеческий организм поддается «воспитанию» путем выработки положительных условных рефлексов.

Большое внимание уделяет Ибн Сина проблемам воспитания детей, точнее — воспитания мальчика отцом и педагогом. Подросток должен получить хотя бы элементарные знания в основных науках, специализироваться в одной профессии — не обязательно престижной, но непременно отвечающей индивидуальным склонностям, — без этого невозможна будет самостоятельная жизнь. Примечательно, что, хотя взгляды философа на брак и семью развиваются в общем и целом в русле мусульманской традиции, он вообще ничего не говорит о религиозном воспитании и обучении. Главное внимание уделяется другому. Человек обязан научиться управлять самим собой. Нравственному самовоспитанию должно предшествовать критическое самонаблюдение, выявление всех своих недостатков, ибо просмотреть порок в данном случае — это все равно, что запустить не замеченную вовремя болезнь. Поскольку при этом трудно быть объективным, человеку не обойтись без друга, «который был бы для него как бы зеркалом, показывающим добрые его дела добрыми, а дурные — дурными». Познать себя глубоко человек может в сопоставлении себя с другими. После этого он приступает к воспитанию качеств, соответствующих четырем основным добродетелям: воздержанности, смелости, мудрости, справедливости. Высшего же счастья человек достигает тогда, когда он, подчинив животные силы силе разума, воспаряет мысленно к высотам познания. Но счастье это становится доступным только после того, как у человека воцарится гармония «в практической части души», в каждой из сил, порождающих нравственные добродетели.

Знание было в глазах Ибн Сины высшей целью человеческой жизни. Разумеется, Абу Али Ибн Сина не был атеистом в современном понимании этого слова. Его мировоззрение скорее близко к пантеизму, ибо то, что философ отождествлял с божеством, его «необходимо сущее» представляло собой «метафизически переряженную природу» — сущее в его вневременной целостности и необходимости. Он был сыном своего времени, но во многих отношениях ушел от него далеко.

Можно утверждать с полной уверенностью, что великий среднеазиатский ученый в общих вопросах мировоззрения шел именно по той дороге, которая вела к философии Спинозы, а через нее — и к материалистической философии наших дней.

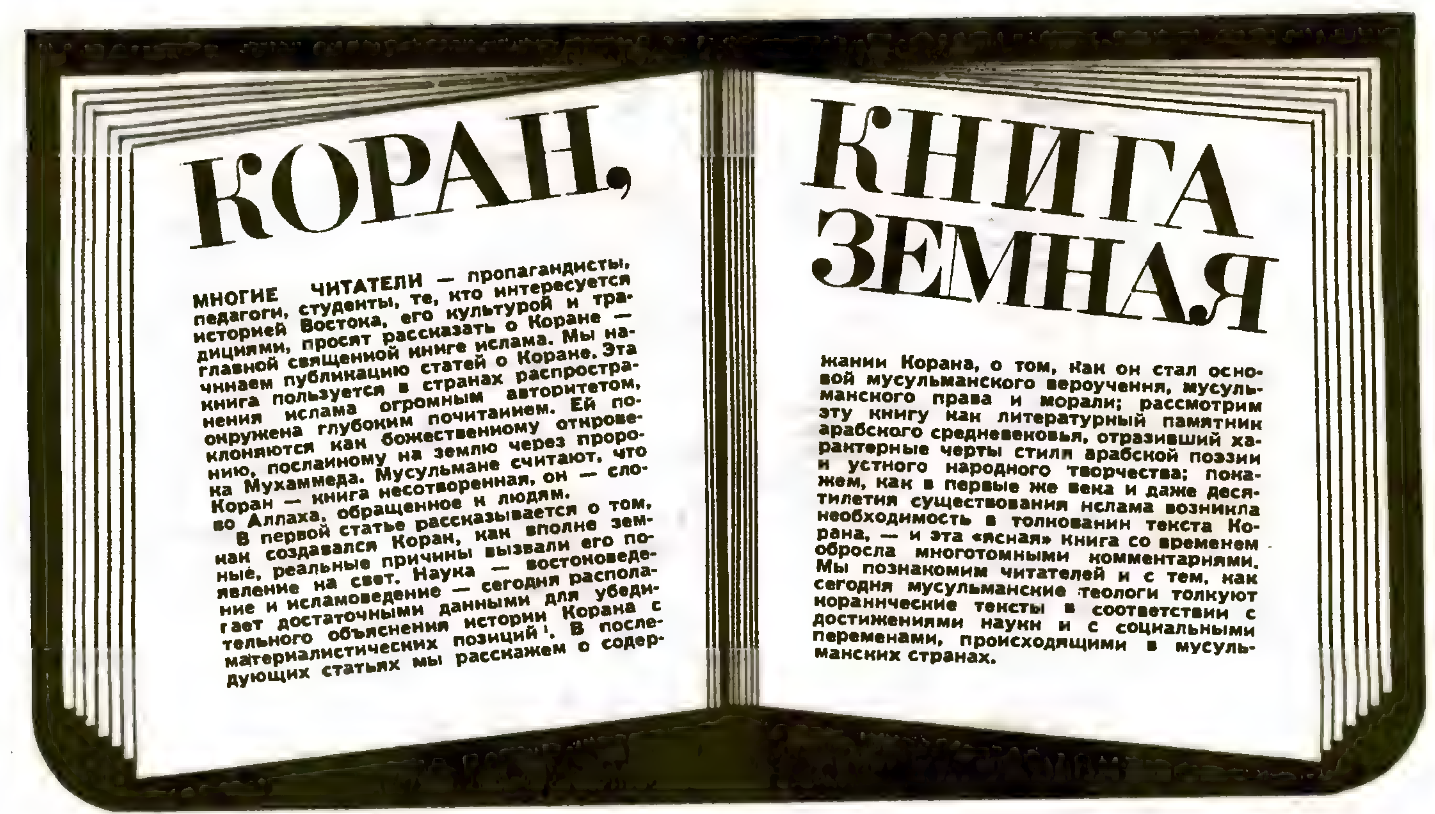
Поэма о душе

Мы предлагаем читателю первый перевод на русский язык «Поэмы о душе» Абу Али Ибн Сины. Это выдающийся памятник передовой мысли восточного средневековья. В поэтическо-аллегорической форме (наиболее понятной широким слоям читающей публики и в то же время достаточно усложненной, дабы не вызвать осуждения ортодоксальных теологов) философ изложил свои взгляды на духовную жизнь человека, утверждая самоценность индивидуального бытия, конкретного жизненного опыта.

Средневековые авторы на Западе и Востоке на разные лады повторяли, что человек рождается в муках и умирает в муках. Для большинства из них это было свидетельством ничтожества человека, обреченного творцом на бесконечные и бессмысленные страдания. В поэме Ибн Сины тоже говорится о страдании — не телесном, но духовном. Мучительно вступление души в земную жизнь, еще мучительнее расставание с земным бытием. Но, в отличие от многих своих современников, Ибн Сина говорит об этом не для того, чтобы призвать человека к смирению, и даже не для того, чтобы упрекнуть творца. Главная мысль поэмы — показать величие человеческого духа, мужающего в страданиях, несравненную ценность познания, пусть и приобретаемого в тяжелых испытаниях, в муках творчества. Пусть печально покидать земную обитель, но душа выполнила свое высокое предназначение: «Ведь ей известны истины такие, о коих и не слышали другие». Грустна для автора лишь мимолетность земного сияния человеческой души.

Из своего возвышенного дома,
Белейшему из голубей подобна,
Она сошла к тебе и, гордая, сияет;
Ее краса сама ее скрывает
От взоров любопытных, но при этом
Очарованья светится лучом.
Она к тебе явилась против воли,
Но все же ей страдать придется боле,
Когда — и мига этого не минуть —
Придется ей потом тебя покинуть.
Печалями истерзана она.
Вначале от всего отчуждена,
И все ей непривычно; но затем,
Когда она срастается со всем,
Тогда любовь не скоро в ней остынет
К соседству с этой грустною
пустыней.
Теперь уже — поверить я готов —
Она совсем не помнит тех шатров,
Тех дальних обиталищ, что с досадой
Ей покидать когда-то было надо.
Так с этими глубинами она
Теперь должна быть соединена.
И от былых холмов своих песчаных
Отделена, и это ей печально.
Теперь напрасны все ее усилья
И тяжелы ей собственные крылья.
Теперь заключена меж рубежами,
Отмеченными мощью вседержавной,
Она (хоть никогда не забывала,
Что встарь в ином жилище обитала)
Уже рыдает; слез ее поток
Несется, и обилен, и широк.
Она еще не тронулась в дорогу.
Но этот миг все ближе понемногу.
Ну вот и пробил час. Пора идти.
Уже настало время быть в пути
Туда, туда, к равнине той просторной
В стране далекой и высокогорной,
Той, что на самой верхней из
ступеней.
Тогда звучит торжественное пенье:
Поскольку ведь познанье возвышает
Сердца и тех, кто скромен иль
страдает,
Теперь от тайны самой сокровенной
Волшебный ключ отыщется мгновенно,
И целый мир теперь ей возвращен,
Путь восприятия не перегражден,
Теперь всему даровано внимать.
И это ей поможет доказать:
Тот спуск был ей необходим, и пусть
Он вызвал у нее и боль, и грусть —
Ведь ей известны истины такие,
О коих и не слышали другие.
Зачем с вершины, в высоту
вознесенной,
Она спустилась в край тот
отдаленный,
В пучины, уходящие глубоко?
Она низвергнута по воле бога.
Но не напрасно, а для высшей цели,
Которую постичь бы не сумели
Вовеки ни острейшая из дум,
Ни самый быстрый и живейший ум.
И даже пусть запутанные сети
И прутья жесткие теснейшей клети
Ее сжимают, мнут ей опёренье —
Ей все равно дано благословенье.
Она была, как проблеск, вспышка,
блик,
Ее сиянье длилось только миг,
Она мгновенье над шатром светилась
И тут же снова в темноте сокрылась,
Как бы ничто ее мелькнувшим светом
Не освещалось в дольном мире этом.

Перевела с арабского
М. ЧЕМЕРИССКАЯ

КОРАН, КНИГА ЗЕМНАЯ

МНОГИЕ ЧИТАТЕЛИ — пропагандисты, педагоги, студенты, те, кто интересуется историей Востока, его культурой и традициями, просят рассказать о Коране — главной священной книге ислама. Мы начинаем публикацию статей о Коране. Эта книга пользуется в странах распространения ислама огромным авторитетом, окружена глубоким почитанием. Ей поклоняются как божественному откровению, посланному на землю через пророка Мухаммеда. Мусульмане считают, что Коран — книга несотворенная, он — слово Аллаха, обращенное к людям.

В первой статье рассказывается о том, как создавался Коран, как вполне земные, реальные причины вызвали его появление на свет. Наука — востоковедение и исламоведение — сегодня располагает достаточными данными для убедительного объяснения истории Корана с материалистических позиций[1]. В последующих статьях мы расскажем о содержании Корана, о том, как он стал основой мусульманского вероучения, мусульманского права и морали; рассмотрим эту книгу как литературный памятник арабского средневековья, отразивший характерные черты стиля арабской поэзии и устного народного творчества; покажем, как в первые же века и даже десятилетия существования ислама возникла необходимость в толковании текста Корана, — и эта «ясная» книга со временем обросла многотомными комментариями. Мы познакомим читателей и с тем, как сегодня мусульманские теологи толкуют коранические тексты в соответствии с достижениями науки и с социальными переменами, происходящими в мусульманских странах.

Как создавался Коран

М. УСМАНОВ,
доктор философских наук

СЛОВО «коран» (точнее «кур'ан») означает поарабски «чтение». Действительно, это произведение явилось результатом устного творчества и лишь потом было записано и оформлено в виде книги. Мусульмане иногда так и называют ее «китаб» — «книга», «писание». Еще один синоним Корана — «каламуллах» — «слово Аллаха». Это название ясно — мусульмане считают свою священную книгу богооткровенной, несотворенной, словом божьим.

«Священные» или «богооткровенные» книги есть во многих религиях мира. На определенной ступени развития религиозных представлений, когда уже не мыслится непосредственная связь бога с человеком, возникает идея посредничества между ним и людьми. Появляются пророки, посланники, которые «передают» людям повеления бога. Пророчество, откровение становится необходимым элементом религиозной догматики.

В Коране многократно говорится о том, что эта книга ниспослана Аллахом: «Поистине, это ведь Коран благородный в книге сокровенной. Прикасаются к нему только очищенные. Ниспослание от господа миров» (56, 76—79)[2]. Согласно мусульманской традиции, Мухаммед стал получать откровения в «ночь могущества» — с 26 на 27 месяца рамадана (2, 181). Этот месяц потому и считается священным, именно в течение его мусульманам предписан 30-дневный пост. По европейскому календарю это была ночь с 31 июля на 1 августа 610 года нашей эры. Именно тогда Мухаммед произнес первые фразы будущего текста Корана и убеждал слушателей, что они — речь Аллаха, переданная ему архангелом Джабраилом. В религиозной традиции признается, что первые фразы содержатся в суре 96, а последнее откровение — в суре 5. В ней, в аяте 5, говорится (разумеется, от имени Аллаха): «Сегодня я завершил вам слово о вашей религии, закончил для вас свою милость и удовлетворился для вас исламом как религией» (перевод автора статьи).

Как же на самом деле возник Коран? История его появления тесно связана с социально-экономическими и идейно-политическими условиями Ара-

[1] Напомним читателям, что в 1975 г. в журнале опубликованы две статьи о Коране: в № 4 — «Сила традиции» А. Вертельса, раскрывающая причины почитания Корана в современном мире и дающая краткую историю его создания; в № 7 — «Коран Османа» Т. Стецкевич, которая рассказывала о первых списках этого памятника.

[2] При цитировании Корана мы пользуемся главным образом русским переводом И. Ю. Крачковского (М., 1963). Ссылки на текст Корана даются по общепринятым правилам: первая цифра указывает на суру, цифры после запятой — номер аятов, после точки с запятой — другая сура и аяты. Если цитаты из Корана даются в переводе автора статьи, это специально оговаривается.

Гора Хира, где, по преданию, пророк Мухаммед получил в пещере первые откровения.

вии VII века, вызвавшими к жизни третью после буддизма и христианства мировую религию — ислам. Уточним: ислам появился в западной части Аравийского полуострова, в области Хиджаз (она так называется и сейчас). Этот район значительно отставал в социально-экономическом развитии от соседних стран: в Хиджазе и центральных районах полуострова обитали кочевники — бедуины[3], объединенные в крупные и мелкие племенные союзы, а в Йемене, Сирии, Палестине, Ираке уже утвердились феодальные отношения.

По побережью Красного моря через Хиджаз проходил древний караванный путь, имевший важное экономическое значение для многих племен, осевших на перевалочных пунктах этого пути — в Мекке, Ясрибе (Медине), Таифе и других. Наиболее крупным городом была Мекка, где давно осело сильное племя курейш. Город был экономическим и религиозным центром Хиджаза, здесь проходили большие торговые ярмарки, тут находился и храм Кааба, где были собраны идолы многих арабских племен, издавна совершавших сюда паломничество. Напомним, что паломничество (хаджж) в Мекку превратилось в один из главных обрядов ислама. Месяц паломничества (зуль-хиджжа) издревле считался у арабов священным. В это время прекращались межплеменные розни и столкновения. Обычно в месяц паломничества в Мекке проходили и торговые ярмарки. Мекканцы принимали активное участие и в караванной торговле.

Однако ко времени нашего рассказа — второй половине VI века — караванный путь через Хиджаз почти заглох из-за того, что торговые пути потянулись через Персидский залив и Двуречье в соседнее государство Сасанидов. Наступил острый экономический кризис в жизни арабских племен. В поисках выхода многие из них объединяли свои усилия — в этих условиях становились помехой племенные культы, всегда служившие обособленности племен, их изолированности. Пробивались новые религиозные идеи, отвергающие племенную обособленность и провозглашавшие единство арабов как одного народа. Именно в это время уже ощущалась и необходимость в такой религии, которая была бы обращена к человеку, к его нравственным потребностям.

В различных частях Аравийского полуострова в VI — начале VII века появились проповедники единого бога — ханифы, учение которых, должно быть, сложилось на базе учений монотеистических религий — иудаизма и христианства, а также на основе общесемитских традиций[4]. Пророк Мухаммед, начавший свою проповедь о едином боге в Мекке около 610 года, по признанию большинства исследователей, также был одним из ханифов. Если судить по содержанию ранних сур Корана, Мухаммед и не предполагал, что создает новую религию. В своих первых проповедях он часто призывал к восстановлению древней веры арабов в единого бога, которую они будто бы позабыли,— религии Ибрахима (библейский Авраам). Это, видимо, свидетельствует о преимущественной роли общесемитских традиций в формировании ханифитских, а в дальнейшем и раннеисламских идей.

Мухаммед продолжал произносить части Корана — как «откровения Аллаха» — вплоть до своей смерти (летом 632 г.) то несколькими словами, то большими проповедями. В них, как мы покажем,

---

[3] Бедуии — несколько искаженное арабское «бадави», происходящее от «бадв» — пустыня, степь; означает «житель пустыни».

[4] Термин «ханиф» несколько раз встречается в Коране (22, 32; 98, 4) в значении «правоверный», «истинно верующий», верящий в единого бога. В аятах утверждается, что Ибрахим (Авраам) был ханифом (2, 129; 3, 60). Идеология ханифизма пока мало изучена. Исследователи согласны в том, что они отличались и от иудеев, и от христиан. Ханифы признавали единого бога, отвергали идолопоклонство и проповедовали скорый конец света.

отразились особенности жизненных обстоятельств или насущные нужды мусульманской общины, вызвавшие необходимость того или иного «откровения». Прежде чем продолжить рассказ о создании Корана, нужно коснуться вопроса о его авторстве. Был ли Мухаммед единственным создателем Корана? Одни ученые доказывают, что в основном Коран создан им, другие считают Коран плодом творчества многих поколений людей, приписанным затем Мухаммеду.

Концепция, согласно которой «Коран создавался в разное время и в разных местах» [5], не получила признания в науке, но, к сожалению, успела найти свое отражение в значительной части популярной литературы, так же как и положение о мифичности Мухаммеда [6].

Глубочайший знаток арабских памятников и Корана академик И. Ю. Крачковский на основе первоисточников со всей убедительностью показал как историчность Мухаммеда, так и то, что он является автором Корана (заметим, что концепция неисторичности Мухаммеда и освещение в литературе хода исторических событий в Аравии VII в. на основе такой концепции — абсолютно голословны, хотя до сих пор еще вызывают споры).

И. Ю. Крачковский упоминает два памятника арабской письменности: папирус из Египта, датируемый 22 годом хиджры (643 г. н. э.), и надгробную надпись 31 года хиджры (651 г. н. э.). Фотофаксимиле папируса опубликовано в «Энциклопедии ислама» [7], и любой арабист может прочесть (хотя письмо и несколько стерто) имена некоторых известных деятелей первоначального ислама — Мусы бин Абдаллаха и Му'изз бин Имрана (1-я строка), Хаус бин Убайдаллаха (2-я строка), Амр бин Аббаса (6-я строка) и имя пророка — Мухаммеда бин Абдаллаха (8-я строка). Подлинность этого папируса никогда не вызывала сомнения у специалистов.

Другая группа источников, на которые ссылается И. Ю. Крачковский,— письма Мухаммеда и первых халифов. Арабский ученый Мухаммед Хамидуллах собрал и опубликовал в переводе на французский язык 269 писем и записок, относящихся к эпохе Мухаммеда и так называемых праведных халифов. Подлинность их вызывала много споров, но в 1963 году в Ливане был обнаружен древний пергамен с текстом письма Мухаммеда сасанидскому шаху Хосрову II Парвизу. Исследуя текст этого документа, советский арабист А. И. Колесников доказал его древность и подлинность. Было проанализировано еще несколько пергаменов, один из которых (письмо Мухаммеда правителю Александрии) признан подлинным многими европейскими исследователями. Это открытие подтвердило и подлинность писем, опубликованных Хамидуллахом.

Эти и ряд других источников [8] опровергают предположения о мифичности Мухаммеда, анонимности и множественности авторов Корана.

Итак, для науки на ее современном уровне Коран — результат творчества Мухаммеда, происходившего из мекканского племени курейш, из обедневшего рода хашимитов. Отец его Абдаллах был торговцем, умер в 570 году, незадолго до рождения сына. Мать Амина умерла, когда Мухаммеду было семь лет. Его воспитывал дед Абд аль-Муталлиб, а после его смерти — дядя по отцу Абу Талиб. Мухаммед сопровождал торговые караваны, в 24 года женился на богатой вдове купчихе Хадидже и сам стал торговцем. У него было шестеро детей, из которых одна Фатима прославилась в истории, так как оставила после себя потомство (была замужем за двоюродным братом Мухаммеда — Али — сыном Абу Талиба) [9]. Две дочери Мухаммеда (старшая — Рукайя, затем после ее смерти вторая — Умм Кульсум) были замужем за Османом ибн Аффаном (он стал третьим халифом и правил в 644—656 гг.), за что он получил прозвище «зу-н-нурейн» — «обладающий двумя звездами», но детей у них не было. Другие дети Мухаммеда умерли рано.

В 40 лет он начал проповедь о едином боге. Он

---

[5] Е. А. Беляев. Мусульманское сектантство. М., 1957, стр. 10—11. Его же: Арабы, ислам и арабский халифат в раннее средневековье. М., 1965, стр. 85—86.

[6] Идею мифичности Мухаммеда, в частности, отстаивал Л. И. Климович. См. его статью «Существовал ли Мухаммед?», «Воинствующий атеизм», 1931, № 2—3, стр. 191—218. Его же: Ислам. М., 1965, стр. 24, 37—38.

[7] Энциклопедия ислама. Лондон — Лейден, 1913, стр. 381—393 (на англ. яз.).

[8] Например, в относящемся к первым десятилетиям ислама сочинении Ибн Саада «Книга великих людей» (о деятелях первоначального ислама) приводятся, кроме биографии Мухаммеда, биографические сведения о 600 деятелях первоначального ислама — мухаджирах, ансарах и асхабах, среди которых и ближайшие родственники и сподвижники Мухаммеда — Хамза, Али, Абу Бекр, Омар, Осман, Тальха, Зубейр.

[9] От сыновей Фатимы и Али — Хасана и Хусейна идут многочисленные потомки пророка, известные под именем «сейиды» (в Средней Азии их называют «тура»). Детей Али от других браков традиция не относит к сейидам.

Медина. В этом городе пророк Мухаммед создал первую мусульманскую общину.

объявил, что получает откровение от Аллаха и что на нем лежит обязанность передавать это откровение людям. Он убеждает мекканцев, что не хотел, боялся взять на себя эту обязанность, но Аллах неоднократно обращался к нему (суры 73, 74), возложил эту миссию именно на него. Мухаммед произносил откровения, не записывая их, поскольку был неграмотен. Вскоре у него появилось среди мекканцев значительное количество последователей. Но были и ярые противники. Аристократы из рода Омейядов, правившие в начале VII века Меккой, увидели в нем своего соперника и начали его преследовать, называя лжецом и лжеучителем. В 622 году он вынужден был переехать со своими последователями в Медину. Позже день, когда произошло это событие, стал началом мусульманского летосчисления — хиджры (букв. — переселение). Сторонников Мухаммеда, переселившихся с ним из Мекки в Медину, стали называть мухаджирами (переселенцами); принявших новую религию мединцы назвали ансарами (помощниками); наиболее близких к Мухаммеду из обеих групп назвали асхабами (сподвижниками). Они постоянно были рядом с пророком и становились активными носителями и проповедниками новой религии.

Мухаммед создал первую мусульманскую общину и стал во главе ее, сосредоточив в своих руках всю власть — религиозную, административную, военную. Но никаких других титулов, кроме посланника, он не принял.

В Мекке он выступал как проповедник, часто гонимый, непризнанный. Проповеди его по форме напоминали сочинения доисламских жрецов и поэтов — он произносил рифмованную прозу.

В Медине он выступает как правитель, получивший большую власть, и уже не обращает внимания на литературную форму своих проповедей — теперь произносимые им «откровения» длинны, чаще всего они содержат законоположения, установления, предписания по всем вопросам жизни мусульманской общины, которые впоследствии легли в основу шариата.

При жизни Мухаммеда никто систематически не собирал тексты его проповедей, но были люди, которые заучивали их наизусть. Правда, кое-кто из грамотных, а их было очень немного, записывал отдельные отрывки на пальмовых листьях, пергамене, плоских костях. Часть текста была записана личным писцом Мухаммеда Зейдом ибн Сабитом. После смерти Мухаммеда (в 632 г.), при халифе Абу Бекре многие из тех, кто знал Коран наизусть, погибли в сражениях. Халиф понял, что надо срочно собрать тексты, пока они не исчезли. Он приказал создать группу людей: 25 человек из курейшитов (мухаджиров) и 50 — из ансаров. Записывать то, что они говорят, поручили Зейду ибн Сабиту, который собрал хранившиеся у разных людей пергамены, кости, глиняные таблички с текстами Корана, переписал их и составил сборник, получивший название Сухуф [10].

Сухуф до нас не дошел, но в ранних источниках сохранились о нем некоторые сведения. Историк Якуби сообщает, что в Сухуфе содержалось 109 сур. В книге приводятся названия всех сур, и поэтому путем сравнения с современной структурой Корана легко устанавливается, что в Сухуфе отсутствовали суры 1, 34, 41, 45 и 96; в современном Коране — 114 сур.

Сухуф не был канонизирован, хотя им в повседневной практике пользовались халифы. Не прошло и двух десятилетий, как у отдельных людей, пользовавшихся авторитетом знатоков Корана, появились различные версии этой книги, порой значительно отличающиеся друг от друга. Часто в распрях и конфликтах, вызываемых классовым расслоением арабского общества, аргументами сторон становились эти хранящиеся в памяти или в записях разные части Корана, и они отличались, порою существенно, от основного текста, которым пользовались халифы.

Третий халиф Осман прекрасно понимал политическую опасность таких разночтений для мусульманской общины и в 650 году повелел отобрать у частных лиц записи Корана, сличить с Сухуфом и подготовить окончательную редакцию священной книги. Все частные записи Корана, а также и Сухуф не были возвращены владельцам — их уничтожили по приказу халифа. Составленный новый список, получивший название Мусхаф [11], был объявлен каноном, с него были переписаны четыре (а по другим версиям — шесть или семь) копий, которые были отправлены в Дамаск, Басру, Куфу, Мекку,

[10] Сухуф — мн. число от арабского «сахифа» — «лист».
[11] Мусхаф (букв. свиток) — в традиции ислама термин, обозначающий древние рукописные списки Корана.

Мекка — главный центр ислама.

Со старинных литографий.

а оригинал остался в Медине как собственность халифа Османа. Трудно установить теперь точно, сколько было копий и как сложилась в дальнейшем их судьба. Но известно, что сейчас сохраняются четыре списка Корана, которые можно отнести к VII веку или, по крайней мере, считать копиями, снятыми с тех первоначальных четырех. Два из этих списков пока остаются недоступными для исследователей и поэтому редко упоминаются в литературе, но зато часто фигурируют в мистификациях и легендах.

Один легендарный список Корана хранится в Мекке внутри храма Каабы (мусульмане называют этот храм Байтуллах — дом Аллаха) рядом с ее «черным камнем». Этот древний список видели многие паломники, поскольку поклонение черному камню и этому Корану — обязательный ритуал хаджжа. За один день через Каабу должны пройти сотни тысяч паломников, надзиратели постоянно подгоняют людей, поэтому поток их очень быстротечен. Но все же большинству из них удается дотронуться пальцами до черного камня (а раньше, когда паломников было меньше, даже поцеловать его) и взглянуть на Коран.

В мусульманском мире бытует легенда, будто этот Коран висит в воздухе без всякой опоры. Так может показаться. Дело в том (об этом рассказывали те, кто посетил Каабу не в дни хаджжа, а в более спокойной обстановке), что этот Коран лежит на каменном постаменте, который трудно различается в полумраке, сам же Коран ярко освещен.

Еще один древний список Корана хранится в другом священном городе мусульман — Медине. До 1180 года он содержался в мечети рядом с гробницей Мухаммеда. Но потом правитель Малик ан-Насир построил во дворе мечети для хранения «Мусхафа Османа» и других реликвий специальное помещение с куполом, где он хранится и сейчас [12].

Специалисты не имеют доступа к этим древним спискам Корана, фотофаксимиле с них также никогда не были сняты. Поэтому о характере этих рукописей ничего определенно сказать нельзя, но, по свидетельству очевидцев, рукописи эти большого размера и написаны на коже.

Два других первоначальных списка хранятся в Ташкенте, в Музее истории народов Узбекистана, и в Египетской национальной библиотеке в Каире. Они именуются «куфическими» коранами, так как написаны разновидностью арабского письма, называемой куфической. В этих рукописях нет четко проставленных диакритических точек и знаков огласовки. Анализ текста и сравнение его с современным текстом Корана не обнаруживает каких-либо существенных различий, современный текст Корана в основном сохранил структуру и характер османовской редакции.

Вернемся к тому времени, когда редактировался и формировался Коран. Процесс редактирования и канонизации его текста происходил в условиях острой борьбы за власть в халифате между различными феодальными группировками. Борьба проявлялась в различных богословских и сектантских течениях. Есть основания считать, что некоторые изменения в текст Корана были внесены в угоду правившему в то время роду Омейядов. Споры о составе Корана продолжались значительное время, во всяком случае османовская редакция не сразу получила признание: ибн Мас'уд оспаривал подлинность сур 113 и 114, хариджиты оспаривали суру 12, некоторые секты включали в Коран дополнительные тексты, другие, напротив, не считали несколько сур подлинными. Особенно резко выступали против Османа шииты, обвиняя его в том, что он исказил Коран, выбросив из него те места, которые касались имама Али.

Хотя, в результате исчезновения всех других версий, шиитам не оставалось ничего другого, как пользоваться каноном Османа, тем не менее они сохранили свой подход к Корану: у них распространено аллегорическое толкование, поиски скрытого смысла текста, в отличие от ортодоксального суннитского. Нередко шииты составляли новые тексты и объявляли их незаконно устраненными при редакции Османа.

Так, в шиитских кругах имела хождение сура «Два светила», но она не была включена в Коран. Текст этой суры был найден французским академиком Гарсеном де Тасси в сочинении средневекового автора Мухсина Фани «Школа расколов» и опубликован в 1842 году во французском востоковедческом «Журналь Азиатик». Востоковед А. К. Казем-Бек в том же журнале через год опубликовал статью с анализом суры, где высказал предположение, что она была сочинена позже основного текста Корана, но автор ее очень умело подражает кораническому стилю. В суре есть указание на то, что она — «мекканская». В ней говорится, что Мухаммед и Али — два светила, стоящие одно за другим, и настойчиво утверждается, что только Али имел право на власть как самый достойный представитель дома пророка, что халифы, узурпировавшие у него власть,— враги ислама и их постигнет кара Аллаха [13].

Неканонические списки и подложные тексты Корана имели хождение вплоть до позднего средневековья. Мусульманское духовенство устраивало настоящую охоту на них, уничтожало эти списки, преследовало их распространителей. Различные секты в исламе и до сих пор по-разному трактуют многие места Корана, а то и весь Коран.

Шаткость текста Корана во времена первых халифов усугублялась особенностями первоначальной его записи. Уже говорилось, что куфические кораны не имеют различительных значков, они написаны без обозначения кратких гласных, многие согласные буквы в то время писались одинаково. К X веку был установлен огласованный, единообразно читаемый текст Корана, который известен сейчас.

Коротко коснемся построения священной книги мусульман. Говоря о частях Корана, мы употребляли слова **сура** и **аят**. «Сура» на языке средневековых арабов — это ряд камней при кладке. В тексте Корана это слово обозначает совокупность большего или меньшего числа аятов. В нашей литературе иногда суры называют главами, это не совсем верно. Понятие главы книги появилось позднее, оно имеет иную характеристику. Слово «аят» имеет религиозный смысл, оно означает — «знамение», «божественный знак», ниспосылаемый с неба. Нельзя

---

[12] Подробное описание мечети Мухаммеда дано в изданном в 1962 г. в Медине историческом очерке, затем переизданном в Каире.

[13] Арабский текст и русский перевод этой суры опубликован один раз. См.: Г. С. Саблуков. Сведения о Коране. Казань. 1907, стр. 365—368.

согласиться с теми, кто переводит его словом «стих». Коран — памятник арабской литературы VII века, и отождествление ряда его специфических понятий при переводе с современными не всегда правильно.

Разделение Корана на суры сохранилось таким, каким оно было в османовской редакции. Названия сур также относятся ко времени сбора и составления текста Корана, хотя, по мнению специалистов, видимо, были вначале более длинными. Разделение на аяты произошло, по всей вероятности, позднее, чем на суры. Уточнение разделения и нумерации аятов продолжалось до начала XX века[14], поэтому при строгой неизменности текста количество аятов колеблется между 6204 и 6236. Самая длинная сура — 2-я имеет 286 аятов, а самые короткие (суры 103, 108, 110) — всего по три аята.

В расположении сур в Коране нет ни хронологического порядка, ни логической последовательности. Они расположены, по древним арабским традициям, в убывающей последовательности: сначала идут длинные суры, потом короткие. Такое построение весьма затрудняет изучение и понимание этого памятника. Поэтому состав Корана и установление хронологического порядка сур всегда привлекали внимание ученых, поскольку Коран — это единственный письменный памятник первоначальной эпохи ислама и его не может обойти ни один исследователь Востока. Этими проблемами занимались известные западные, дореволюционные русские и советские востоковеды. В результате многолетних трудов удалось в самых общих чертах установить хронологический порядок сур, хотя здесь еще имеется много неясностей. В исламоведении к настоящему времени наиболее признанными остаются концепции об общей хронологии, установленной арабистом Теодором Нельдеке (1836—1930 гг.), и хронологии сур мединского периода, предложенной арабистом Губертом Гримме (1864—1942 гг.).

Решение вопроса о хронологической последовательности сур имеет серьезное значение для правильной характеристики Корана в целом, а также для выяснения особенностей эволюции идеологии ислама в самый ранний его период. Каждая сура отражала состояние мусульманской общины, соотношение сил, показывала рождение религиозной догмы или законоположения и т. д. А обстоятельства, порождавшие «знамения», были самые разные, сложные, противоречивые, поэтому нередко аяты даже одной суры противоположны друг другу. Видимо, когда-то кто-то указал на эту противоречивость откровений Мухаммеду. В результате возникло такое положение Корана: «Когда мы (Аллах. — **М. У.**) отменяем аят или заставляем его забыть, мы приводим лучший, чем он, или похожий на него» (2, 100, перевод автора статьи).

К сожалению, в последнее время, после смерти академика И. Ю. Крачковского, у нас не ведется серьезных исследований текста Корана. А это сегодня имеет актуальное значение как для изучения истории ислама и его источников, так и для решения современных проблем, связанных с этой религией.

г. Ташкент

[14] Последний критический текст выполнен египетским богословом Мухаммедом Али в 20-х годах нашего века.

НОВЫЙ ЕЖЕГОДНИК

● В будущем году в издательстве «Наука» начнет выходить новый ежегодник «Религии мира (История и современность)». Предлагаем вниманию читателя интервью с его главным редактором членом-корреспондентом АН СССР И. Р. ГРИГУЛЕВИЧЕМ.

— СКАЖИТЕ, ИОСИФ РОМУАЛЬДОВИЧ, ЧЕМ ВЫЗВАНА НЕОБХОДИМОСТЬ ТАКОГО ИЗДАНИЯ?

— Потребность в нем давно уже ощущалась в Советском Союзе, да и за рубежами нашей Родины. Дело в том, что в последние годы у нас уделяется недостаточное внимание исследованиям религиозных культов, особенно это относится к периодам древней истории, средним векам и новому времени, и восточным и африканским верованиям. Слабо развивалось также сравнительное и комплексное изучение религий, заметно сократилась публикация источников по религии и атеизму. Наиболее заметны эти недостатки в системе Академии наук, где раньше выходили такие периодические сборники, как «Вопросы истории религии и атеизма» и «Ежегодник Музея истории религии и атеизма» (Л-д), отсутствие которых не могло не сказаться на общем уровне научного религиоведения. Было практически свернуто изучение религий и в гуманитарных институтах Академии наук. Естественно, исследования в этой области не прекратились, о чем свидетельствует возросшее число монографий на такие темы. К сожалению, однако, эта работа не координируется и не планируется, не расширяется. Между тем общеизвестно, что религия в современном мире продолжает влиять на умонастроения людей, приспосабливается к новым условиям, зачастую меняет политическую окраску. Все это требует углубленного, комплексного изучения не только настоящего, но и прошлого религиозных культов, совершенствования методологии исследований. Мы надеемся, что наш ежегодник будет способствовать выполнению этих задач.

— КТО БУДЕТ ИЗДАВАТЬ ЕЖЕГОДНИК?

— Решением Редакционно-издательского совета АН СССР утверждена редколлегия «Религий мира» в составе таких видных ученых, как академик Б. М. Кедров, доктор философских наук И. А. Крывелев, доктор исторических наук Л. Р. Полонская, кандидат исторических наук А. А. Кислова, доктор филологических наук профессор В. М. Солнцев, кандидат философских наук А. В. Белов и другие. Ежегодник будет издаваться Институтом востоковедения АН СССР, где сейчас работает большая группа специалистов по исламу, буддизму и другим восточным культам. Это обстоятельство позволит редколлегии уделять должное внимание Востоку и избежать таким образом европоцентризма, характерного для большинства религиоведческих работ.

— КАКОВЫ ОБЪЕМ И СОДЕРЖАНИЕ ПЕРВОГО ВЫПУСКА ЕЖЕГОДНИКА?

— 20 печатных листов. В ежегоднике несколько крупных разделов: теория и методология религиоведения, история религиозных культов, религия в современном мире, историография, публикация источников и документов, критика и библиография. По всем этим разделам в первом выпуске, на мой взгляд, собраны исследования, представляющие интерес не только для наших, но и для зарубежных читателей. Так, в разделе теории будет опубликована статья доктора философских наук М. П. Мчедлова о месте и роли религии в современном обществе, статьи о взглядах К. Маркса и Ф. Энгельса на мифологию, о семиотических аспектах религии, критический обзор концепций К. Ясперса.

В историческом разделе читатель найдет исследования по первобытным культам, синкретизму в античной религии, исламу, буддизму, синтоизму в средние века, об английских квакерах и о религиозных коммунах в США в первой половине XIX века.

В разделе «Религия в современном мире», например, профессор Н. А. Ковальский рассматривает отношение конфессиональных организаций к борьбе за мир и разоружение. Н. М. Комолова пишет о судьбе Альдо Моро, Л. Р. Полонская — о структуре ислама, И. И. Коваленко — о современных японских культах, Ю. М. Кобищанов — о религиозно-политических культах в Африке, С. И. Семенов — об отношении церкви и революции в Сальвадоре.

В разделе публикаций печатаются неизданные письма обер-прокурора святейшего синода К. П. Победоносцева Николаю II с комментариями М. Курова.

Не менее содержательны и другие разделы, в частности «Историография и обзоры», «Критика и библиография».

В следующих выпусках ежегодника редколлегия намерена знакомить читателей с работами наших коллег из социалистических стран, известных деятелей международного рабочего и национально - освободительного движения, а также с исследованиями прогрессивных зарубежных религиоведов.

— КОГДА ВЫЙДЕТ ПЕРВЫЙ ВЫПУСК ЕЖЕГОДНИКА И КАК ЕГО МОЖНО ПРИОБРЕСТИ?

— Мы надеемся, что он появится уже в первой половине 1981 года. Приобрести ежегодник можно путем предварительного заказа в специализированных магазинах издательства «Наука» и в других книжных магазинах. Наша редколлегия с нетерпением ждет первой встречи с читателями, и мы будем рады получить от них не только критические замечания, но и предложения, советы.

— И ПОСЛЕДНИЙ ВОПРОС. КАК ОБРАТИТЬСЯ В РЕДКОЛЛЕГИЮ ЕЖЕГОДНИКА?

— Все письма и рукописи нам можно направлять по адресу: 117036, Москва, улица Дмитрия Ульянова, 19, Институт этнографии АН СССР, ежегодник «Религии мира».

ИУДАИЗМ В СССР

И. ШАПИРО

Что представляет собой иудейская религия в СССР в настоящее время? Много ли у нее последователей? Какими возможностями они располагают для удовлетворения своих религиозных потребностей? Пользуются ли в среде верующих евреев популярностью сионистские идеи? И, наконец, не подвергаются ли верующие евреи каким-либо преследованиям за религиозные убеждения? Вот тот круг вопросов, которые задают нам читатели в своих письмах. Отвечает на них работник Совета по делам религий при Совете Министров СССР Иосиф Моисеевич Шапиро.

В ОБИХОДЕ иудаизм нередко называют «еврейской религией». Это не совсем так: среди верующих евреев в нашей стране есть некоторое число последователей других конфессий (баптисты, адвентисты, свидетели Иеговы и т. д.), а иудаизм исповедуют и представители других этнических групп, например караимы.

В настоящее время последователей иудаизма в Советском Союзе сравнительно немного. Об этом религиозном направлении широкие круги советских людей, в том числе и большинство неверующих евреев, знают меньше, чем, скажем, о православии или католицизме. Однако нездоровый интерес к этой конфессии постоянно подогревается из-за рубежа. При этом там положением верующих евреев, как и вообще положением верующих в СССР, сплошь и рядом интересуются те, кто совершенно равнодушны к проблемам религии в собственной стране, а эту надуманную «проблему» муссируют лишь для того, чтобы бросить тень на советскую демократию, посетовать о якобы попираемых правах верующих людей и гонениях на веру.

В царской России проживало около 6,5 миллиона евреев. Официальная статистика всех их считала последователями иудаизма. Отношение к ним было двоякое. С одной стороны, для верующих евреев существовал целый ряд ограничений: жить они могли только в определенных районах, был установлен специальный перечень должностей, занимать которые им запрещалось, к минимуму сводился процент иудаистов, принимаемых в высшие учебные заведения, и т. д. По сути, это было религиозное притеснение, характерное для всей политики царского правительства, которое объявило православие «господствующей» религией, а все остальные вероисповедания разделило на «терпимые» и «гонимые». Стоило иудаисту окреститься — перейти в православие, как он вместе с новой верой получал и права наравне с прочими православными. В то же время царское правительство не могло не поддерживать престиж иудаистского духовенства, которое помогало держать в страхе и подчинении царизму эти 6,5 миллиона человек. Раввины, например, приравнивались к купцам первой гильдии.

Перед революцией в СССР действовало 6 тысяч синагог. И тем не менее религиозность евреев не была всеобщей. Великий русский писатель Антон Павлович Чехов вложил в уста героя своего рассказа «Перекати-поле» такие слова: «Иудаизм отжил свой век... Когда цивилизация коснется евреев, то из иудаизма не останется и следа. Вы заметьте, все молодые евреи уже атеисты».

Октябрьская революция первыми своими декретами уравняла евреев, как и все ранее угнетенные нации Российской империи, в правах и обязанностях со всеми гражданами России. Антисемитизм был объявлен государственным преступлением, началась большая воспитательная работа по преодолению его рецидивов. Советская власть помогла евреям получить образование, производственную квалификацию, работу. Как и другие ранее угнетенные народы царской России, евреи получили временные льготы. В 20-е годы, например, биржа труда бронировала для них рабочие места, и при поступлении на учебу они тоже пользовались определенными преимуществами. По мере вовлечения еврейских народных масс в социалистическое строительство происходил и их отход от религии.

Как известно, в Советском Союзе нет учета граждан по вероисповедному признаку, об этом не упоминается ни в каких официальных документах. Так что об уровне религиозности еврейского населения сегодня можно судить лишь по посещаемости синагог и по данным конкретных социологических исследований. В ходе одного из них, проведенного несколько лет назад в белорусском городе Бобруйске, верующими назвали себя лишь 2 процента опрошенных. Этот показатель примерно совпадает с цифрой посещаемости синагог в дни самых больших иудейских праздников (новый год, судный день, пасха). В Новосибирске, где проживают 11 тысяч евреев, за последние несколько лет в эти праздники синагогу посещают 100—200 человек, то есть 1—2 процента. В Куйбышеве посещаемость — 1—3 процента, в Ленинграде — около полутора процентов. Причем не все посетители — верующие. Многие из тех, кто приходит туда в большие праздники (в другие дни они в синагогу вовсе не ходят), делают это или в память об умерших родителях, или чтобы повидаться со знакомыми.

Однако имеются три небольшие этнические группы евреев, среди которых религиозность значительно выше. Это грузинские, бухарские (среднеазиатские) и горские евреи. Вместе их около 100 тысяч человек. Верующие из числа этих этнических групп (сефарды), в отличие от европейских евреев (ашкинази), ревностнее придерживаются религиозных обычаев и обрядов. Так, в синагоге Тбилиси, где проживают столько же евреев, сколько и в Куйбышеве, в праздничные дни присутствует в 8 — 10 раз больше верующих.

В общем, конкретные социологические исследования, проводившиеся в отдельных городах и областях, позволяют сделать вывод, что у нас в стране сейчас примерно 60 тысяч приверженцев иудаизма. В основном это пожилые люди — 70—75 лет и старше. Главный раввин Великобритании Иммануил Якубович, побывавший в декабре 1975 года в ряде синагог Советского Союза, констатировал это как несомненный факт. Среди верующих из числа грузинских, бухарских и горских евреев наряду со стариками, которых также большинство, можно увидеть и людей среднего возраста и даже молодежь. Кстати, женщины посещают синагогу лишь в самые большие иудейские праздники, прежде всего в те дни, когда читается поминальная молитва — искор.

Среди верующих ашкинази почти не встречаются фанатики. Как правило, тут редко возражают против смешанных браков; подавляющее большинство верующих не зажигают субботних свечей, не соблюдают многих религиозных предписаний (о субботнем покое, об обрезании, о кошерности пищи и т. д.). Верующие сефарды значительно ортодоксальнее. Сейчас в нашей стране насчитывается около 160 иудейских религиозных обществ. Примерно 70 из них — так называемые миньяны европейских евреев, состоящие из 10—20, редко 30 верующих, собирающихся время от времени, иногда только по

большим праздникам. Как регулярно действующая зарегистрирована 91 синагога. Это число за многие годы практически не изменялось.

Зарубежные «защитники» иудаизма любят поговорить о том, что в Советском Союзе мало синагог, что их закрывают насильственно. Это откровенная ложь: имеющихся синагог вполне достаточно для удовлетворения религиозных потребностей верующих. Например, в Ленинграде, где проживают 160 тысяч евреев и действует одна синагога, в пятницу вечером молятся всего 20—30 стариков. Там, где верующих больше, действует, соответственно, и больше синагог. Так, в Грузии их 22.

Часто за рубежом говорят и о том, что в нашей стране почти не осталось раввинов, и это будто бы потому, что иудейская церковь лишена возможности готовить своих священнослужителей. На самом же деле причина здесь иная: непопулярность среди еврейского населения духовной карьеры. С 1956 года при Московской хоральной синагоге действует иешибот — духовная школа, где обучают будущих раввинов, канторов, чтецов Торы, и все эти годы она испытывает хронические трудности с набором. Характерный штрих: ныне покойный раввин И. Л. Левин безуспешно убеждал выбрать духовную карьеру собственного внука и вынужден был отступиться, когда тот заявил: «Неужели ты хочешь, чтобы я стал раввином, который не верит в бога?» В последние годы в иешиботе обучаются 8—12 человек. Кроме того, 3—4 советских еврея имеют возможность учиться в духовной иудейской школе в Будапеште.

Буржуазная пропаганда пытается всеми правдами и неправдами противопоставить верующих евреев нашей страны советскому обществу, представить их какой-то изолированной группой. Для этого нет никаких оснований. В своем абсолютном большинстве верующие евреи — люди, проработавшие десятки лет на социалистических предприятиях, в государственных учреждениях и сейчас находящиеся на пенсии. Как и всем другим советским людям, наша Конституция гарантирует им обеспеченную старость. И хотя молитвы у них остались древние, сами верующие резко изменились за годы Советской власти. Изменилось их отношение к миру, к семье. Изменился их быт. И сами они, и их дети и внуки получают образование в советских школах и вузах, активно участвуют в коммунистическом строительстве. Они прекрасно понимают, что дала Советская власть трудящимся нашей страны вообще и трудящимся бывших угнетенных национальностей в особенности.

И когда в январе 1971 года по всей нашей стране прокатилась волна митингов против хулиганских действий пресловутой «лиги защиты евреев», среди протестовавших были и иудейские религиозные общества. Вот что, например, писали верующие житомирской религиозной общины:

«У этих горе-защитников народа нет ни чести, ни совести. Для нас, евреев, что носят гордое имя граждан Советского Союза, нет ничего более дорогого, чем мир на земле. Сионисты же и эта лига во главе с Меиром Кахане поддерживают израильскую военщину, что лишила многих арабов крыши над головой. Сионисты и те, кого они поддерживают,— враги мира, и поэтому они никогда не могут рассчитывать на наше сочувствие. В таких защитниках мы не нуждаемся».

«Странно слышать,— писали в резолюции протеста представители Куйбышевской иудейской общины, — что вся эта постыдная провокационная возня ведется под флагом защиты якобы бесправного положения граждан еврейской национальности. Большинство из нас уже преклонного возраста, мы верующие, у нас имеется синагога, в которой мы свободно молимся и отправляем свои религиозные потребности. Мы молимся за процветание нашей Советской отчизны, за дружбу между народами, за мир во всем мире».

В гневных протестах верующих религиозных общин Москвы, Ленинграда, Киева, Одессы, Новосибирска, Брянска, Самарканда и других городов звучал голос советских людей, патриотов своей социалистической Родины, а не внутренних эмигрантов, какими кое-кто за рубежом пытается представить верующих евреев.

На конференции представителей иудейских религиозных обществ и духовенства в марте 1971 года ныне покойный главный раввин Московской хоральной синагоги Иегуда Лейб Левин говорил:

«Что такое сионизм? Что проповедовали и проповедуют сионисты? Они убеждают евреев, что антисемитизм будет существовать вечно и что он неистребим, он живет якобы в крови всех народов, кроме евреев. Избавиться от антисемитизма евреи могут, говорят сионисты, только одним способом — уехать из тех стран, которые сотни, а иногда и тысячи лет были их родиной, и поселиться в Израиле.

Некоторые наивные люди не могут понять, почему сионисты с такой ненавистью, с такой злобой ополчились на Советский Союз? Почему они поносят страну, спасшую евреев всего мира от полного истребления их фашистскими извергами? Ведь именно Республика Советов стала первым в истории государством, объявившим антисемитизм вне закона. Ведь именно в Советском Союзе евреи впервые в мире получили не формальное, а фактическое равенство со всеми другими народами.

Да, сионисты, если бы они действительно были защитниками интересов евреев, должны были бы низко поклониться Советской власти и нашему государству. А они его ненавидят. Где же логика?

А логика, оказывается, есть. Сионисты должны либо признать, что антисемитизм вовсе не вечен, а зависит от общественного строя, и тем самым подписать смертный приговор всей сионистской теории, либо во что бы то ни стало найти антисемитизм и в социалистических странах. Для сионистов вопрос стоит так: либо они должны «найти» антисемитизм в нашей стране, либо признать несостоятельность проповедуемых ими взглядов. Вот, оказывается, как просто открывается этот хитрый ларчик! И вот откуда этот поток клеветы о «притеснениях» евреев в Советском Союзе...»

Как видим, в отрывках из обращений верующих иудейских общин и выступлений раввина достаточно ясно дан ответ на вопросы об отношении верующих евреев нашей страны к сионизму и об их возможностях совершенно беспрепятственно удовлетворять свои религиозные потребности.

● Нас спрашивают

УСТРАНЕНЫ ЛИ ПРОТИВОРЕЧИЯ В ЕВАНГЕЛИЯХ!

ТАКОЙ ВОПРОС ЗАДАЕТ ЧИТАТЕЛЬ ЖУРНАЛА К. С. ВОРОНОВ ИЗ ПОСЕЛКА НИСПОРЕНЫ МОЛДАВСКОЙ ССР.

Противоречивость евангельских текстов, как и других книг Библии, вызывала бесконечные споры в понимании и истолковании их. Было множество попыток деятелей церкви привести все четыре евангелия (объявленных богодухновенными, каноническими) к определенному единообразию, но и по сей день они не увенчались успехом. Современные, в частности православные, богословы (см. «Журнал Московской патриархии» за 1954 г., № 3, стр. 38, 39, 50) сами отмечают «разности в чтениях» и «накопление неисправностей». Они пишут, что «очень рано выявилась настоятельная потребность очистить греческий текст новозаветных писаний от вариантов и возвести его, по возможности, к ...единству», что еще блаженный Августин (IV—V вв.) жаловался «на разнообразие и разногласие существовавших в его время переводов», на сомнительные места.

Церковь вынуждена официально признать, что разобраться в евангельской путанице весьма затруднительно и что необходимы какие-то переделки и поправки в новозаветных книгах, дабы не пошатнулась в них вера современного человека. В то же время «Журнал Московской патриархии» сообщает о том, что «если и были попытки ...отдельных благочестивых мужей привести новозаветный текст к единству и однообразию, то они не имели успеха, и по мере распространения христианства разночтения в списках новозаветных книг продолжали умножаться».

Попытки дать новый перевод новозаветного текста не получили одобрения русской православной церкви.

Завещанное временем
синайский кодекс

Л. ДОЙЕЛЬ

ТИШЕНДОРФ вернулся в Лейпциг в январе 1845 года. Он прибыл, нагруженный греческими, сирийскими, коптскими, арабскими и грузинскими документами, которые передал в библиотеку Лейпцигского университета в знак признательности правительству за помощь в его исследованиях. Материал был каталогизирован как «Manuscripta Tischendorfiana». Среди них было три греческих палимпсеста. Уникальные синайские фрагменты поместили отдельно под тем названием, которое их открыватель дал им в честь саксонского курфюрста,— «Кодекс Фридриха-Августа». Тишендорф немедленно приступил к подготовке литографического факсимильного издания кодекса, к которому прилагался также комментарий.

По возвращении после более чем четырехлетнего отсутствия 30-летний ученый, чья репутация палеографа и текстолога-библеиста окончательно упрочилась, был приглашен на должность адъюнкт-профессора Лейпцигского университета. Теперь Тишендорф мог жениться, обзавестись семьей. Он приступил к регулярному чтению лекций в университете и к изданию открытых им текстов. Новое издание греческого Нового завета вобрало в себя многое из этих свежих материалов и знаменовало собой новую веху в критике Библии. Поглощенный своей работой и семейными делами, Тишендорф, казалось, покончил со своими странствиями. Но в периоды больших университетских каникул он неизменно оказывался в непосредственной близости от старинных библиотек, в частности в Цюрихе и Санкт-Галлене, в Швейцарии, в местах, равно привлекавших и палеографическими ценностями, и красотами природы. Но где бы он ни был, ему не давала покоя мысль о листах, оставленных им в Синае.

Тишендорф покинул Европу в середине января 1853 года и прибыл в монастырь святой Екатерины в начале февраля. Его приняли по-дружески. Настоятель, казалось, был рад встрече. Но все расспросы о греческих пергаменах были безрезультатны. Он категорически заявлял, что понятия не имеет о том, что случилось с фрагментами, которые Тишендорф извлек из мусорной корзины и столь настойчиво вверял его попечению. Однако кое-что случайно прояснилось, когда он просматривал в библиотеке один сборник житий святых. Он обнаружил обрывок листа «не более чем в пол-ладони», использовавшийся в качестве закладки. Листок содержал несколько стихов (11 строк) из 23-й главы книги Бытия. Поскольку это была начальная часть Библии — первая книга Моисеева, тем самым подтверждалось, что этот экземпляр греческого Ветхого завета первоначально был полным. Но, как вынужден был с грустью заметить Тишендорф, «большая часть уже давно была уничтожена».

Вернувшись в Лейпциг, он был готов в любой момент услышать о появлении большей части спасенной им «Септуагинты» в какой-нибудь европейской библиотеке или частной коллекции. Но годы шли, а ничего подобного не происходило. Тишендорф надеялся, что сможет вынудить предполагаемого владельца 86 листов нарушить молчание, когда в 1854 году он опубликовал отрывки из Исайи и Иеремии, скопированные им в монастыре со страниц, которые монахи отказались отдать ему. Шло время. Очевидно, его предположение было безосновательным: никто не спешил похвастать обладанием 86 страницами.

В последующие годы Тишендорф был занят обширными исследованиями в связи с седьмым критическим изданием Нового завета. Но Восток уже жил в его крови, и «мысль о новых путешествиях и исследованиях», признавался он, никогда не оставляла его; он «отказывался рассматривать свои первые две поездки как подводящие итог».

Но на этот раз Тишендорф хотел предстать перед хитрыми монахами Синая, обладая прочными позициями. Как Лэйярд и Мариэтт, проводившие как раз в это время буквально революционные археологические раскопки в Месопотамии и Египте, он понял, как много значит, учитывая закоснелость турецких чиновников и невежество местного населения, политическая поддержка, дающая иностранным ученым силу и авторитет для успешного проведения их экскурсов в прошлое. Саксонский король пользовался сравнительно малым авторитетом во владениях хедива, но покровительство прусского правительства могло быть очень полезным. В достигшем уже преклонного возраста Александре фон Гумбольдте, обладавшем значительным влиянием при берлинском дворе, он нашел друга и единомышленника. Однако прусский министр просвещения проявил меньший энтузиазм. Тишендорф решил заручиться поддержкой русского царя, который имел большое влияние в Леванте *. К его значительному политическому авторитету присовокуплялся еще и ореол благодетеля, так как он был главою русской и защитником интересов греческой церкви. Разве не царь был преемником бывших византийских императоров и властелином Третьего Рима — Москвы? Кроме того, синайская монашеская община в течение нескольких столетий пользовалась субсидиями царя. Тишендорф знал, как наилучшим образом использовать эти обстоятельства.

Осенью 1856 года он вручил русскому послу в Дрездене меморандум для императорского министра народного просвещения Авраама Норова. А. С. Норов был человеком «удивительной эрудиции», он сам совершил несколько путешествий на Восток. Он настолько был захвачен проектом Тишендорфа, что приехал в Лейпциг, чтобы обсудить

* Левант (букв. Восток) — страны, расположенные у восточного побережья Средиземного моря (прим. ред.).

Окончание. Начало см. в № 8.

с ним все планы, и даже выразил желание присоединиться к нему на одном из участков маршрута. Достоинства предложения Тишендорфа произвели впечатление и на императорскую Академию в Санкт-Петербурге, которую попросили высказать по этому поводу свое мнение. Однако консервативное русское духовенство не было склонно возлагать на немца-протестанта представительство перед их единоверцами в Леванте. К тому же А. С. Норов оставил свой пост. Однако бывший министр сохранил доступ к царской семье и склонил на свою сторону брата царя — Константина.

По завершении седьмого издания греческого Нового завета, на что ушло три года непрерывной работы, Тишендорф вновь пустился в плавание к берегам Египта. На этот раз он не задерживался в Нильской долине, а прямиком проследовал в монастырь на горе Синай. Прием, оказанный ему в монастыре, был совершенно не похож на предыдущие. Теперь он прибыл от имени его величества императора России, и с ним обращались с должным почтением и уважением. В его честь был поднят русский флаг.

Тишендорф еще раз просмотрел все монастырские собрания рукописей. Через три дня он убедился, что ранее ничто в них не ускользнуло от его внимания. Оставалось разве что скопировать несколько отрывков. Он решил не спрашивать прямо о судьбе рукописи Библии, слишком хорошо зная, каков будет ответ. Раз ему не удалось обнаружить каких-либо ее следов, он еще больше укрепился в мысли, что она была увезена из монастыря святой Екатерины. На четвертый день своего пребывания там он решил в конце недели вернуться в Каир.

В этот день Тишендорф, сопровождаемый монастырским экономом, молодым добродушным афинянином, предпринял восхождение на близлежащий холм и спустился в расположенную за ним долину. На обратном пути зашел разговор о тишендорфских изданиях греческого текста Ветхого и Нового заветов, копии которых он подарил монастырю. По возвращении, когда день клонился к закату, эконом пригласил Тишендорфа к себе в келью, чтобы немного подкрепиться. Едва они вошли и начали потягивать финиковый ликер, изготавливаемый в монастыре, эконом вернулся к их прежнему разговору. «А я тоже читал «Септуагинту» — греческую Библию, переведенную Семьюдесятью». Сказав это, он пересек комнату, взял с полки громоздкий предмет, завернутый в красную ткань,— и перед Тишендорфом предстали те же самые унциальные буквы IV века, те же листы с четырьмя колонками, как и в «Кодексе Фридриха-Августа».

Помимо 86 страниц Ветхого завета, которые он видел ранее, здесь было еще 112 листов, а также величайшее сокровище, главная цель всех его устремлений — по всей видимости, полный Новый завет. Столь полного текста не давали ни Александрийский, ни Ватиканский кодексы. Он пересчитал страницы: их было 346. Он просмотрел текст, чтобы убедиться, все ли евангелия, все ли послания были на месте. То, что он сейчас исследовал, было уникальным текстом Нового завета, сохранившимся во всей полноте с эпохи, столь близкой действительному времени его создания. Мог ли он поверить своим глазам, когда в конце текста Нового завета заметил «послание Варнавы»? Это было сочинение апостольского ученика, которое впоследствии, при составлении канона, было после долгих колебаний исключено из текста Нового завета. Большая часть его считалась утерянной, и до нас дошли только отдельные фрагменты в скверных латинских переводах.

Тишендорф с трудом сдерживал свою радость. Но на этот раз он решил действовать осторожно, чтобы не возбудить подозрения монахов и снова не упустить свою добычу. Между тем в келье эконома собрались другие монахи. Они могли засвидетельствовать полное бесстрастие, с которым немецкий профессор просматривал объемистый манускрипт. Не зная досконально содержания этих листов пергамена, они просто не способны были, решил Тишендорф, оценить по достоинству их значение. Он небрежно спросил, можно ли ему взять листы в свою комнату для более детального изучения, и разрешение было дано с легкостью. В более позднем изложении этой истории он попытался отразить чувства, охватившие его, когда он наконец остался один: «Здесь, наедине с самим собой, я мог дать волю своему восторгу. Я знал, что держу в своих руках самое драгоценное из существующих библейских сокровищ — документ, чей возраст и значение превосходили возраст и значение всех рукописей, с которыми мне доводилось знакомиться за двадцать с лишним лет изучения своего предмета...»

Он начал составлять полную опись содержания этих 346 страниц. Помимо 22 книг Ветхого завета, в большинстве своем полных, преимущественно пророческих и поэтических по содержанию, здесь были также и части библейских апокрифов. Новый завет был вообще без пробелов. Когда он перелистал его и прочел «послание Варнавы», в его мозгу мелькнула мысль: а не может ли здесь оказаться еще один бесследно исчезнувший текст, так называемый «Пастырь» Гермы? Он почти устыдился ненасытности своих надежд перед лицом уже столь щедро дарованной благодати. Затем взгляд его упал на лежащий перед ним довольно выцветший лист. Заголовок гласил: «Пастырь».

Было восемь часов вечера. О том, чтобы лечь спать, не могло быть и речи. Хотя лампа давала только тусклый свет и было довольно прохладно, Тишендорф засел за переписку «послания Варнавы» и спасенной части «Пастыря» Гермы.

Рано утром следующего дня он послал за экономом. Дав понять, что располагает изрядным количеством золота, он предложил уступить ему рукопись в обмен на щедрое денежное пожертвование, причем двойное: как монастырю, так и лично эконому. Последний, как вынужден был признать Тишендорф, «поступил благоразумно, отвергнув его предложение». Тогда Тишендорф объяснил, что он просто хотел скопировать рукопись. Против этого эконом не возражал. Но как это сделать? Манускрипт содержал около 120 тысяч строк, написанных трудным для чтения александрийским письмом. Работа заняла бы по крайней мере год. Тишендорф не был готов к тому, чтобы задержаться в монастыре святой Екатерины на такой долгий срок. Может быть, монахи позволят взять кодекс в Каир, где ему окажут помощь? Братия соглашалась на это практически единодушно, если не считать старца Виталия, хранителя церковной утвари, ведавшего библиотекой, совмещенной со складом, откуда рукопись, по всей вероятности, и была первоначально извлечена. Была и еще одна трудность: настоятель Дионисий, которому принадлежало последнее слово, за несколько дней до этого уехал в Каир, чтобы вместе с настоятелями других синайских монастырей избрать нового архиепископа.

Тишендорф решил последовать за настоятелем в Каир. Там он поспешил в Синайский монастырь, где собрался синод настоятелей, и к вечеру разрешение на доставку манускрипта в Каир было получено. За рукописью в Синай был отправлен бедуинский шейх. Через десять дней манускрипт с «дромадерским экспрессом», скорости которому значительно прибавили щедрые посулы Тишендорфа, прибыл в Каир. Договорились, что Тишендорф будет брать для копирования каждый раз по одному «кватерниону», то есть по восемь страниц. Ему предстояла необъятная работа, которую, кстати, дальнейшее развитие событий лишило всякого смысла.

Два месяца проработал Тишендорф в своей комнатке в «Отель де пирамид», не дающей никакого спасения от нескончаемого шума и гама каирской улицы.

Чтобы ускорить дело, он нанял двух живших здесь немцев, получивших некоторое классическое образование, — врача и аптекаря. Под его наблюдением они приступили к работе. Но с каждым шагом трудность стоящей перед ним задачи становилась все очевиднее. Помимо того, что многие места в рукописи совершенно выцвели, в ней была еще тьма поправок — около 14 тысяч, — внесенных целым рядом «редакторов» уже после того, как текст был полностью записан. Некоторые страницы содержали более сотни таких исправлений. К тому же сам текст был написан несколькими почерками. Над рукописью поработали по меньшей мере шесть «редакторов», и большинство из них, по-видимому, сделали это не менее тысячи лет назад.

Когда была скопирована почти половина тома, Тишендорф, к своему ужасу, узнал, что из-за неосторожной фразы, сказанной им представителю германского консульства, тайна стала известной только что прибывшему английскому ученому. Более того, англичанин получил доступ в монастырь, где хранился кодекс, и, не тратя времени даром, стал предлагать монахам деньги. Тишендорф, прибывший в монастырь вскоре после англичанина, на какое-то время совершенно потерял самообладание. Однако настоятель успокоил его, сказав: «Мы скорее преподнесем рукопись императору Александру в качестве подарка, чем продадим ее за английское золото».

Столь благородная идея, разумеется, тотчас нашла отклик в душе хитрого Тишендорфа, который, как он сам сознавался, «был в восторге от такого проявления веры и рассчитывал воспользоваться им в будущем». С особой настойчивостью принимается он теперь убеждать синайских монахов в величии этого шага, отразившего бы их преклонение перед царем как заступником православной веры. Раздражение, которое он испытывал из-за появления соперника-англичанина и из-за разглашения его тайны, побудило его публично объявить о своих новых открытиях. Как победоносный генерал, он составил коммюнике о своем триумфе, отослал его министру народного просвещения Саксонии, а в середине апреля 1859 года опубликовал в научном приложении к «Лейпцигер цайтунг».

Мысль о том, что манускрипт следует преподнести царю, очевидно, показалась синайской братии весьма соблазнительной. Но тут возникли неожиданные осложнения. На преподнесение столь ценного подарка, как библейский кодекс, требовалось разрешение каирского архиепископа, однако митрополит православной греческой церкви в Иерусалиме был настроен против вновь избранного архиепископа и отказывался посвящать его в сан. Вдобавок к этому избрание должно было утвердить турецкое правительство и египетский вице-король. Обе инстанции затягивали решение дела. Следовательно, назначение архиепископа пока не могло рассматриваться как вполне законное, в связи с чем он отказывался взять на себя ответственность за решение судьбы кодекса. Однако он намекнул, что в случае, если его высокие полномочия будут подтверждены, он не будет возражать против передачи кодекса царю.

Тишендорф сумел ловко вмешаться в конфликт по поводу избрания нового архиепископа. Он выступал уже не как простой проситель. На этот раз он дал понять монахам, что, будучи посланником царя, постарается употребить все свое влияние на его православное величество, чтобы склонить дело в их пользу. Монахи были весьма обеспокоены затянувшимся епископальным междуцарствием, которое внесло в их общину апатию и беспорядок. Когда Тишендорф услышал о прибытии в Иерусалим великого князя Константина, он прервал работу и нанял судно, которое доставило его и еще троих человек в Яффу. С этого момента он стал постоянным компаньоном брата царя во все время пребывания в святой земле. Позже он отправился в Смирну и на Патмос и по дороге туда приобрел несколько ценных рукописей, которые отправил в качестве подарка царю Александру.

Вернувшись в Каир, Тишендорф узнал, что избрание нового архиепископа так и не было подтверждено из-за упрямого нежелания иерусалимского митрополита. В конце концов все еще не вступивший в должность архиепископ сам пришел просить Тишендорфа, авторитет которого значительно возрос благодаря его отношениям с великим князем, использовать все его возможности в защиту интересов общины. Тишендорф с радостью согласился выполнить возлагаемую на него миссию, учитывая, как он без обиняков отметил, «тесную связь между их и моими собственными интересами». Впрочем, во время пребывания в Константинополе его интересы вышли на первый план.

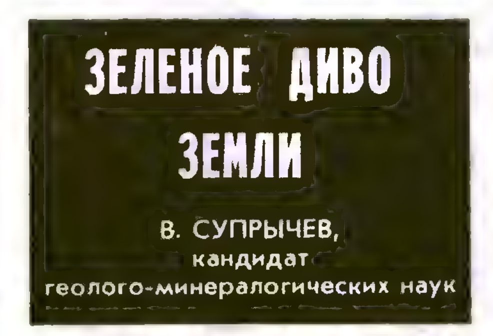
В лице русского посла в Высокой Порте князя Лобанова Тишендорф нашел преданного союзника, который радушно приютил его в своем загородном доме на берегу Босфора. Но здесь Тишендорф стал проявлять все больше беспокойства по поводу своих дел: «Ожидать месяц за месяцем конца монастырской свары — это никоим образом меня не устраивало». И он нашел решение. Он составил искусный документ и убедил русского посла подписать его. В этом документе русское правительство предлагало, учитывая тот факт, что формальное облечение властью архиепископа все еще ожидало подтверждения, отправить библейский кодекс в Санкт-Петербург во временное пользование. Он будет считаться собственностью монастыря вплоть до того момента, когда его официально преподнесут царю. Если в силу каких-либо непредвиденных обстоятельств акт дарения не состоится, манускрипт, безусловно, будет возвращен монастырю. С таким документом на руках Тишендорф вновь отправился морем в Египет. Монахи горячо благодарили его за те усилия, которые он предпринял, чтобы решить дело в их пользу, и подписали документ, разрешающий ему забрать кодекс во временное пользование в Петербург, «чтобы скопировать там насколько возможно точно».

Подготовка факсимильного издания кодекса в четырех томах заняла три года. Эта работа оказалась одной из труднейших для Тишендорфа и, по-видимому, в конце концов подорвала его здоровье. Надо было, например, изготовить адекватные греческие литеры для различных стилей написания унциальных букв, а также значительно более мелкого шрифта исправлений, сделанных в тексте, которые следовало включить в факсимильное издание. Тишендорф собственноручно измерял расстояние между каждыми двумя буквами, чтобы достичь максимально возможного подобия. Когда вся работа была проделана, целый вагон тяжелых томов — 31 ящик с 1232 фолиантами общим весом около 60 тонн — был отправлен в Санкт-Петербург, где книге предстояло выйти в свет в ознаменование тысячелетнего юбилея русской монархии осенью 1862 года. Издание было озаглавлено следующим образом: «Петербургский Синайский библейский кодекс, спасенный из мрака под покровительством его императорского величества императора Александра II, доставленный в Европу и изданный к вящему благу и славе христианского учения трудами К. Т.».

С этого момента награды и почести посыпались на Тишендорфа дождем. Император России даровал ему и его потомкам дворянство. Папа, получив экземпляр факсимильного издания, лично выразил ему свои поздравления.

Перевел с английского Э. МАРКОВ

«БОЖЕСТВЕННЫЕ» КАМНИ: ПРАВДА И ВЫМЫСЕЛ

Изумруд — прозрачная, редкая и самая ценная разновидность благородного берилла; его немеркнущая зеленая окраска имеет самые различные тона и оттенки.

Персы издревле назвали этот камень «зуммрунди» — «зеленый», отсюда пошли арабские «зуммуруд», грузинское — «змури», армянское — «земруд», испанское — «эсмеральда». На Руси его звали «смарагд».

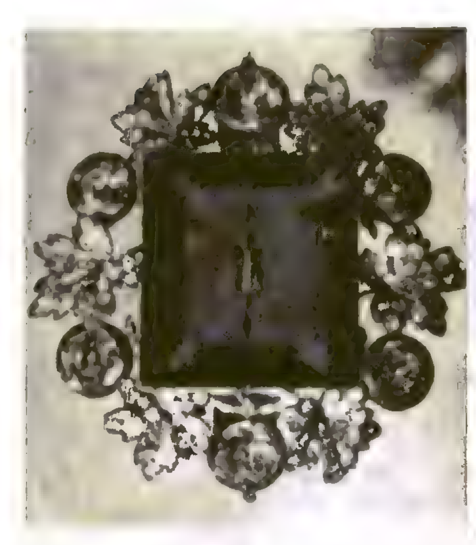
Граненый изумруд в ювелирных изделиях, благодаря равномерной густой зеленой окраске и сильному блеску, ценился наравне с кроваво-красным рубином и даже искрометным алмазом-бриллиантом. И по сей день это серьезный конкурент алмаза: безупречно прозрачные изумруды на мировом рынке ценятся дороже равных им по весу бриллиантов.

Знаменитому зеленому камню-самоцвету посвящены многие народные предания и поверья, упоминается он в поэзии и фольклоре разных народов. Это несомненно один из первых самоцветов, известных людям. В Древнем Египте он почитался как символ красоты природы. Месторождения вблизи Асуана, в 50—60 километрах от побережья Красного моря, дававшие много прекрасных изумрудов, разрабатывались еще при фараоне Седострисе I, почти 37 веков тому назад. В прочных сланцах рудокопы-рабы прокладывали шахты глубиной до 200 метров: считалось, что изумруд боится света, поэтому его добытчики работали в полной темноте. На поверхности изумрудсодержащую породу раскалывали на куски и смазывали оливковым маслом, чтобы легче было различить и отобрать драгоценные зеленые камни, которые древние греки и римляне назвали «камнями зеленого сияния».

Геродот писал об изумрудном перстне Поликрата и упоминал изумрудный столб в храме Геракла в Тире. Известно, что жена римского цезаря Калигулы появилась в обществе, украшенная изумрудами и жемчугами стоимостью в 40 миллионов сестерций, что соответствовало по цене 40 тоннам серебра. Много изумрудов было добыто во время царствования в Египте Клеопатры (69—30 гг. до н. э.).

Широкой известностью пользуется рассказ о знаменитом монокле императора Нерона, заменявшем ему очки, — в монокль был вставлен изумруд, отшлифованный в виде выпуклой линзы. Камень отличался огромными размерами и неописуемой красотой. Сейчас монокль Нерона хранится в сокровищнице Ватикана. Сравнительно недавно туда получил доступ французский минералог, который без особого труда установил, что линза выточена вовсе не из изумруда, а из хризолита. Таким образом, спустя века минералогия поправила историю.

Из поколения в поколение передаются истории и легенды об отдельных изумрудах. В буддистском храме близ Канди в Шри Ланке хранится статуэтка Будды, вырезанная из монолитного восьмисантиметрового кристалла изумруда чистой воды. В Вене, в сокровищнице бывших императорских драгоценностей, имеется сосуд весом 2680 каратов, выточенный из темно-зеленого гексагонального кристалла колумбийского изумруда миланским гравером Мизерони. В Музее естественной истории в

Огромный квадратный изумруд этой броши, найденной в XVI—XVII вв. в далекой Колумбии, один из семи исторических камней Алмазного фонда нашей страны. Академик А. Ферсман считал этот изумруд единственным в своем роде по чистоте и прозрачности.

Нью-Йорке выставлен великолепный изумруд «Патриция» весом 632 карата. Музей приобрел его за 60 тысяч долларов, старатель Густо Дазо, нашедший самоцвет на колумбийском руднике Чивор, получил вознаграждение... в несколько десятков долларов.

В Оружейной палате Кремля собрано много религиозных книг и икон в самоцветных окладах. Среди сапфиров и рубинов, украшающих икону Владимирской богоматери, выделяются изумруды в 75 и 100 каратов. На выставке Алмазного фонда в Московском Кремле представлена уникальная брошь с квадратной вставкой из «испанского смарагда» в оправе в виде виноградных листьев с бриллиантами. Изумруд был найден в XVI—XVII веках в Колумбии, затем португальцы привезли его в Индию, а позднее он попал на европейский рынок. При весе в 136 каратов камень удивительно прозрачен и зелен. Это один из семи исторических камней Алмазного фонда СССР.

После революции недруги молодого Советского государства распространяли ложные слухи, будто большевики расхищают русские коронные драгоценности. Заботясь о сохранении и приумножении народного богатства, В. И. Ленин 3 февраля 1920 года подписал Декрет об учреждении Государственного хранилища ценностей РСФСР. По личному указанию Владимира Ильича царские регалии и сокровища выставили в Колонном зале Дома Союзов для всеобщего обозрения. В дни юбилейных торжеств в честь 50-летия Великого Октября в Кремле открылась постоянная выставка «Алмазный фонд СССР» — это самое крупное в мире собрание камней-самоцветов и уникальных ювелирных изделий. На витринах чудо-выставки можно увидеть якутские и уральские алмазы, бриллианты советского производства, самородки платины и золота, уникальные ювелирные шедевры, богатую коллекцию самоцветов, в которой представлены аметисты, гранаты, малахит, амазонит, родонит, украинские топазы, бериллы, уральский изумруд...

Множество легенд и суеверий сохранила память поколений об изумруде — этом зеленом диве. Раскроем старые трактаты и фолианты с высказываниями о зеленом чудо-камне.

Вот отрывок из текста Плиния Старшего в переводе русского академика Василия Севергина: «...Нет цвета, который был бы приятнее для глаза. Ибо мы с удовольствием смотрим также на зеленую траву и листвие древесное, а на смарагды так охотно, что в сравнении с ними никакая вещь зеленее не зеленеет... блеск свой распространяют далеко и как бы окрашивают около себя воздух. Они не переменяются ни на солнце, ни в тени, ни при светильниках и всегда превосходны, всегда блестящи, и, судя по толщине их, имеют беспрепятственную прозрачность, что нам также в воде нравится».

В известной повести А. И. Куприна «Суламифь» есть такие строки: «Это кольцо со смарагдом ты носи постоянно... Он зелен, чист, весел и нежен, как трава весенняя, и когда смотришь на него долго, светлеет сердце; если поглядеть на него с утра, то весь день будет для тебя легким. У тебя над ночным ложем я повешу смарагд, прекрасная моя, — пусть он отгоняет от тебя дурные сны, утишает биение сердца и отводит черные мысли. Кто носит смарагд, к тому не приближаются змеи и скорпионы. Смарагд врачует укусы ядовитых гадов». Здесь ажурно переплелись различные восточные предания, верования персов, арабов, индусов и узбеков в магическую силу зеленого изумруда.

По старинным русским преданиям, изумруд считался камнем мудрости, хладнокровия и надежды, он якобы мог обострить ум, оживить сообразительность, спасти владельца от тоски, лихорадки, проказы и падучей болезни, избавить от бессонницы и коварных чар любви, способствовал долголетию и помогал предвидеть будущее. Вот какими славными добродетелями наделяли наши предки этот камень.

Об изумруде и его происхождении существует много вымыслов и легенд. По одной из них, крупнейший изумруд упал на нашу землю с головы Люцифера при изгнании его с неба. Из этого камня затем был выточен кубок «Святого Грааля», из которого будто бы пил сам Христос на тайной вечере. Изумрудный кубок был затем утрачен. Средневековые рыцари «Круглого стола» поклялись найти его, но тщетно...

Приходят и уходят легенды, возникают и остаются в прошлом суеверия, но камень продолжает радовать людей своим цветом, блеском, игрой граней.

г. Симферополь

ИСКУССТВО ПРАВДЫ

«Спектакль Ваш, подобно «Декамерону», начинается с новеллы о святом Чепорелло. И начинается настолько интересно, весомо, что уже побаиваешься за театр: а хватит ли у него силы, хватит ли выдумки, изобретательности, юмора, сатирического перца, чтобы с таким же режиссерским размахом продолжать представление и довести его до благополучного конца? Но опасения оказались напрасными. Вам хватило в избытке всего». Так писал один из критиков в своеобразной рецензии-письме главному режиссеру московского драматического театра имени Гоголя Б. Г. Голубовскому. Народный артист РСФСР, лауреат Государственной премии РСФСР Борис Гаврилович Голубовский принял нашего специального корреспондента и побеседовал с ним.

Наше время требует искусства яркого, эмоционального, активно вмешивающегося в жизнь. Оно не терпит пассивности и созерцательности. Интерес к человеку, его неповторимой индивидуальности и общественной значимости, к его сложным взаимоотношениям с обществом стал главным в искусстве.

Ушли в прошлое пунктирно-примитивные обозначения чувств и мыслей. Только авторы, в пьесах которых присутствуют жизненно-емкие характеры героев, открывающие зрителю новое в постижении личности, только режиссеры и актеры, сделавшие центром своих творческих интересов исследование человеческой души,— только такие художники глубоко входят в жизнь.

В любом жанре — от водевиля до трагедии, в любых предлагаемых обстоятельствах смысл драматургического и сценического произведения всегда в человеке — действующем, мыслящем, чувствующем. И показать такого человека — сверхзадача художника.

Я помню, какое большое впечатление произвела на меня когда-то постановка «Воскресения» во МХАТе. Было это почти полвека назад. Спектакль оказался удивительно созвучным моим творческим поискам нравственности, сценическому воплощению норм морали... А. В. Луначарский писал об этом спектакле, что театр может с захватывающей силой показать самые разнообразные комбинации, самые разнообразные способы трактовки жизненных картин, совершенно не заботясь, получится ли из этого трагедия, комедия или вообще какая бы то ни было пьеса. Что, даже взявши просто великие произведения, скажем «Мертвые души», и давая к ним иллюстрации, то есть выбирая наиболее яркие моменты, легко переносимые на сцену, уже можно дать зрителю высокое наслаждение.

Трудности перенесения из романа Толстого глубочайшей ценности эпизодов его (начало романа, первый поцелуй, Катюша бежит за поездом, богослужение в тюремной церкви), по мысли Луначарского, были обойдены тем, что на сцене действовал комментатор, вооруженный и гением автора для пересказа событий, и принципиальностью его для интроспекции, истолкования внутреннего процесса, происходящего в действующем лице. Неповторимый талант В. И. Качалова позволил ему воспроизводить перед притихшим залом классические страницы романа, скажем мастерски читать полную сарказма передачу Толстым сущности православной обедни.

Немалое влияние на мои творческие поиски оказал спектакль 20-х годов «Как 14-я дивизия в рай шла...». Мюзик-холл превратил текст Демьяна Бедного в своеобразный сатирический лубок, сделанный мастерски, легко, талантливо. Помню, как удивительно была введена в действие отдельной сценой «Гавриилиада» Пушкина, отразившая личность поэта, который шел на свержение догм во имя полноты жизни.

Отзвуки того удивительного спектакля о дивизии, которая «в рай шла», через много лет нашли своеобразное отражение в прошлогодней постановке «Декамерона». Не без внутреннего трепета приступал я к воплощению на сцене театра великих новелл Джованни Боккаччо. Почти шесть с половиной веков отделяют нас от этого удивительного произведения. Боккаччо и его современник Петрарка явились неповторимыми глашатаями эпохи Возрождения. Их предшественником был гениальный Данте с «Божественной комедией». Вот почему новеллы Боккаччо, в которых действовали десятки разных персонажей — от султанов и купцов до монахов и пиратов, развивались блестящие сюжеты, искрящиеся неподдельным весельем, радостью, юмором, высмеивающие ханжество, тупость, мракобесие,— были неповторимой человеческой комедией, где в центре не бог, а человек.

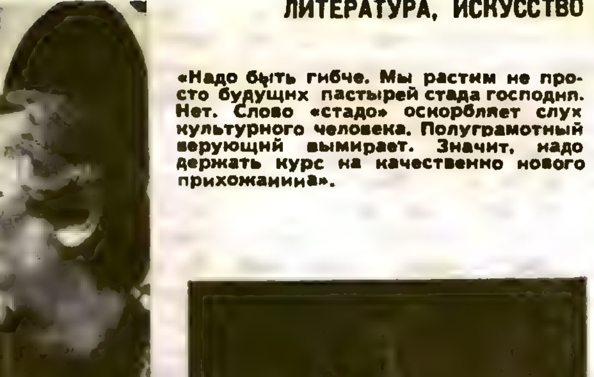
Мне как постановщику спектакля, конечно, были небезынтересны высказывания рецензентов об этой работе, тем более что наш «Декамерон» оказался первой в мире театральной постановкой. Критика единодушно отмечала антирелигиозную направленность происходящего на сцене, народность, оптимизм новелл, то, что была найдена сквозная «рамка» спектакля: действие ведет герой первой новеллы, ханжа и мошенник, причисленный к лику святых. Ему противостоит вторая ведущая — женщина, ушедшая из монастыря в мирскую жизнь. Диалог двух ведущих, отмечал один из критиков, в каждом просцениуме между картинами — не только удачно найденный сценический прием. Главное — в идейном столкновении гуманизма с ханжеством клерикалов.

Другой критик рассказал, как посетил маленький городок Чертальдо, не-

«Нужна разрядка. Но какая? Можно пошептаться с товарищем. С двумя, с тремя. Окончательно запутаться. А не лучше ли высказаться вслух?»

«Весь уклад жизни современного человека — антирелигиозен. Семинарист, сравнивая библейские догмы с диалектическим развитием всего сущего, часто не находит той истины, которую ищет».

«Надо быть гибче. Мы растим не просто будущих пастырей стада господня. Нет. Слово «стадо» оскорбляет слух культурного человека. Полуграмотный верующий вымирает. Значит, надо держать курс на качественно нового прихожанина».

«Новеллы Боккаччо, в которых действовали десятки разных персонажей — от султанов и купцов до монахов и пиратов, развивались блестящие сюжеты, искрящиеся неподдельным весельем, радостью, юмором, высмеивающие ханжество, тупость, мракобесие, — были неповторимой человеческой комедией, где в центре не бог, а человек».

Сцены из спектаклей «Искушение» и «Декамерон».

далеко от Флоренции, где похоронен автор бессмертного «Декамерона». В старинной церкви на надгробной плите начертано, что здесь покоится святое тело Джованни Боккаччо. И этот «святой» в первой же своей новелле рассказал, как делаются святые из греховных, заметив: «Но это для нас тайна». Так пусть же, остроумно замечал критик, и для нас останется некой тайной, как это решилась католическая церковь признать святым автора «Декамерона», не устававшего обличать и высмеивать ханжествующих, алчных церковников за греховные их дела и помыслы.

Наш спектакль шел более 50 раз с неизменным успехом, чему немало способствовало и своеобразное оформление. Все сценические площадки объединены единым станком — трехэтажной конструкцией, состоящей из коллажа картин и фресок «высокого» Возрождения. Уже после нашей постановки «Декамерон» появился на западногерманской сцене. Правда, там спектакль — весьма вольное переложение классики. Суть его в том, что молодые люди собрались в церкви и довольно лихо безобразничают.

Польский режиссер Адам Ханушкевич поставил новеллы великого флорентийца в Варшаве. Разумеется, нельзя не упомянуть известный фильм, снятый в свое время знаменитым Пазолини и получивший международные награды.

Современный театр тяготеет к синтетичности, взаимосвязи смежных искусств. Ведь нельзя по-барски относиться ко всему тому, что найдено талантливыми людьми в любой отрасли искусства. Мольер когда-то заметил: «Беру мое там, где его нахожу». Нужно брать все, что помогает, может обогатить. Надо пытаться вникать в истоки смежных искусств, найти в них объединяющий интерес к человеку, возможность наиболее ярко, остро выразить его внутренний мир.

Сколько нужно перечитать книг по истории, играя Петра I или Суворова! Для исполнения Егора Булычева невозможно не обратиться ко всему творчеству Горького. Ставя «Декамерон», нужно узнать не только жизнь Флоренции XIV века, но и заново восхититься сонетами Петрарки и «Божественной комедией» Данте. А при работе над современным спектаклем актер и режиссер вовсе должны потерять покой: ведь здесь не обойдешься перелистыванием книжки или экскурсией в музей. Знание окружающей жизни, своих современников неисчерпаемо, и каждый день приносит нечто новое, что нельзя узнать даже по газетам, а нужно прочувствовать самому, быть непосредственным участником событий.

Одна из последних постановок театра имени Гоголя — пьеса Николая Мирошниченко «Искушение». У нее тоже был своеобразный предтеча — спектакль «Рок-н-ролл на рассвете». Его авторы журналисты Т. Колесниченко и В. Некрасов создали из сценок американской жизни политическое шоу, показав пути американской молодежи к истине. Поиски истины всегда сложны, а нередко и мучительны. Наркотики, разврат, экстремизм стали буднями современного общества потребления.

Перекличка между спектаклями, а в чем-то и прямая связь уже в вопросе, начертанном на порталах сцены: «Что есть истина?»

С текстом пьесы «Искушение» пришлось много работать. Кое-какие сцены были переставлены. Так, мы начинаем спектакль с урока о проповеди, который ведет ректор духовной семинарии отец Василий. В пьесе данная сцена находилась в середине. Вынесенная вперед, она сразу задала тон всему действию. Вот как это выглядит теперь.

Духовная семинария. Большая классная комната, внешне похожая на часть храма: иконы, кафедра, столы. Сцена еще затемнена. Издали наплывает тревожный перезвон колоколов. Под их аккомпанемент:

Голос... За умышленное искажение проповедей, за деяния, порочащие имя святой матери-церкви, а также вносящие смуту в ряды верующих, за распевание в храме мирских песен священника Озерского прихода Аристарха Гордеева из сана извергнуть.

Высвечивается классная комната. За кафедрой ректор семинарии отец Василий. Он высокий, статный, лет сорока. *Семинаристы слушают его лекцию.*

Отец Василий. Прошлый раз я обещал вам ответить на ваши вопросы. Но прежде вернемся к теме предыдущего урока. О проповеди. Я хочу дать вам несколько практических советов. Для произнесения проповеди должна быть создана соответствующая атмосфера. В храмах не нужно прибегать к услугам электричества. Свеча, лампада, таинственный сумрак располагают к общению. Ваша проповедь должна быть обращена к сердцу. В благолепии храма, в красоте богослужения человек должен найти эстетическое удовлетворение. Не употребляйте иностранных слов. И самое главное — связывайте темы проповеди с жизнью. Красоте языка учитесь у проповедника раннего христианства Иоанна Златоуста.

Как видим, ректор дает весьма серьезные рекомендации. На самом деле, где, как не в проповеди, можно проявить эрудицию, страстность мысли, изложить свою позицию, навязать определенную мировоззренческую концепцию. (Я слушал немало проповедей в разных частях света, особенно сильное впечатление произвели они в костелах Польши и Испании.)

Что же противопоставляет атеизму отец Василий? Кратковременность земного бытия и вечность царствия небесного. Вот, по его мнению, главный аргумент, который следует преподнести исподволь и тонко. В качестве примера ректор читает семинаристам начало проповеди «Совесть и люди», где, как он считает, заключен ответ на вопрос об ученых мужах, кои заняты поисками кратчайшего пути ко всемирной погибели. Вам надлежит, продолжает ректор семинарии, найти логическое продолжение сей проповеди. Попытайтесь с точки зрения православного вероучения доказать, что в жизни человека есть нечто более высокое, нежели земные блага.

Главное для меня в этом спектакле — постановка проблем нравственности, столкновение различных мировоззренческих позиций, в результате чего три семинариста — Иоанн, Иеремия и Александр порывают с семинарией. Вчерашние семинаристы, кандидаты в священники, уходят в жизнь. И, что очень важно, такой финал должен убеждать зрителя, восприниматься как закономерный. Трудность заключается в перенесении на сцену совершенно особой церковной среды.

Везде, во всех частях света, духовники делают ставку на молодежь, на тех, кто, может быть, хоть как-то сумеет закрепить, удержать в сознании новых поколений религиозную веру. Пьеса «Искушение» — это сегодняшняя православная семинария, с разными путями приходящими в нее воспитанниками и одинаковым путем рвущими с ней бунтарями. Кто же они?

Уже в первой сцене по тому, о чем спрашивают ректора семинаристы, можно судить о каждом.

Павел. Сейчас верующие все чаще задают вопрос: будет ли третья мировая, с коей и начнется господство желтого человека, как о том в Библии сказано?

Отец Василий. Вопрос не из праздных. И отвечать на него надо осторожно, уклончиво. Разные народы исповедуют разную веру. Их злые и добрые деяния зависят от идола, которому они поклоняются. Что касается православной церкви, то она всегда выступала и выступает в защиту мира и покоя.

Иоанн (*подняв руку, встает*). Во время воскресного богослужения к нам подошел интеллигентный старичок. Приложился к руке отца Якова, чем выказал свою набожность, потом вынул из кармана список и зачитал имена зарубежных ученых, изобретающих страшные виды оружия. Оказывается, многие из них — верующие, посещают храмы, усердно молятся каждый своему богу. Как же могут люди, исповедую-

щие учение Христа, нарушать его первейшую заповедь: «Не убий»?

Отец Василий. На сей вопрос я отвечу позже.

Иоанн. Спасибо (садится).

Никон. Что ответить, когда спрашивают, почему во многих приходах женщины прислуживают в алтаре?

Отец Василий. Не следует вдаваться в казуистику. Женщины составляют большинство верующих. Ныне духовное начало в семье принадлежит женщине. Она воспитывает детей. В ее руках — будущее. И запомните, честная братия, в наши дни женщина может сделать для царства небесного больше, нежели десяток мужчин.

Иеремия (вставая). В церковь все чаще заходит праздно-любопытствующая молодежь. Во время проповеди задают каверзные вопросы. Такой, например: сколько световых лет до седьмого неба, где, как о том сказано в святом писании, расположена резиденция господа бога?

Александр. Человек забрался на Луну. А мы его, как и в средние века, соблазняем раем и стращаем адом.

Отец Василий. Вопрос сей достоин внимания. Наука сорвала завесу со многих таинств, доступных разуму, коим господь наделил человека. Ученые мужи зачастую высмеивают догматические истины святого писания, не постигнув их тайн. Вам же надлежит помнить, что истины веры недоступны для научного понимания. Ибо все они относятся к области сверхъестественного. Христианская религия основывается на святой Библии. Наука — на изучении природы. Библия и природа — это две книги, написанные творцом и предназначенные для чтения всему сущему.

Никон. К какому человеческому чувству следует обращаться в проповедях?

Отец Василий. К совести. Она есть ахиллесова пята нынешнего века. Страдания малых народов, величайшие открытия ученых, грозящие человечеству всемирной катастрофой, — все это ранит совесть. Человек ищет истину, которая была бы выше мирских деяний. И вы обязаны своей проповедью помочь ему найти эту истину в вере.

Образ ректора духовной семинарии сложен и противоречив. Это современный деятель, умный, энергичный, начитанный. Он по-своему гибок, терпим к инакомыслию, но до определенных пределов. Вот очень характерный разговор между «духовными наставниками».

Отец Василий. Вы упрекаете меня за светскую демократию? Я рад бы пресечь ее. Но кто же к нам пойдет? Недоросли? Недоучки? Церкви они не нужны. Сегодня надо ориентироваться на таланты. Хлопотно, конечно. Каждый ученик приучен к демократии с детского сада. Он горд, тщеславен. В нем развито чувство собственного достоинства. Разве вы не видите, с какой неохотой они прикладываются к руке священника?

Отец Сергий. По первости многие нос воротят. Но я не об этом.

Отец Василий. Вас раздражают атеистические диспуты? А я сознательно подстрекаю учеников на споры. Их же с детских лет шпиговали атеизмом. Все мировоззренческие науки против бога. Да и не только мировоззренческие. Весь уклад жизни современного человека — антирелигиозен. Семинарист, сравнивая библейские догмы с диалектическим развитием всего сущего, часто не находит той истины, которую ищет. Его обуревают сомнения. Нужна разрядка. Но какая? Можно пошептаться с товарищем. С двумя, с тремя. Окончательно запутаться. А не лучше ли высказаться вслух?

Отец Яков (сокрушенно). Вот до какого срама мы дожили. Может, лучше закрыть семинарию?

Отец Василий. К чему впадать в крайность? Мы растим не просто будущих пастырей стада господня. Нет. Слово «стадо» оскорбляет слух культурного человека. Полуграмотный верующий вымирает. Значит, надо держать курс на качественно нового прихожанина. Надо знать его духовные запросы. Не страх и не горе ведут его нынче в храм. Он идет не поклоняться, а созерцать представление, размышлять.

Отец Сергий. Но церковь не театр.

Отец Василий (увлеченно). По существу — нет! А внешне приходы всегда были духовным театром. И лично я ничего в том страшного не вижу. Будущие духовные пастыри должны сочетать в себе магическое лицедейство, волю режиссера, талант художника.

Как видим, ректор семинарии витийствует весьма складно и нередко убедительно, он заставляет собеседника слушать, анализировать, отступать от традиций во имя все той же религиозной веры. Пьеса «Искушение» подводит зрителя к мысли, что религиозная мораль рождает в человеке инертность, губит радость, мысль, талант, любовь. В данном спектакле с семинарией рвут три так и не состоявшихся «духовных пастыря». И этот итог вполне логичен и закономерен.

Конечно, первая попытка театра показать «церковные кулисы», видимо, имеет и какие-то свои просчеты, недомолвки. Коллектив актеров, режиссеры с большим интересом и вниманием выслушали мнения и замечания участников всесоюзного атеистического совещания, которые были у нас в гостях и выступали после спектакля. И, по-моему, очень точно было замечено об «Искушении» в одной из рецензий, что автора, постановщика и театр увлекли не экзотика, неожиданность в выборе места действия, а показ трагедии людей, считающих, что они живут по высшим нормам совести, а в действительности вступивших в изнурительную борьбу с ними.

Рассказы наших читателей

КОНСУЛЬТАЦИЯ

● В маленькой комнате было уютно. Горела настольная лампа. Плечистый средних лет мужчина устало смотрел на сидящую в кресле маленькую старушку.

— Редко стали видеться, Марья Дмитриевна, — грустно произнес он. — Приходишь всего два раза в неделю, да и я все время в разъездах. Часто и посоветоваться бывает не с кем. Что у тебя нового? Как семья?

— Давеча гадала я на своего Сережку. И вышла у меня рядом с бубновым королем трефовая дама, туз пиковый, шестерка пиковая, а снизу девятка червей. Что ж ты думаешь? В тот же день узнаю: жениться он собрался. И на ком! Она в июне родилась, а он у меня январский. Сам понимаешь — добра от такой женитьбы не жди.

— Козерог близнецу не пара, — покачал головой мужчина, — не найти им общего языка. Надо бы тебе им это объяснить, на то ты и мать.

— Куда там! Разве нонешним голову на плечи поставишь? Уж и свадьба через две недели, пусть теперь сами разбираются. Ты-то сам как, Геннадий Палыч?

— Ни шатко, ни валко. Работы много, а неприятностей еще больше. Поверишь, в прошлый четверг приснился мне большой костер. Будто сижу я возле него и уйти не могу, а кто-то вокруг бегает и сучья в костер подкидывает. Мне бы на утро больничный взять, да не успел. В пятницу пришел на работу, а начальство вызвало и такой разнос устроило — вспомнить страшно. Я, видите ли, на молодежь плохо влияю. Интриги, Марья Дмитриевна, сама понимаешь. А сегодня ни с того, ни с сего теща-покойница приснилась.

— Ну, это к перемене погоды. Подморозить на днях должно. Так что не бери в голову. Вот Елене Кондратьевне (ты ее не знаешь, она в другом учреждении работает) привиделось, что ее муж в кабана оборотился, залез в чужой огород и капусту жрет. Вот это беда, так беда. К разводу. Нашел, видать, себе другую, помоложе.

— Ну ладно. Засиделась я у тебя, однако, а мне два этажа надо обойти.

Марья Дмитриевна подхватила ведерко и выскользнула за дверь, внимательно ее оглядела и провела влажной тряпкой по стеклянной дощечке с надписью «профессор».

М. СЛАВИН

● 23 августа 1890 года в городке Слободском Вятской губернии, в семье мелкого служащего С. Е. Гриневского родился первенец. Спустя три десятилетия он стал писателем Александром Грином и открыл страну, которая известна миллионам читателей как Гринландия.

Этой страны нет на географических картах, но всем, кто открывал книги Грина, известны и шумный, сияющий огнями город Гель-Гью, где стоит на берегу мраморная статуя Бегущей по волнам, и провинциальный Лисс с двумя гостиницами «Колючая подушка» и «Унеси горе», и Зурбаган, и Гертон, и деревушка Каперны, у которой однажды причалил корабль с алыми парусами, и мыс Гарден, прозванный Троячкой, потому что у берега его стоят три скалы, и деревня общины Голубых Братьев, где хотел в посте и молитвах спастись отважный капитан Дюк...

Можно ли сомневаться в существовании той страны, которую с такой детальной подробностью описал ее открыватель? Ведь он, по словам К. Паустовского, «мог бы нарисовать подробную карту этих мест, мог отметить каждый поворот дороги и характер растительности, каждый изгиб реки и расположение домов, мог, наконец, перечислить все корабли, стоящие в несуществующих гаванях, со всеми их морскими особенностями и свойствами беспечной и жизнерадостной корабельной команды». Конечно, все это плод богатой гриновской фантазии, но будет не прав тот, кто станет утверждать, что этот вымысел не имеет никакого отношения к жизни. «Жизнь, — считал Грин, — это черновик выдумки». И расцвечивал мрачную основу вымысла в прекрасные и радостные тона. Мрачную, потому что сам писатель прожил тяжелую, горькую жизнь.

Прекрасная страна Гринландия — вулканического происхождения. Она возникла от столкновения страстной гриновской мечты о красивой, содержательной жизни с тяжелой и безрадостной реальностью. Но горечь испытанных писателем разочарований, несправедливость жизни к этому фантазеру, «рыцарю мечты», не сломили Грина, не выжгли ему душу. Устами Галерана (роман «Дорога никуда») писатель выражает принцип отношения к жизни, которым руководствовался сам: «Никогда не бойся ошибаться, ни увлечений, ни разочарований бояться не надо. Разочарование есть плата за что-то прежде полученное, может быть, несоразмерная иногда, но будь щедр. Бойся лишь обобщать разочарования и не окрашивай ими все остальное. Тогда ты приобретешь силу сопротивляться злу жизни и правильно оценишь ее хорошие стороны».

Грин много скитался по России и перепробовал разные профессии. Был матросом, грузчиком, землекопом, маляром, банщиком, гасильщиком нефтяных пожаров, лесорубом, золотоискателем, актером «на выходах», писцом у адвоката. Не миновали писателя в «его университетах» и тюрьма, и ссылка, и постоянная, изнурительная нищета.

В своем творчестве А. Грин тоже прошел сложный путь. Но одно было неизменно в нем: вера в человека, в его неисчерпаемые духовные возможности. И поэтому герои Грина, как правило, победители в жизни, они побеждают зло, они покоряют природные стихии. Нравственное действие — вот способ утверждения той прекрасной жизни, о которой Грин грезил своими книгами. Писатель приговаривает своих героев не к созерцательному мечтательству, а к поступкам, которые почти всегда сопряжены с нравственным выбором. Порой этот выбор жесток. Высшая справедливость или личное благополучие — вот какой выбор должен сделать герой рассказа «Победитель» скульптор Гензиссен. Он выбирает: разбивает свою работу, представленную на выставку, разбивает «с мучением и тоской в свете высшей справедливости, которой никогда не изменял», чтобы у жюри не было иного выхода, как присудить премию «нелепому, бородатому, обремененному младенцами и талантом» Ледану.

100 лет
со дня рождения
Александра ГРИНА

Герои Гринландии

Т. БОЧКОВСКАЯ,
заместитель директора
литературно-мемориального
музея А. С. Грина

Но нравственный максимализм, утверждаемый героями А. Грина, не превращает их в жертвенных овец добра. Выполняя свой человеческий долг, они счастливы и радостны, ибо, по Грину, человек всегда прекрасен и счастлив в своем постоянном стремлении к совершенствованию.

Поэтому так весело и иронично рассказана Грином история Дюка, мужественного морского волка, капитана нежно любимого им судна «Марианна». Капитан Дюк встретил продувную шельму брата Варнаву, главу общины Голубых Братьев, который показал ему, как «опасно попасть в лапы к дьяволу». И вот капитан Дюк переходит «в другое ведомство». Он оставляет судно, покидает преданную команду и проводит время в чтении Библии, постах и молитвах, даже пытается пахать, так как брат Варнава считает это чуть ли не единственным богоугодным занятием. Но пока капитан Дюк занимается таким важным делом, как спасение собственной души, на «Марианне» все приходит в упадок: «Пошло воровство, драки; водку — не то, что пьют, а умываются водкой; «Марианна» загажена; ни днем, ни ночью вахты никто не хочет держать». Не слишком ли это дорогая цена за сомнительное спасение и можно ли одобрить такой путь самосовершенствования? Нет, Грин не согласен. И капитан Дюк «перелез изгородь, промаршировал по огурцам и капусте и, одолев второй, более высокий забор, удалился по дороге к Зурбагану, жадно дыша всей грудью, — прямой дорогой, как выразился он немного спустя сам, — в ад».

Угол комнаты «Каюта капитана Геза».

Интересно, что на страницах книг А. Грина, среди пестрого населения его Гринландии не встретить ни попов, ни пасторов, ни монахов. И это не случайно. Что делать в Гринландии священнослужителям? Здесь человек может летать, как летает Друд, герой романа «Блистающий мир», здесь человек, движимый сильным чувством, может пересечь морской залив пешком по воде, как по суху («Огонь и вода»). Человек все может, утверждает писатель. Все подвластно ему, когда у него есть высокая цель и мечта.

В «Алых парусах» А. Грин писал, что все прекрасное и высокое, порой кажущееся несбыточным, «по существу так же сбыточно и возможно, как загородная прогулка. Я понял одну нехитрую истину. Она в том, чтобы делать чудеса своими руками».

Герои Грина верят в жизнь и в себя. Их энергичное отношение к жизни несовместимо с проповедью терпения, покорности воле божьей, предопределению свыше. Они — сильные и гордые, способные вступить в спор с судьбой, утверждают: «Над прошлым, настоящим и будущим имеет власть человек».

г. Феодосия

● У входа в дом — мачта с плетениями корабельных канатов, «брошенный» в асфальт якорь, решетка фонаря, справа — кранец. Это музей Александра Грина.
Экспозиция музея в документах и фотографиях рассказывает о нелегкой жизни человека, прозванного впоследствии рыцарем мечты, открывшего на страницах своих книг мир удивительный: там правят Мечта и Любовь, там все мерится самой высокой нравственной мерой.
В Якорном дворике под возню птиц на вершине старой узловатой акации хорошо думается о важном в человеке: об умении, по словам Грина, сопротивляться злу жизни и правильно оценивать ее хорошие стороны.

Комната «Каюта капитана Геза».

Фото В. Ратынской.

С разных концов страны экскурсанты приезжают в Феодосию и обязательно посещают литературно-мемориальный музей А. С. Грина.

Часть комнаты «Детская. Каюта странствий». Видна модель шхуны-дубка «Святой Николай». На таком дубке Саша Гриневский совершил плавание из Одессы в Херсон.

дневник викарного епископа

Клаус ШТИЛЛЕР

Клаус Штиллер (род. в 1941 г.) — известный западноберлинский прогрессивный писатель, его перу принадлежит более десятка книг, получивших высокую оценку критики.

«Дневник викарного епископа» — яркое антиклерикальное и антифашистское произведение, написанное в свойственном Клаусу Штиллеру публицистическом ключе.

Повествование развивается как хроника громкого политического скандала. В прессе появляется сообщение о том, что некий влиятельный западногерманский епископ не только был гитлеровским офицером, но и лично ответственным за массовое убийство заложников в одном итальянском селении. В дело вмешиваются все новые и новые инстанции, приходят в движение закулисные политические пружины. В результате скандал замят, и епископ выходит сухим из воды.

Книга построена как дневник этого пастыря церкви (имя его обозначено одним инициалом — «Д»). Рассказчик вводит в дневник газетные вырезки, деловые и личные письма, в которых разные люди выражают свое отношение к происходящему. Это дает возможность показать политическую жизнь Западной Германии. Продажная пресса, неонацистские организации, католическая иерархия приходят в столкновение с демократическими, прогрессивными кругами.

Книга вышла в Западном Берлине в 1972 году.

4.7.69.

НЕПРИЯТНОСТИ словно подстерегают меня. В конце недели решил немного отдохнуть в Б., подышать свежим воздухом, совершить службу вместо здешнего пастора. И вдруг!..

Когда я вышел из приходской церкви, где в исповедальне оставил до завтрашнего утра свою подушечку, около ограды меня поджидал незнакомый человек. Пожилой, хорошо одетый господин, по виду приезжий.

«Господин епископ, не найдется ли у вас минутка для двух вопросов?» Сперва подумал, что передо мной один из бесчисленных просителей, которые имеют обыкновение путать нашу святую цер-

Рисунки А. Бисти

ковь с кредитным банком. Чем-то он походил на среднего предпринимателя, который, испытывая финансовые трудности, влез в долги и теперь пытается раздобыть хоть сколько-нибудь денег.

«Итак, в каком месте жмет башмак?» — насмешливо подумал я, но на мой немой вопрос этот человек, точно сотрудник уголовной полиции, вытащил из куртки свое удостоверение и представился корреспондентом до оскомины известного гамбургского журнала. А после того как он назвал свое имя — «Гольдштейн» или «Гольдберг» (еврей?) — и словно ангел смерти спросил: «Вы, наверное, догадываетесь, зачем я приехал?», мне сразу стало ясно, откуда дует ветер.

«Боже милостивый, к чему опять ворошить все это?» Гольдберг был удивительно сведущ. Он знал даже подробности, которые у меня с тех пор совершенно выветрились из памяти. Я, например, считал, что мы тогда отобрали и передали цугфюреру 1-й роты для исполнения приговора от 22 до 24 мужчин. На самом же деле в этой деревушке в Абруццах насчитывают только 17 жертв. Возраст заложников я бы определил «от 20 до 50 лет». Гольдберг меня поправил: «Самому младшему было 17 лет, самому старшему — 65». После этого мне уже было не до того, чтобы раскрывать перед этим господином всю душу. И не очень-то хотелось, чтобы уже в следующий понедельник мир узнал о том несчастье в мельчайших подробностях. Я, разумеется, рассказал, что, получив приказ, дважды пытался обратиться к командиру дивизии с возражениями. И только после того, как ничего не помогло, передал приказ об исполнении приговора лейтенанту Эрхарту (фамилию я предусмотрительно умолчал). Ведь я понимал, что его все равно приведут в исполнение.

«Ко всему прочему это чистая случайность, — сказал я Гольдбергу, — что приказ об исполнении казни получил я. Партизаны зверски уложили четырех парней из моего батальона связи. Следовательно, было в порядке вещей, что ответную меру в первую очередь должен был провести я. Поэтому я и проследил за отбором заложников. Остальное уже лежало на лейтенанте, которому я передал приказ. Сам же я, начав подготовку к эвакуации, занялся радиоаппаратурой».

5.7.

Я вижу в том знамение рока, что начало травли, которую, должно быть, предпримут против меня, выпало именно на день св. Ульриха. Его жизнеописание рисует человека, который вел войну на два фронта. Хотя все свои силы он отдавал укреплению веры, но ничто не было более близко его сердцу, чем улучшение нравов. И никто тогда не видел ничего непристойного в том, что епископ аугсбургский сел на коня и с оружием в руках защитил христианскую культуру от язычников, одержав над ними победу при Лехфельде.

После обеда еще на один час отправился в церковь для приема исповедей. Необходимо. Иначе бедные ягнята, которые только и ждут, как бы скорее свалить свою греховную кладь на «чужого господина», разочаруются, чего доброго.

Поздним вечером выехал обратно в столицу земли. В приходе, наверно, решили: в связи с предстоящим синодом в Куре.

6.7.

В 9 утра торжественная месса в соборе. Проповедь кардинала. Проблемы в ней затрагиваются те же, что и на предстоящем синоде. Содержание: духовное повиновение представителям Христа на земле. Главный пункт: это повиновение никто не смеет относить к пережиткам. Тут мы церемониться не должны. Авторитет церкви богоугоден. Поэтому его необходимо защитить. Остерегаться надо прежде всего всякого рода отщепенцев, которые угрожают нашему единству. «Как никогда раньше необходима святая вера, соединенная с осознанным послушанием».

Так как я знал, что кардинал в сопровождении моего коллеги епископа Девиуса намеревался сразу же отбыть в Кур, я тотчас после торжественной мессы отправился на поиски его черного мерседеса. Когда я наконец его обнаружил позади Немецкого банка, оба уже сидели в машине и шофер закрывал задние дверцы. Ничего не оставалось, как задрать сутану и броситься вперед: пожалуй, самая быстрая стометровка за последние десять лет. Должно быть, это выглядело комично, когда я, точно дон Камилио, в белых гольфах бегом пересекал площадь перед собором. Во всяком случае, с тротуара мне послышалось что-то похожее на хихиканье. И кардинал, и Девиус были так взволнованы, словно речь шла о первой проповеди. Кардинал опустил стекло в машине и пошутил: «Никак, вместе с нами собрались?»

Я был краток: «Определенные обстоятельства заставляют меня сегодня же отправиться в отпуск». Разумеется, кардинал сразу же понял, в чем дело. Ведь еще много лет назад, когда я предположить не мог, что мной займется именно господин Аугштейн, я для себя решил: в подобном случае каждый должен все свои деньги вложить в приличный отпуск, чтобы в жаркие денечки не подвели ни здоровье, ни нервы.

Кардинал хоть и наморщил лоб, но сохранил спокойствие. Его совет: «Переждать. Затаиться. Пусть все идет своим чередом. Через две-три недели весь мир только и будет говорить, что о полете на Луну «Аполлона».

Телефон, по которому я смогу найти кардинала в Куре, у меня есть.

После обеда собираю самое необходимое — «походный ранец солдата». А с наступлением темноты отправляюсь в отпуск. Как всегда, в родные места, к близким.

7.7.

Деревня, лежащая между отвесными скалами, казалась вымершей. Наша машина въехала во двор около двух ночи. Несколько раз пролаял Харро, но только я вышел из машины, узнал меня и, насколько позволила цепь, радостно бросился навстречу.

Дверь открыл кузен Алоис и после короткого, сердечного приветствия пригласил нас в дом. Моему шоферу я приказал утром сразу же отправляться обратно. Прежде всего я должен как следует отоспаться. Однако ж проснулся рано. Уже в четверть восьмого сидел внизу на кухне и крошил булочку в парное молоко, которое Бетти, как обычно, принесла мне туда. Все было так, словно я отсутствовал всего несколько дней, а не полгода. В хлеву радостное событие: отелилась Рези.

В полдень звоню кардиналу в Кур. Статья у него уже в руках. Его краткий комментарий: «Какое свинство!» Господину Аугштейну нет ни малейшего дела до бывшего капитана вермахта, в котором, как известно, в качестве офицера некогда служил он сам. Все эти нападки ни в коей мере не следует рассматривать как выпады лично против меня, а в первую очередь против сана епископа. Это видно уже из того, что тем же нападкам подвергся и он, кардинал. Определенные люди просто из кожи вон лезут, чтобы в корне подорвать авторитет святой церкви и господа у верующих. Высказывания Аугштейна против церкви — хотя бы его тирады по поводу папской энциклики «Гуманэ витэ» — уже говорят о том, что это одна линия. «Такую мишень, — сказал кардинал, — несомненно избрали не случайно, в тот момент, когда утописты вновь размечтались об абсолютно святой церкви, церкви без сучка и задоринки. Но подобную церковь мы, к сожалению, не представляем».

Каждую свободную минуту, каждый перерыв конференции кардинал использует, чтобы в полном уединении подготовить первое официальное заявление для прессы. Он намерен передать его в канцелярию по телефону сегодня ночью.

8.7.

Все еще не могу прийти в себя. Тут есть возможность уйти от мирской суеты. А это само собой защищает от ненависти и раздора. Обычный ежедневный газетный мусор епархиального управления не достигает меня. Меня понастоящему привлекает возможность снова пожить жизнью простого человека среди простых людей. Тут ближе к господу, чем в бурлящем котле большого города. Завидую самому последнему деревенскому священнику. Здесь пастух еще знает свое стадо. Это выражается хотя бы в нескончаемых знаках внимания, которые получает «господин священник» от своей паствы. Будь то яйца от собственных хохлаток или небольшие денежные пожертвования на новый орган. Священник расплачивается духовным содействием. Поговорит с этими богобоязненными крестьянами о том о сем — и они уже счастливы выше головы.

Так как мне лично простой народ по душе, несмотря на его независимость от церкви, я даже, будучи епископом, никогда не порывал связи со своими предками, традициями и обычаями отцов. Простосердечие этого племени меня все больше притягивает к себе.

В полдень опять телефонный разговор с кардиналом. Официальное заявление уже передано прессе. Сам бы я подобным образом никогда не сделал. Кардинал живо рисует тогдашнее стечение обстоятельств, безвыходность моего положения, словно это он в то время нес ответственность за доверенных мне людей, а не я. В заявлении ясно сказано о моем неповиновении командиру дивизии — не мог я воспринять тот приказ как должное. И о моем решительном протесте, приведшем к сокращению смертных приговоров. Потом о других моих

шагах, направленных на спасение людей, и, наконец, о моем обращении к инспектирующему офицеру генерального штаба, чтобы он принял командование на себя (что тоже было отклонено!). И о том, что передача приказа для исполнения лейтенанту Эрхарту последовала лишь после того, как все попытки оказались бесплодны.

Несомненно, я делал все от меня зависящее, чтобы облегчить населению его страшную судьбу. Так, я приказал увести женщин и детей, чтобы избавить их от ужасного зрелища.

Хотел бы знать, кто сумел бы сделать больше. Кардинал еще до моего назначения и посвящения тщательно изучил все дело. И руководствовался тем, что по международному праву, применяемому к условиям войны, никакого состава преступления в моих действиях не было. Общий вывод: «Непосвященным почти невозможно представить себе сегодня условия партизанской войны, поставить себя на место того, кто должен, к примеру, спасти собственных людей и жизненно важную для дивизии боевую технику».

Сообщение с симпозиума в Куре: «Неприглашенные группы священников из «прогрессивных» всеми мыслимыми уловками пытаются «перефункционировать» съезд епископов в своих грязных целях». На испытанный манер внепарламентской оппозиции они требуют участия в органах, в которые их никто никогда не выбирал. Они готовят даже так называемое «внедрение» в тайное собрание епископов (!). Но самым потрясающим я нахожу сообщение о том, что некая горстка высочайших церковных сановников взирает на всю эту возню чуть ли не с благосклонным вниманием и симпатией. Кардинал Брюсселя вроде бы предложил допустить к священству даже женатых мужчин! Если отдать это на волю небес, то вскоре услышим и требование «перефункционировать» для пользы дела ризницы в супружеские опочивальни.

9.7.

Первая изрядная стопка почты. Вот среди прочего наконец-то и злобная статья из дома Аугштейна. И не собираюсь отвечать на подобную грязную стряпню. Можно подумать, что другие народы воевали с противником в лайковых перчатках. Да ведь не кто иной, как те же итальянцы, всего за несколько лет до этого несчастья, например в Абиссинии, постреливали не только в певчих птичек. Но как только, спасая собственную шкуру, пришлось стрелять немцам, — тут уж, разумеется, кровавая бойня. Да я был бы последним мерзавцем, если б вздумал отрицать, что как раньше, так и теперь испытываю сердечную привязанность к своим тогдашним товарищам. И уверен, что эти мои товарищи не оставят меня в беде.

Канцелярия не опровергает слух, будто я нахожусь в монастыре в Альпах. Провожу там «несколько дней в раздумье».

10.7.

По отношению ко мне кардинал показал себя настоящим мужчиной. В итоге: новые злобные выпады, направленные против него. Определенной прессе, как видно, вообще нет дела до истины. Она поддерживает любые нападки на церковь.

Вечером у пекаря беседую с несколькими парнями из деревни.

11.7.

С каждым днем количество писем растет. Все они приходят кружным путем через канцелярию, где их на всякий случай еще вкладывают в обычные конверты. А это может показаться подозрительным местным жителям, хотя я лично испытываю к ним полное доверие. Они ужасно гордятся тем, что один «ихний» стал даже епископом. И каждому ребенку знакома здесь альпийская долина, которая носит имя нашего клана.

Я страстно молю всемилостивейшего господа нашего, пусть защитит он этот наш клан, который служит ему верой и правдой, от всякого лиха и пусть милосердно поддержит он в их мольбе его слуг во имя благословенной во все времена пресвятой матери божьей.

В полдень волнующее событие! Не успели мы прочитать застольную молитву и благословить еду, как Харро нервным лаем возвестил о визите высокого гостя. Из окна я увидел черный мерседес с флажком. В машине сидели кардинал и мой собрат Девиус, но выйти из нее они решились лишь после того, как я успокоил Харро. Сердечное приветствие. Затем совместный с кардиналом и Девиусом скромный деревенский обед. Простое обхождение кардинала с людьми прямо-таки покорило всех моих родственников, так что за столом сразу установилась непринужденная атмосфера. «Ибо, где двое или трое собраны во имя мое, там я посреди них».

После благодарственной молитвы кардинал и я удаляемся для обстоятельного разговора в беседку в глубь сада. А Девиус, держа требник в правой руке, отправляется вверх по деревенской улице.

Сначала краткое уведомление о настроении общественности на симпозиуме в Куре. Утописты, или, как их называет кардинал, «внутрицерковные маоисты», под личиной священников вознамерились внести раздор в конгресс епископов. Но потерпели фиаско, потому что так и не нашли подходящего повода для дискуссии с епископами. Поэтому всякими реформистскими приемами они попытались обратить на себя внимание прессы и телевидения.

При нынешнем упадке журналистики, отравленной левацкими настроениями, священникам-оппозиционерам были гарантированы с ее стороны неистовые овации (я лично усматриваю принципиальную связь между корреспонденцией об утопистах из Кура и способом, каким раздувают «мое дело» и прямо-таки кнутом гонят сквозь весь газетный лист).

Поведение заседающих епископов тем не менее оставалось сдержанным на протяжении всего конгресса. В то же время тонко, но недвусмысленно подчеркивались непреодолимые границы между высоким и низким клиром. В общем и целом носители пурпурной мантии по отношению к церковной черни держались степенно и величественно, как и подобает высоким священнослужителям. Итог: ориентируясь на Рим, конгресс был полезен. И все же Кур носил неофициальный характер.

Затем наш разговор пошел о medias in res *. Когда же кардинал великолепно рассказал парочку новых анекдотов, привезенных им из Кура, я ощутил всю степень братской связи с этим примернейшим из всех архипастырей. Сквозь его почти каменный лик просвечивала та безграничная доброта, которую, как правило, можно наблюдать лишь у людей, пользующихся репутацией буквальной святости. Я испытывал и уважение, и доверие, и уверенность в моем духовном наставнике, исповеднике и друге. Он, может быть, единственная человеческая душа на всем огромном божьем свете, которая высвободит меня из капкана.

Я вытащил из кармана предварительные записи, и кардинал углубился в письменную исповедь (духовного отца надо выбирать себе среди примернейших, умнейших и интеллигентнейших людей; к такому проповеднику испытываешь безграничное доверие, на его советы и руководство можешь полностью положиться).

В ходе боевых действий наши доблестно воевавшие солдаты вновь и вновь самым коварным образом вовлекались в оборонительные бои с бандами. В связи с этим появилась необходимость обнаружить и полностью уничтожить отдельные мелкие отряды партизан. Как известно, предательские элементы из местного населения неоднократно укрывали партизан, поддерживали их, как могли, помогали им. А уж сочувствующих было более чем достаточно. Для предотвращения подрыва высокого морального духа образцово дисциплинированной части несметным количеством провокаций, «булавочных уколов» и ударов «ножом в спину» со стороны партизан каждому ответственному офицеру надлежало неукоснительно следить за тем, чтобы любой ценой сохранить покой и порядок непосредственно в районе боевых действий. Не взирая ни на что, мы, насколько было возможно, мирное население стремились изолировать от собственных военных действий. Но, к сожалению, добрая воля подразделения очень часто подвергалась жесточайшим испытаниям из-за бесчисленных нападений партизан.

В этот злополучный момент дюжина наших людей несла охрану боевой техники и склада военной амуниции. Посреди бела дня, когда наши солдаты думали о чем угодно, только не о партизанах, те внезапно напали. Четверым немецким солдатам это стоило жизни. Оставшиеся в живых бросились прочь из деревни за подкреплением. Вскоре мы вошли в деревню, и всем ее жителям, от мала до велика, разумеется, стало ясно, что разъяренная рота не намерена для обхождения с кем-либо из них надевать лайковые перчатки. Но даже в этой, более чем не простой ситуации мы стремились максимально воспрепятствовать всякой безрассудной акции мести. И то, что в основном это удалось, можно в первую очередь отнести за счет образцовой дисциплины и благоразумия ответственных офицеров. А у солдат просто руки чесались наконец-то преподать урон «трусливым спагетти». Никому не хотелось наблюдать, сложа руки, как партизаны убивают его товарищей, словно скот — по одиночке. В качестве «представителей» партизан, которые в данный момент оказались недосягаемы, мы были вынуждены привлечь к полной ответственности некоторое число годных к воинской службе мужчин из деревни.

Сегодня определенные круги намеренно пытаются изменить числовые соотношения. Утверждают, будто банда террористов убила лишь одного немецкого солдата. Наглая ложь! Если уж какая из сторон и проявила необходимую в подобной ситуации выдержку, так это наша. С таким же успехом мы вообще могли стереть с лица земли всю эту деревушку и, как говорится, ни один петух не прокукарекал бы во след. Тот факт, что в некоторых домах возникли пожары, никак нельзя рассматривать в непосредственной связи с карательными мерами и от-

---

* Medias in res (лат.) — делах второстепенных.

бором заложников. Надлежащие меры безопасности предпринимались лишь в случае подозрения каких-либо возможных очагов сопротивления. Как для защиты наших людей, так и основной массы жителей деревни. А всякие сплетни о карающих организациях ландзеров во всяком случае перед лицом истории не выдерживают никакой критики.

С акцией возмездия я фактически не имею ничего общего, так как исполнение приказа поручил лейтенанту Эрхарту.

После прочтения моих записей кардинал высказался по существу дела: «Некоторым людям неймется выкопать нам яму. Пресса атеистов просто из кожи вон лезет, чтобы опорочить церковь. Необходимо давать отпор всякому вранью, подтасовкам и клевете. Положение, в котором ты тогда оказался, я объяснил условиями того времени. Результат: крикливая свора принялась за кардинала. Но эти удары ниже пояса нацелены на церковь. Под сомнение ставится ее святость. Поэтому мы должны принять вызов и дать недвусмысленный ответ».

Предложение кардинала: сегодня как можно реже упоминать о тогдашнем бедствии. Девиз: твердость на деле, смирение в тоне. «Разумеется, тебе тоже теперь придется нарушить свое молчание. Однако перед врагом не малодушничать».

За три четверти часа мы набросали черновой вариант епископского послания ко всем пастырям и приходам епархии:

«Уже целую неделю мое имя и моя личность находятся в центре внимания всех средств массовой информации. За это время так часто и в таких подробностях смаковался повод для этого, что спокойно можно избавить себя от его повторения здесь. Тем не менее я чувствую себя морально обязанным перед вами, братья во Христе, перед всеми и каждым, сообщить о моем личном отношении к этому злополучному делу.

Юридическая сторона его при рассмотрении моральной ответственности нас не интересует. Она достаточно полно раскрыта в официальном заключении предварительного расследования. Разумеется, у меня нет сейчас намерения каким-либо образом защищаться. И все же каждый должен знать, что то, что всему миру представляется сегодня таким известным и ясным, уже более 25 лет тяжким моральным грузом лежит на моей пастырской деятельности и всей жизни. Если оставить в стороне военно-правовые проблемы, то речь в то время могла идти лишь об одном. Что касается лично меня, должен ли я был после неоднократных безуспешных протестов сделать еще один шаг против хотя и жестокого, однако навязанного мне сверху приказа и, поставив мою собственную жизнь на карту, не взирая ни на какие последствия для меня лично, отказаться от дальнейшей передачи и тем самым исполнения приказа о расстреле? Я сделал все возможное и попытался спасти, что можно было спасти. Но окончательно отвратить жестокую судьбу от тех, кого она постигла, к сожалению, не удалось.

Предотвратить ужасное умерщвление оказалось мне не под силу. И я подвергся тяжкому испытанию, о котором и до сих пор не могу сказать, каким образом смог его выдержать. Не один земной суд, никакой оправдательный вердикт не смогут освободить меня от этого бремени. И не под силу это даже духовному отцу. Таким образом, я могу отдать себя лишь на суд божий.

До сих пор по хорошо обдуманным причинам и принципиальным соображениям я молчал об этом моем бремени и муках совести. Тогдашние события и все это стечение обстоятельств казались мне слишком личными и слишком частными, чтобы посметь вновь обременить тенями прошлого широкую общественность. Все эти годы я думал, думаю так и теперь, что широкая огласка тех ужасающих событий и той, связанной с ними безысходности, в которую я был ввергнут, никому не принесет пользы. Не в последнюю очередь мое молчание вызывалось опасением, чтобы каким-либо образом не возвратить в те горькие годы тех, кто не имеет прямого отношения к упомянутому событию. Прежде всего я имею в виду часто подвергавшегося насмешкам, но тем не менее смелого и честного немецкого солдата, тогдашнего и сегодняшнего, а также немецкий народ, который вышел из мировых войн сильно «постриженным» в целом. Всякое вынесение тех событий на публику подняло бы лишь новую пыль.

Теперь же, когда об этом знает весь мир, я чувствую потребность просить у жителей деревни в Абруццах понимания и прощения за то, что я смог им помочь так мало. Я сделал все, что было возможно, божья неисповедимая воля решила иначе. Таким образом, братья мои, мне останется лишь просить вас и всех верующих христиан нашего епископства о сострадании к жертвам.

Быть может, правильно было бы собрать для бедных жителей горной итальянской деревни соразмерную сумму в качестве материальной компенсации.

Со дня моего рукоположения в сан священника, когда минувшее бедствие продолжало терзать мою совесть, ничто не утешало меня более, чем сердечная привязанность к моим братьям-священникам и всем верующим в нашем епископстве. До сего дня она давала мне нужные силы и чувство защищенности.

Самому мне не подобает оценивать, насколько полезны были мои советы все это время как советы священника и епископа. Я хочу лишь включить в молитву мою просьбу ко всем верующим, чьи души были вверены моему попечению: вы и ваши приходы, все те, кого это больно затронуло, пребудьте и далее со мной в любви во Христе».

Мы увидели Девиуса, шагавшего из приходской церкви. Требник свой он нес теперь в левой руке, прижатой к животу. Когда он и через полчаса не появился у нас, кардинал забеспокоился. Позднее выяснилось, что в поисках «настоящей» кондитерской Девиус обошел весь Апфах. Но как назло единственная булочная, где из сластей обычно бывают булочки с марципаном, соломка или — если повезет — яблочный пирог, сегодня закрыта. Девиус все не мог успокоиться. А чего проще было спросить меня. Кардинал пошутил: «Кто обращается к яблочному пирогу, от яблочного пирога и погибнет». Прозрачный намек на распространяющийся все более, и прежде всего среди каноников, диабет.

Как далеко заводит чрезмерное усердие веры, несколько позднее продемонстрировала нам старая дева Крещенц. Узнав от соседей о высоком госте, она явилась в беседку испросить разрешения принести испеченный ею пирог и кувшинчик кофе. Мы согласились. А на поверку ее любовь к ближнему оказалась не совсем бескорыстной. Не успели мы приняться за ее дары, как Крещенц — в деревне ее зовут «повитуха» — вытаскивает вдруг новехонькие четки и просит кардинала освятить их. Четки эти предназначены для ее племянника, который на Брюннерской автостраде собирает таможенные сборы; не всегда ведь вереницы автомобилей, тут-то и молитву прочесть можно. А зимой так и весь закон божий. Кардинал пообещал оставить освященные четки у моих родственников.

12.7.

После вчерашнего напряженного дня как следует выспался. Кардинала и Девиуса шофер увез обратно лишь поздно вечером. До воскресенья последует официальный ответ канцелярии на кампанию, развернутую прессой. Черновой вариант моего заявления кардинал прихватил с собой. Окончательную редакцию он предложит к концу недели. И этот вариант заявления будет передан прессе самое позднее в понедельник.

13.7.

Первая мысль сегодня утром: товарищеская встреча нашего союза охотников на тетеревов в Партенкирхене. С удовольствием бы совершил службу в походных условиях. Кардинал же посоветовал мне заблаговременно отказаться. К моему великому сожалению. Потому что абсолютно убежден — эта встреча камрадов превратилась бы для меня лично в триумфальное чествование. Ну что ж, будем рассматривать мое отсутствие как наказание за все мои мелкие прегрешения.

Снова отслужил домашнюю мессу. Участвовали все домашние да несколько соседей. Женщины и дети приняли святое причастие.

Вечером за кофе говорим с мужчинами о том, кто что пережил на войне. Все абсолютно согласны, что тогда нам ничего не оставалось, как обороняться. Женщины, как это водится при таких разговорах, молчали, а мы, все как один, пришли к выводу, что через четверть века вообще невозможно точно сказать, что и как там происходило. Но в любом случае необходимо осудить всех сегодняшних фарисеев, которые делают вид, что они в такой ситуации не дорожили бы собственной шкурой. Крестьянин Энценсбергер, высоченный худой парень, сказал примерно следующее: «Честный человек, будь то кардинал или простой сельский житель, Хубер или Майер, никогда не скажет заранее, как бы он сам действовал в такой обстановке. Каждый из нас грешен, и многим сегодня пришлось оставить службу, потому что они были не способны на высший героизм. Каждому остается лишь воздавать господу богу хвалу, что его миновала чаша сия. Всякое тайное «господь, взгляни, ведь я иной!» — наилживейшее лицемерие».

Вечер завершил пешей прогулкой по полям с кузеном Алоисом, впереди с лаем бежал Харро, мы бросали ему палку, он приносил ее нам обратно.

14.7.

Отвлекающая атака! Наилучшие вести со вчерашней встречи камрадов в Партенкирхене! После обычной походной службы (которую на этот раз исполнил, замещая меня, доминиканский патер) мой бывший адъютант Георг Хурлер начал смелую операцию по объединению всех участвовавших офицеров. Еще до первых петухов достигает меня в моем отшельничестве — кружным путем через канцелярию — телеграмма-молния следующего содержания: «Собравшиеся 5000 бывших однополчан 99-й горнострелковой дивизии заявляют, что за время кампании в России они узнали своего бывшего капитана как исключительную личность и образцового офицера. Он всегда стремился очеловечивать приказы и справедливо поступать по отношению к мирному населению. Всем известна его неизбывная тяга к справедливости».

Между прочим, сейчас Хурлер — городской советник в земле Вюртемберг.

15.7.

Теперь и австрийские провинциальные газеты занялись моим «делом». Мое заявление, переданное вчера прессе, печатается на видном месте. Кардинал изрядно переработал черновой вариант. И как всегда, с непревзойденным мастерством. Такому его искусству действительно позавидуешь!

Теперь, когда общественность постепенно приходит к тому, чтобы встать на мою сторону, из всех щелей так и лезут внутрицерковные крысы. Некий господин Кнепфле, к примеру, ничтоже сумняшеся, требует моей немедленной отставки. И хотя Кнепфле я знаю совсем мимолетно, мне совершенно ясно, что обет безбрачия он воспринимает не очень-то всерьез. Стало быть, мне сделает честь как раз то, что я не получу от него заверений в любви.

Мое имя не сходит с газетных страниц.

Духовный советник мирного движения христиан столицы нашей земли Фройдинг прикладывает палец к кровоточащей ране и призывает всех истинных христиан к общему признанию общей вины. На своей службе в воскресенье он призвал к сбору пожертвования для потерпевших. Как президент «Союза мирных христиан» он, конечно же, снискал себе добрую славу, и ему под силу достойным образом провести подобную акцию. Ведь наступит же такой момент, когда жителям деревни в Абруццах передадут символический дар примирения. Лично я, разумеется, никоим образом не должен хлопотать об этом.

16.7.

Мне делает честь, что и спорящие священники (которые сами себя скромно называют «групповым комитетом священников») по отношению к тогдашнему бедствию не встают на мою сторону. Каждому известна моя принципиальность в вопросах чистоты религии. Разумеется, вполне логично, что люди, которые путают будуар с ризницей, а ящик своего туалетного столика с дарохранительницей, требуют моей немедленной отставки.

Господин Кнепфле, кажется, все же сунулся со своим заявлением в самый неподходящий момент. Он уже получает первую взбучку от представителей мирных христиан. Они также благодарят кардинала, что он призвал к публичной ответственности человека, на котором еще с войны лежит вина.

Мне думается, письмо мое к священникам и приходам пало на благодатную почву. Высказанная в их адрес сердечная привязанность вызывает бурный отклик. А тем временем акция, начатая кардиналом, идет полным ходом. Наша канцелярия является, так сказать, противоположным полюсом редакционным помещениям господина Аугштейна. Хотели побить епископа, а церковь только слегка затронуть. Но утописты должны понимать, что определенные критики обеспокоены не очищением церкви, а только того и ждут, как бы освободить мир от церкви. Самое печальное, что даже «Глас народа» перешел к травле зайца. Господин Аугштейн протрубил в рог, и тут же сбежалась свора собак. И никто не спрашивает, кто протрубил и зачем. Печальная глава о жалком состоянии католической журналистики.

17.7.

Диву даешься: Кнепфле вдруг утверждает, что моей отставки он требовал не как глава братства: это было его личное мнение. Он требует, стало быть, моей головы, а сам прирос к своему креслу. Он еще издевается надо мной тем, что выражает мне свое «личное доверие». Наплевать мне на его «доверие».

18.7.

Междугородный разговор с кардиналом. В столице волны достигли такой высоты, что даже он созрел для отпуска. Сейчас, однако, не следует кричать: «Господь, мы гибнем!», а надо круто повернуть руль. Относительно пропущенного рукоположения в сан священника (диакон Бенедикт Шустер своевременно не был посвящен из-за личного несчастья) кардинал, учитывая нынешние мои дела, перераспорядился. Теперь посвящение должен провести в родной деревне диакона мой старинный коллега по службе Альтеншталлер. Плакаты, напечатанные уже с моим именем, в последний день пришлось заменить.

19.7.

Операция с высадкой на Луну, от которой мы ожидали некоторого отвлечения, идет полным ходом. Переполох вокруг моей персоны все еще не улегся.

Анна-Мария, которая наилучшим образом соблюдает мои юридические интересы, связалась с оберпрокурором Фрошем. Особенно разозлил его тот факт, что господин Аугштейн добыл эти материалы таким путем, который по меньшей мере лежит на грани дозволенного. По мнению доктора Фроша, разгласить подобную тайну могли лишь сотрудники аппарата юстиции. У него даже есть подозрение относительно того, кто передал журналистам материал, чтобы те устроили «пляску на костях». К великому сожалению, журналисты слишком уж защищены своим сомнительным «Правом отказа свидетеля от дачи показаний».

20.7.

Только и разговоров что о высадке на Луну. А между тем мое нервное состояние нисколько не уменьшилось. Многократные безуспешные попытки дозвониться до кардинала. Всякий раз из канцелярии получаю стереотипный ответ: «Он отсутствует». Может, меня избегают?

Вечером весь дом собрался перед телевизором. Большое оживление. Австрийский комментатор замечает, по-моему, справедливо, что без достижений пионера в этой области — нашего Вернера фон Брауна, более чем вероятно, что русские высадились бы первыми.

21.7.

Коровы не доены. Они мычат в хлеву. Сегодня с утра все следят за высадкой первого человека на Луну. Исторический момент. В самом деле: крохотный шаг для одного человека — шажище для человечества! Во всяком случае, Луна теперь американская. Радуюсь, что организованный атеизм не может отнести этот успех на свой счет. Я воспользовался случаем, чтобы после передачи прочесть со всеми присутствующими благодарственную молитву и попросить у всевышнего счастливого возвращения для космонавтов.

О, господь, ты вел отцов наших через Красное море, когда оно бушевало, в то время как они, не смочив и стопы своей, пели хвалу имени твоему; к тебе мы поэтому взываем в покорности: сохрани слуг твоих в их космическом корабле, убереги их от всех опасностей космоса, позволь им в полном здравии достигнуть места приводнения в Тихом океане, к которому они так страстно стремятся, и обеспечь им полет без осложнений.

Почта приносит новые злобные статьи. В конце недели газеты снова кипели выпадами против меня, кардинала и вообще против церкви. Становится все более явным, что мало-помалу хотят заняться и кардиналом. А тот наносит встречный удар на манер профессионального боксера. Вчера он велел зачитать на всех церковных кафедрах пастырское послание. В нем — причины моей апелляции (его письмо больше чем самозащита). Ни один адвокат или оратор не нашли бы лучших слов. Узловые моменты: этическая проблема, которая должна интересовать христианина прежде всего, касается того злополучного стечения обстоятельств, в которое было ввергнуто целое поколение солдат пагубной войной. Вне человеческих возможностей оценивать степень участия того или иного лица в этих событиях. Никто до конца не в состоянии познать свою собственную силу, а еще менее силу другого. И в какой степени в подобной ситуации может идти речь о личной виновности, может судить лишь бог.

В случае, какой представлен здесь, нам как христианам необходимо понять, что единство церкви может существовать только лишь на основе обоюдного прощения, потому что уверенностью в своей правоте мы преграждаем путь друг к другу, к миру и, в конечном итоге, к богу.

Продолжение следует

Перевел с немецкого Г. КАГАН

Крыстю КРЫСТЕВ,
кандидат философских наук,
старший научный сотрудник
Института философии
Болгарской академии наук

В период строительства развитого социалистического общества религия преодолевается путем формирования научно-материалистического мировоззрения и распространения атеизма. Это требование связано с одной из главных задач партии — воспитанием человека социалистического общества. В программе Болгарской коммунистической партии (БКП) подчеркивается, что «неотъемлемой частью воспитания нового человека является борьба с буржуазной идеологией, с реакционными взглядами, религиозными предрассудками и пережившими свое время нравами и навыками, возникшими на протяжении тысячелетнего господства эксплуататорских классов и сохранившимися в той или иной степени в сознании и поведении людей и после победы социализма» [1].

Необходимость комплексного подхода к атеистическому воспитанию определяется тем обстоятельством, что сами по себе экономические и социальные условия автоматически не ведут к отмиранию религии. «...**Религия,** — указывал К. Маркс,— **будет исчезать** в той мере, в какой будет развиваться социализм. Ее исчезновение должно произойти в результате общественного развития, в котором крупная роль принадлежит воспитанию»[2]. Об этом говорит и огромная, непрерывно возрастающая роль субъективного фактора, что особо подчеркнул тов. Т. Живков в докладе на XI съезде БКП.

Действие субъективного фактора в интересующем нас аспекте — работа по преодолению религии — осуществляется главным образом в трех основных направлениях: в планомерном строительстве социалистических общественных отношений, которые ограничивают религию; в ликвидации тех социальных явлений, которые содействуют воспроизводству религиозного сознания, поддерживают и питают религиозность; в расширении всей системы коммунистического, в том числе атеистического, воспитания, способствующего преодолению пережитков религиозного сознания и поведения и ограждению молодого поколения от влияния религии.

Научный подход к проблемам освобождения сознания и поведения трудящихся от влияния религии требует изучения состояния, динамики и изменения религиозности и атеизации населения, их современных форм и проявлений. Освобождение людей от ложных представлений — процесс двуединый: с одной стороны, отказ от них, а с другой — усвоение научно-атеистического мировоззрения с такой степенью глубины, чтобы оно проявлялось в поступках, действиях и быте трудящихся.

Основная тенденция, характеризующая положение религии в социалистической Болгарии, — это постоянное сужение ее влияния в ведущих сферах общественной жизни. Сегодня роль религии в экономике, политике, образовании и культуре практически минимальна. В основном она ограничивается рамками семейной и личной жизни некоторых граждан и на общественную жизнь оказывает лишь косвенное влияние.

Религия в нашей стране не может выполнять ту социальную, классовую роль, какую она играла и продолжает играть в антагонистических обществах. В болгарском социалистическом государстве нет класса, который был бы заинтересован в религиозном освещении своих целей и интересов. В новых социальных условиях религия иногда может быть идейным знаменем определенных представителей бывшего эксплуататорского класса. Разумеется, и при социализме она продолжает оставаться прибежищем консерватизма и застоя.

Современный кризис религии выражается прежде всего в уменьшении количества верующих. Об этом позволяет судить сравнительный анализ результатов социологических исследований религиозности населения, проведенных в 1962 году, с данными частичных исследований по Софийскому, Старозагорскому, Пазарджикскому, Смолянскому и Перникскому округам, где их проводили по решению окружных комитетов БКП в 1974—1977 годах (в них принимал участие и автор этой статьи). В этих округах были учтены все конфессии, основные объективные и субъективные факторы, способствующие освобождению от влияния религии, поэтому можно считать, что наблюдаемые здесь тенденции характерны в целом для всей страны.

В сравнении с исследованиями 1962 года, опросы 1974—1977 годов имели свои особенности. Прежде всего, они выявили не только религиозность, но и атеизацию населения и показали, кроме соотношения между верующими и неверующими, также и динамику этих процессов.

Сокращенный перевод статьи, опубликованной в журнале «Атеистична трибуна». София, 1979, № 1.

---

[1] «Х съезд ВКП. София, 20—25 апреля 1971 г.». М., 1972, стр. 269.
[2] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 45, стр. 474.

В 1962 году неверующие составляли примерно две трети совершеннолетнего населения страны. Религиозность в столичном округе уже тогда была значительно ниже (20—30 процентов), сейчас там 83,32 процента неверующих, остальные — верующие и колеблющиеся. Если в 1962 году в Перникском округе насчитывалось от 30 до 40 процентов верующих и колеблющихся, то современное состояние характеризуется уже такими цифрами: 78, 59 процента неверующих, 15,65 — верующих и 5,76 процента колеблющихся. В Пазарджикском округе 70,39 процента всех совершеннолетних — неверующие и только 29,61 процента — верующие и колеблющиеся. Примерно такими же темпами снижается религиозность в Смолянском, Старозагорском, Кырджалийском и в других округах. В целом по сравнению с 1962 годом число верующих в стране сократилось в среднем на 10—15 процентов.

Эти результаты — значительное достижение нашей партии в области атеистического и коммунистического воспитания трудящихся. Вот почему Февральский пленум ЦК БКП (1974 г.) с полным основанием констатировал: «В результате особого исторического пути развития нашей страны, социалистических завоеваний, активной идеологической работы партии Болгария стоит на одном из первых мест в области атеизма. Подавляющему большинству нашего народа и молодежи чужды религиозные влечения и заблуждения». Одновременно подчеркивалось, что нельзя и недооценивать усилий религии «закрепиться в качестве института и идеологии».

Изменилось у нас и соотношение типологических групп, что в свою очередь отражает различную степень религиозности населения. В 1962 году активные верующие составляли 5,76 процента всех совершеннолетних, пассивные — 14,39, колеблющиеся — 15,03 процента. Позднейшие исследования свидетельствуют об ином соотношении. В Пазарджикском округе, например, активные верующие уже составляют 4,66 процента, пассивные — 16,88, колеблющиеся — 8,13 процента, а в Старозагорском округе соответственно 1,45, 20,74 и 2,9 процента. В Софии же — 0,99, 9,3 и 4,85 процента.

Сравнительный анализ полученных данных позволяет сделать несколько общих выводов. В стране идет процесс угасания религиозности и размывания религиозного сознания. Во-вторых, наблюдается абсолютное и относительное снижение доли колеблющихся в общем числе верующих. Это значит, что от религиозного влияния освободилась большая часть тех, кто верил, так сказать, по традиции и инерции. Недавние исследования показали, что под влиянием социалистических общественных отношений, атеистической атмосферы нашего общества и его воспитательного воздействия сократилась доля активно верующих, а что касается фанатиков, то их численность вообще ничтожна и постепенно сходит на нет. Снижается также процент пассивных, но убежденных верующих, хотя на общем фоне падения религиозности удельный вес этой группы в общей массе верующих относительно возрос. Вот почему сейчас характер религиозности определяется уже не количеством колеблющихся, как в 1962 году, а долей пассивных верующих, что требует дальнейшего совершенствования атеистической пропаганды и воспитательной работы.

Исследования и наблюдения последних лет показывают, что темп отхода от религии несколько замедлился. Такое явление вполне естественно. По данным 1962 года, 20,5 процента населения страны отошло от религии еще до социалистической революции. Это означает, что за период с 1945 до конца 1962 года стали неверующими 43,25 процента населения, а за последующие 15 лет доля отошедших от религии, как уже говорилось, составила 10—15 процентов.

Современный этап характерен сокращением воспроизводства религиозного сознания у молодого поколения. Религиозное влияние на людей, воспитанных в условиях социализма, ослабевает. В 1962 году среди молодежи в возрасте от 18 до 28 лет было 14,8 процента верующих и колеблющихся. В середине 70-х годов среди молодежи Старозагорского округа, например, доля верующих упала до 7,44 процента, а в столичном округе даже до 3,51 процента (плюс 3,52 процента колеблющихся), в Перникском же округе — соответственно до 2,97 и 4,46 процента. Таким образом, уже сегодня абсолютное большинство болгарской молодежи безрелигиозно.

Но было бы ошибкой переоценивать успехи работы по атеизации молодого поколения, не учитывать того факта, что религиозные организации в поисках выхода из кризиса особое внимание направляют именно на молодежь. Некоторое беспокойство вызывает и тот факт, что, например, в Софии люди в возрасте от 18 до 39 лет все еще составляют 16,26 процента верующих — а ведь это активное трудовое поколение.

Исследования подтвердили, что женщины все еще религиознее мужчин, как это было и в 1962 году. Тогда среди совершеннолетних мужчин верующих было 25,88 процента, а среди женщин — 44,75. Кроме того, в общей доле религиозного населения женщин было почти вдвое больше.

А в 1977 году анализ религиозности в Софии показал, что уже 88,63 процента совершеннолетних мужчин столицы — неверующие, 7,05 — верующие и 4,32 — колеблющиеся. Среди женщин же столичного округа неверующих 78,4 процента, верующих — 14,61 и колеблющихся — 6,99 процента. Это соотношение близко к софийскому и в других обследованных округах. Причем среди православных верующих женщин еще больше, а поскольку православие — наиболее распространенная у нас конфессия, это оказывает определяющее влияние на соотношение религиозности мужчин и женщин по стране в целом.

Что касается представителей других вероисповеданий — в основном ислама и протестантизма, то среди них разница в соотношении между мужчинами и женщинами сравнительно невелика. Так, например, среди мусульман в Смолянском округе 51,57 процента женщин и 48,43 — мужчин.

Относительно более высокая набожность женщин объясняется целым рядом причин и прежде всего их неравноправным в прошлом положением, большей занятостью в домашнем хозяйстве. Кроме того, женщины меньше участвуют в общественном производстве, а большинство верующих работниц заняты преимущественно в его второстепенных сферах. К тому же женщина исторически теснее связана с семейными обычаями и традициями, в которых дольше всего сохраняются элементы религии и которые представляют собой благоприятную почву для ее консервации и воспроизводства. Все это говорит о необходимости активизации атеистической работы среди женщин.

Формирование научно-атеистического мировоззрения и отход трудящихся и молодежи от религии связаны также с характером и степенью их образованности. Люди необразованные или малообразованные легче воспринимают религиозную картину мира, оформленную в простых и доступных мифологических образах, в то время как научное представление о мире требует определенных знаний, без которых нельзя понять сложных явлений природы, особенностей человеческого сознания, форм существования и изменения материи. Современные верующие — это не только представители старшего поколения, но и те, кто по разным причинам не смог получить необходимого образования.

Исследования показывают, что с ростом образованности религиозность снижается. К примеру, 90,6 процента жи-

телей Софии, имеющих среднее образование, — неверующие, а среди лиц с высшим образованием их уже 94 процента. Среди же малообразованных жителей столицы неверующих всего 35,39 процента. Данные по Старозагорскому округу еще более убедительны. Здесь среди людей с законченным средним образованием верующих всего 4,4 процента, а среди лиц с высшим образованием и того меньше — 3,17 процента.

Недостаток грамотности и культуры не только создает благоприятную почву для сохранения и воспроизводства религии, но и свидетельствует о недостаточности связей человека с обществом, об его определенной замкнутости в рамках собственного социального опыта. Вот почему религия все еще сохраняется главным образом среди лиц с низким образовательным и культурным уровнем и неустойчивым мировоззрением — это факторы, обусловливающие некритическое восприятие религиозных вероучений. Вот почему для преодоления влияния религии на сознание верующих такое значение имеет расширение их социального опыта, повышение культурного уровня и образования.

С другой стороны, наличие (хотя и небольшое) верующих с высшим образованием говорит о том, что усвоение специальных научных знаний само по себе еще не гарантирует атеистическую убежденность. Мало дать человеку образование — необходимо на базе полученных знаний сформировать у него научное миропонимание. Это диктует настоятельную необходимость дальнейшей атеизации учебного и воспитательного процесса в средних и высших учебных заведениях, равно как и других форм коммунистического воспитания.

Проведенные исследования также показали, что существует прямая связь между религиозностью и участием людей в различных сферах общественного производства, и языком цифр подтвердили тот факт, что ныне религия распространена главным образом среди лиц, не являющихся активными членами трудовых коллективов. В Софии, например, такие люди — пенсионеры, домашние хозяйки и другие — составляют 37,26 процента верующих и колеблющихся. В Смолянском округе не заняты в общественном производстве 42,8 процента мусульман и 57,2 процента православных. Душевное состояние таких людей умело использует церковь.

Активное участие в общественном производстве, как правило, ведет к ослаблению религиозности. Участие в трудовом процессе, в жизни социалистического трудового коллектива содействует усвоению новых идей, убеждений и принципов поведения, разрушает основы, на которых зиждется религия, формирует новые отношения и ценности, новые оценки и нормы поведения. У трудящихся верующих появляется чувство уверенности в себе и в обществе, закладывается эмоциональная основа для преодоления заблуждений.

Среди работающих наименее религиозны служащие и интеллигенция, что естественно и закономерно, так как эта социальная прослойка имеет наиболее благоприятные условия для активного участия во всей политико-идеологической и культурной жизни страны. Если в 1962 году среди служащих и интеллигенции верующих было 13,3 процента, то в 1977 году в столице — уже только 4,43 процента при 91,78 процента неверующих и 3,79 — колеблющихся. В Перникском округе в последние годы неверующих среди служащих было 95,14 процента, верующих — 3,24, а колеблющихся — 1,62. Вместе с тем, однако, значительная часть неверующих служащих и интеллигентов не ведет атеистической работы или проявляет известную индифферентность к религии и атеизму.

Рабочие сравнительно мало религиозны, причем влияние религии среди них падает значительно быстрее, чем в других социальных группах, особенно по сравнению с сельскими тружениками. Если в 1962 году неверующие составляли три четверти рабочих столицы, то теперь их уже 85,5 процента, а верующих всего — 7,96 процента, остальные — колеблющиеся. В Старозагорском округе ныне 87,4 процента рабочих — неверующие и 12,6 процента — верующие и колеблющиеся; в Пазарджикском округе соответственно — 83,48 и 16,52 процента. Постепенное снижение влияния религии на рабочий класс в значительной степени объясняется тем, что рабочие, особенно индустриальные, заняты в основной сфере производства, где ведется более активная воспитательная работа.

В то же время религиозность среди строительных и транспортных рабочих сравнительно выше, чем среди промышленных, так как они набираются в основном из сельских жителей.

Социологические исследования показывают, что часть населения и молодежи индифферентны к религии, например в Пазарджикском округе 9,75 процента опрошенных, в Старозагорском — 5,42. Иногда такая индифферентность ошибочно рассматривается как проявление атеизма. На самом же деле она объясняется незнанием и непониманием социальной сущности и роли религии, отсутствием атеистических знаний. Некоторые индифферентно настроенные люди смешивают положительную роль, которую играли некоторые церковные деятели Болгарии в прошлые века, с социальной ролью религии как превратного мировоззрения. Участие верующих и представителей духовенства в прогрессивном и демократическом движении такие неверующие иногда расценивают как заслугу самой религии, а не как проявление передовой политической ориентации и классового самосознания.

Отмечая значительные завоевания нашего народа и партии в области атеизма, Февральский пленум ЦК БКП (1974 г.) отметил в то же время заметную активизацию различных религиозных организаций. На передний план в церковной проповеди сегодня выдвига-

---

● ИСТОРИЧЕСКИЕ НАХОДКИ

Археологические раскопки, проводящиеся близ Дворца культуры в г. Яссы, дали ценные для истории румынского народа находки. Так, обнаружено поселение, относящееся к эпохе неолита. Сосуды, например, привлекают внимание специфической окраской и зооморфными орнаментами, мастерски выполненными гончарами той эпохи. В более поздних слоях найдены следы поселений предков современных румын — даков, относящиеся к III—II векам до нашей эры и ко II—IV векам — когда на этой территории жили даки и римляне. Свидетельства материальной культуры, найденные в Яссах, говорят о непрерывности пребывания здесь человека.

В Половраджь, к северу от Бухареста, найдены остатки усадьбы, принадлежавшей одному из дакийских предводителей. Интересно, что при возведении ее защитных стен местные мастера использовали раствор извести еще до появления в этих краях римских легионов. Внутри крепости обнаружены, в частности, бронзовая сетка с мастерски выполненными украшениями и фрагмент керамики.

● ПОДЗЕМНОЕ СВЯТИЛИЩЕ

При археологических раскопках близ села Гырло, в 40 километрах западнее Софии, был открыт мегалитический (сооруженный из крупных каменных блоков) храм-колодец доантичного периода. В него ведет полускрытая каменная лестница. Спускаясь по ее ступеням, попадаешь в круглый культовый зал — толос — с колодцем посередине. Сохранившиеся стены толоса прежде были покрыты полусферическим куполом с отверстием в центре. Этот исторический памятник датируется XIV—XIII веками до нашей эры и представляет собой ранний образец монументальной средиземноморской мегалитической культуры.

Исследователи установили связь между храмом-колодцем и лунными затмениями — он, очевидно, служил своеобразной «лунной обсерваторией» древнейших обитателей южной части Балканского полуострова. Наблюдения за Луной в те далекие времена сопровождались примитивными культовыми церемониями, а сам интерес к затмениям ночного светила объяснялся боязнью того, как бы после этого оно вообще не исчезло. Поклоняясь Луне, люди полагали, будто входят с ней в контакт посредством ее земных отражений в зеркале вод. Для этого они строили возле родников специальные колодцы.

В античную эпоху лунный храм-колодец превратился в святилище Асклепия, нимф и Митры, связанное также с культом родниковой воды. А в период раннего христианства это сооружение использовалось уже в качестве баптистерия — для совершения таинства крещения.

ется социально-нравственная проблематика. При этом используется то обстоятельство, что в глазах значительной части верующих религия — это прежде всего система нравственных норм и принципов. Так, например, в Софии 37,8 процента верующих подчеркивают, что религия привлекает их своими моральными заповедями и поучениями. Церковь утверждает, будто она является законодателем в сфере нравственности и что без религиозного мировоззрения невозможна никакая другая мораль, в том числе и коммунистическая. На этом основании духовенство пытается регулировать поведение верующих, вмешиваться в их семейную жизнь, во взаимоотношения взрослых и детей и т. д., претендует на роль универсального наставника и утешителя в определенных житейских ситуациях.

Церковь использует и интерес молодежи к проблемам морали. Некоторые современные религиозные деятели приписывают себе успехи в нравственном воспитании трудящихся и молодежи, а многие отрицательные явления объясняют тем, что духовенство, мол, лишено возможности оказывать им активное противодействие.

Так как в нашей стране церковь отделена от государства, а школа от церкви, основным звеном воспроизводства религиозного сознания остается верующая семья. Исследования религиозности жителей Софии показали, что 69,98 процента верующих столицы убеждены в существовании бога еще с детских лет, а 14,53 процента — с юношеских. Таким образом, 84,51 процента из них восприняли религиозные взгляды под воздействием других членов семьи.

В последнее время наблюдается и активизация культово-обрядной практики, которая все еще продолжает удовлетворять некоторые нерелигиозные по своему характеру бытовые потребности. Стремясь привлечь как можно больше людей к участию в своих обрядах, церковники сокращают их продолжительность, одновременно усиливая эстетическое и эмоциональное воздействие культовых ритуалов и традиций.

Попытки духовенства приостановить прогрессивный процесс отхода масс от религии требуют уделять больше заботы и внимания атеистическому воспитанию трудящихся — одной из важных предпосылок успешного построения социалистического общества в нашей стране. Вот почему так важно выполнение выдвинутой Февральским (1974 г.) пленумом ЦК БКП задачи «серьезного улучшения и повышения качества атеистической воспитательной работы среди трудящихся и молодежи».

г. София

А. ГАВАНЬКОВ

В ХРАМЕ ЗМЕЙ

◆ Взревев клаксонами, машина промчалась по набережной. С одной стороны промелькнули строения европейской части города, с другой — рейд и стоящие на якорях суда.

Поворот — и мы втискиваемся в лабиринт китайских кварталов Пинанга — главного порта Малайзии, столицы штата и одноименного острова.

Утро только началось, а узкие, грязные улочки уже запрудила разноплеменная толпа. Оживленно, пестро, суматошно. Все куда-то бегут, что-то везут, несут, о чем-то говорят, спорят. Крики продавцов, перебранка, звонки велорикш, смех, плач детей, рев автомобильных сирен — все слилось в нестройный гул.

С трудом продвигаясь в уличной сутолоке, машина наконец выезжает за черту города. Позади осталось здание Малайского педагогического колледжа. Сквозь стену деревьев заблестел залитый солнцем пролив. Показался окутанный дымчатым маревом небольшой островок Джераджак, где среди непролазных джунглей расположились карантинный лагерь и поселение прокаженных.

Справа потянулись рисовые поля. Зеленый квадратик, желтый квадратик, снова зеленый... Между ними блестят зеркальца воды и черные болотца. Ползут, увязая по брюхо в иле, неторопливые буйволы. Куда им спешить? Работы много. Не успеешь вспахать одно болотце, переходи на другое. Следом за буйволами, навалившись на деревянную соху, бредет человек. Широкополая остроконечная шляпа прикрывает его от палящего солнца.

Пятая, седьмая, девятая миля... Стоп!

Из машины выходим мокрые, с прилипшими к телу рубахами. Осматриваемся... Ага! Вот и цель нашей поездки.

Цветущий островок приглянулся людям давно. Они приходили из далекой Аравии, Индии и больше всего из Китая. Приносили с собой уклад жизни, нравы, обычаи, верования покинутой родины. Селились. Осваивали земли. Рядом с поселениями вырастали храмы и среди них посвященный божеству Хор Сонгу.

Строили его нищенствующие монахи на скудные подношения верующих. Пребывать бы храму в безвестности, да случаю угодно было распорядиться иначе.

Не успели закончить строительство, как случилось несчастье: из близлежащих джунглей нагрянули полчища ядовитых змей. Что привлекло сюда этих тварей, никто не знал. Строители в панике разбежались. Монахов охватило уныние. Что делать? Как избавиться от непрошенных гостей? И тут одного инока осенила мысль: «Чудо!»

Змей не уничтожили, нет. Напротив, их стали подкармливать и вскоре по окрестным селениям пополз слух, что новый храм заселили священные змеи, чтобы поклоняться божеству.

Люди поверили в чудо, потянулись к святилищу. Росла его популярность. Появились паломники, а за ними туристы, которые разнесли весть о храме змей.

Подготовленные этой информацией к чему-то необычному, мы остановились в недоумении.

У подножия холма, под стройными пальмами пристроилась обычная китайская пагода, каких мы видели немало. Двускатная кровля с приподнятыми углами. Яркая, цветастая черепица, переливающаяся на солнце. Конек украшают фарфоровые цветы, причудливо изогнутые мифические драконы. Крыша террасы покоится на покрытых вычурной резьбой и росписью стропилах. Их поддерживают резные колонны. К стропилам подвешены круглые фонари, расписанные замысловатыми иероглифами. Все как положено. Чем же нас хотят удивить?

От искусно изукрашенных ворот к храму ведет посыпанная гравием дорожка. Вдоль нее и у входа дымятся курильницы. Пройдя через дворик, входим внутрь.

Под сводами сумрачно и прохладно. В недвижном воздухе стоит аромат сандалового дерева и еще каких-то благовоний. Затейливая резьба красных стен. Чуть колышатся шелковые свитки, покрытые древними письменами. С квадратного алтаря свисает пурпурное покрывало. На алтаре ритуальные светильники, фарфоровые вазы с цветами, курильницы. Тонкие струйки дыма поднимаются от благовонных свечей, плывут над алтарем, цепляются за цветы. Сквозь их голубоватую пелену тускло поблескивает золотая статуя божества. В тишине слышно бормотание склонившегося в молитве служителя.

Стоим, словно заколдованные. От всего веет таинственностью, со всех сторон доносится какое-то шипение, странный шорох. Под рубахи, непрошенный, заползает холодок страха. Так и кажется: сейчас произойдет что-то необычное.

И оно не заставило себя ждать.

Освоившись после яркого солнца, видим вдруг, что статую, стены, алтарь, пучки сухих веток, пол — все «украшают» десятки живых змей самых разных размеров и расцветок.

Вот тебе и храм! Террариум, да какой! Столько видов не во всяком зоопарке представлено.

Змеи, извиваясь, с шипением переползают с места на место. Вот одна из них, шурша по циновкам, устилающим пол, направилась в нашу сторону. Мы невольно попятились к выходу. Змея остановилась. Упругое тело приподнялось, словно готовясь к броску. Сверкнули холодные немигающие глазки. Раздвоенный тонкий язык пошарил в воздухе: «Ш-ш-ш!» По спине побежали мурашки.

Внутри храма змей.

Заметив наше замешательство, подошел служитель.

— Господа могут не бояться. Хотя среди обитательниц святилища есть очень ядовитые экземпляры, они безопасны. Воскуряемые благовония действуют на них усыпляюще.

Для большей убедительности он поднял с пола полуметровую змею и обвил ее вокруг своей шеи. Мы с опаской наблюдали за этой манипуляцией. Или он действительно не боялся, или змея была неядовитой? Любопытство взяло верх над страхом, и мы подошли ближе.

Видя, что его действия произвели должное впечатление, служитель снял змею с шеи и, протянув нам, предложил:

— Вы можете взять любую и проделать то же самое. А еще лучше — сфотографируйтесь. Пожалуйста... всего за один доллар...

Желающих фотографироваться со змеей на шее не нашлось.

После прохладного сумрака храма двор встретил нас зноем и слепящим солнцем. Не спасала даже густая тень раскидистого фикуса. Подходим к ожидающему нас водителю машины. Закуриваем.

— Ну, как впечатление? — спрашивает он.

— Жутковато, но интересно. Раньше не приходилось встречать ничего похожего.

— Еще бы! Ведь наш храм — единственный в мире, — не без гордости замечает шофер. — У него много почитателей. Особенно людно здесь на шестой день Первой Луны. Это наш Новый год. Люди несут корзины жертвенных яиц, поют священные гимны. Многие одеты в национальные костюмы. Очень торжественное, красочное зрелище.

— А вы тоже бываете здесь?

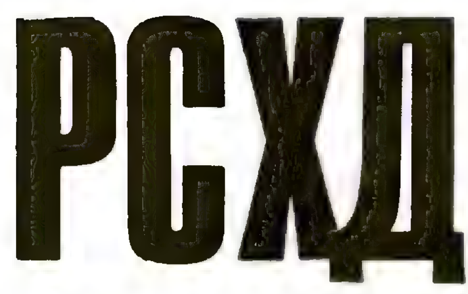
— ...Да, бываю, — водитель явно смущен. Он разминает сигарету, прикуривает. — Но это так, традиция, привычка. Еще старики родители... А вообще, — машет рукой. — Понимаете, я работаю, а работа не оставляет времени для молитв. Да и что толку в них... Поехали?

Машина мчит нас дальше. Дорога петляет среди холмов, покрытых плантациями гвоздики. Еще немного — и впереди снова засеребрилась изумрудная ширь океана.

г. Балта
Одесской области

Д. КАРПОВ

ПОД ФЛАГОМ РСХД

СМЕНА ВЫВЕСКИ

С февраля 1974 года «Вестник» несколько изменил свое название. В нем исчезло слово «студенческое», и он стал именоваться просто «Вестником русского христианского движения». В редакционной статье, опубликованной по этому поводу, говорилось, что, сохраняя свои «прежние идеалы», издание становится печатным органом «чего-то большего». Чем же?

В данном случае авторы редакционной статьи подразумевали, что в ряды движения влились покинувшие Советский Союз отщепенцы, именовавшие себя «инакомыслящими», которые предприняли попытку превратить «Вестник», так сказать, в рупор «инакомыслия», рассчитывая таким образом сделать его действенным оружием в борьбе против сил социализма. С откровенной беспардонностью на обложке журнала, где ранее как место его издания указывались Париж и Нью-Йорк, теперь добавилась еще и Москва. «Мы дерзновенно прибавляем Москва, — писали они, — хотя по условиям сегодняшнего дня никакой постоянной и организованной связи с ней быть не может».

Действительно, «дерзновенно» — и ничем не оправданно, хотя смысл подобной акции понять нетрудно. «Вестник» объявил о том, что он будет в большей степени помогать «духовному возрождению в России», а следовательно, оказывать поддержку тем отдельным лицам, которые враждебно относятся к советскому строю, экспортировать чуждые советским людям идеи, подстрекать к сопротивлению государственной власти. Иными словами, на повестку дня встал вопрос о прямом вмешательстве в жизнь нашего государства.

И отнюдь не случайно страницы журнала были предоставлены матерым антисоветчикам, вроде Солженицына, имя которого появляется едва ли не в каждом номере. Печатаются отрывки из его произведений, приводятся его высказывания, публикуются его речи, письма, обращения.

Редакторы «Вестника», который продолжает оставаться официозом РСХД, предоставляют его страницы для материалов, искажающих современную жизнь в Советском Союзе, восхваляющих тех церковных иерархов, которые в 1918—1923 годах во главе с патриархом Тихоном были организаторами церковной контрреволюции. Они не останавливаются даже перед кощунственными попытками возвести в ранг героя-освободителя предателя Власова, а заодно и обелить его приспешников, сотрудничавших с гитлеровцами в годы Великой Отечественной войны.

Характер подобного рода публикаций определяется тем, что в числе авторов постоянно выступают лица либо высланные из СССР и лишенные советского гражданства, либо выехавшие на Запад и подвизающиеся на ниве антисоветизма. Как ни парадоксально, в христианском журнале печатаются материалы ярых сионистов, которые в искаженном виде представляют положение евреев в СССР. Так, постоянным его автором стал сионист М. Агурский, присылающий свои опусы из Израиля. Появилась даже рубрика «Христианство и иудаизм», где печатаются материалы, с одной стороны, рекламирующие сионизм, а с другой — пропагандирующие антикоммунизм.

Направленность журнала в значительной степени определяется позицией его редактора Н. Струве, которая четко определена в написанных им передовых статьях, оправдывающих отход «Вестника» от сугубо религиозных проблем и активное вторжение его в мир политиканства.

Наиболее отчетливо эта позиция изложена в передовице «Вестника», (1977, № 121) под весьма недвусмысленным заголовком «Какими средствами бороться за церковь?». Ссылаясь на апостола Павла, который якобы выступал «как гражданин римского государства и требовал от римских властей строгого соблюдения законности», Н. Струве утверждает, что христиане должны активно вмешиваться в общественно-политическую жизнь, «требовать от власти, чтобы она исполняла свое божие назначение, соблюдала законность и осуществляла справедливость». По-своему трактуя библейский принцип, он подчеркивает, что власть может быть и не «от бога», превратиться в «богоборческого зверя». И христиане обязаны содействовать тому, чтобы власть исполняла ту функцию, «которая ей определена богом».

Выводы из этих рассуждений следуют вполне определенные. И они находят выражение в той деятельности «Русского студенческого христианского движения», которую направляют его лидеры. А она все больше и больше выходит за рамки религии и вряд ли сегодня могло бы кого-нибудь удивить, если бы в названии движения исчезло слово «христианское», точно так же как из названия «Вестника» выпало слово «студенческое».

В последние годы религиозно-философские статьи в нем все чаще уступают место материалам, провоцирующим конфликт между верующими и неверующими, подстрекающим верующих к активной борьбе против «богоборческой власти» в СССР. Пускаются в ход затасканные клеветнические измышления о попытках физического их уничтожения в Советском Союзе (подобные домыслы еще два десятилетия назад обнародовал Н. Струве в своей книге «Христиане в СССР»), о гонениях на церковь и верующих и т. д.

Источниками для такого рода высказываний служат письма и заявления некоторых лиц, уже давно не ладивших с Советской властью. Они пытаются «прославиться» в качестве «борцов» за права человека, снабжая тенденциозными писаниями реакционную западную прессу. В «Вестнике» постоянно мелькают имена «инакомыслящих», представляющих якобы «религиозную оппозицию» в СССР. На самом же деле никого они не представляют: это просто клеветники, пытающиеся сделать карьеру на ниве антисоветизма.

Вырождение «Вестника», как и всего «Русского студенческого христианского движения», проявляется еще и в том, что на место стоявших у его истоков видных реакционных философов-идеалистов Бердяева и Зеньковского, Булгакова и Франка приходят дилетанты-недоучки, единственный духовный багаж которых — ложь и клевета на советский строй. Это в свою очередь приводит к тому, что движение все больше теряет свое лицо, превращаясь в практически ничем не отличающуюся от других подрывную организацию, использующую в своей деятельности стандартный набор методов антисоветской пропаганды.

Правда, РСХД продолжает именоваться христианским, что обусловливает специфику его антисоветизма. Стремясь доказать «утопизм марксизма» и принизить значение реального социализма, идеологи движения облекают свои доводы в религиозную форму и выдвигают в качестве единственного выхода из тупика, в который якобы привел Россию путь социализма, иной путь — христианский. Отрицая классовое деление общества, классовую борьбу, не желая видеть несправедливости окружающего мира, они, по сути дела, увековечивают их, ибо на самом деле утопию представляет христианский путь «любви», а не коммунизм.

В то же время идеологи РСХД не хотят видеть успехов СССР, тех разительных перемен, которые произошли на нашей земле за годы Советской власти. Они не желают считаться с реальностью, живя в мире безжизненных схем.

На протяжении всей истории РСХД его лидеры твердят о какой-то своей неразрывной связи с Россией. Они особенно подчеркивают это сейчас, хотя «связь» основывается лишь на участии в движении некоторых лиц, сравнительно недавно покинувших нашу страну. Но руководителям движения крайне важно поднять его авторитет, оправдать материальные затраты, доказать, что оно существует не зря. Отсюда и заявления, будто РСХД оказывает влияние на советских граждан, «помогает встать на ноги зародившейся христианской общественности». В данном случае желаемое выдается за действительное, равно как и утверждение, что в России «Вестник» «ждут с нетерпением, зачитывают до дыр» («Вестник РСХД», 1973, № 107).

На самом же деле РСХД не имело никогда живой связи с Россией. Предпринятые в последнее время попытки установить контакты с «инакомыслящими христианами» в СССР, публиковать их писания вряд ли могут заменить такую связь. Стремление поднять престиж переметнувшихся на Запад бывших советских граждан зачастую выглядит по меньшей мере смехотворно. Статьи о поэзии Ю. Домбровского не сделают его большим писателем, а претенциозные опусы, вроде напечатанного в

Окончание. Начало см. в № 8.

№ 123 «Вестника» эссе «Пушкин и Бродский», ничего кроме презрительной усмешки вызвать не могут. Что же касается измышлений о положении религии и церкви в СССР, то они черпаются из реакционной западной прессы да из клеветнических «свидетельств» отдельных отщепенцев.

Видимо, понимая, что разглагольствования о вкладе РСХД в борьбу за «преобразование России» уже изрядно поднадоели и нужны какие-то практические действия, которые могли бы показать реальные «заслуги» движения на ниве антисоветизма, оно в последнее время активизировало заброску религиозно-пропагандистской литературы в СССР под видом «помощи верующим», а также сбор средств для ее приобретения и контрабандной засылки в нашу страну.

О какой же литературе идет речь? О религиозной? Нет. В специальном листке, в котором руководство РСХД призывает всех присылать деньги и книги, дабы помочь «духовному возрождению» советских людей, говорится, что «священное писание» посылать не надо, нужны книги богословские, философские, журналы типа «Вестника», сочинения Франка, Бердяева и др. Таким образом делается ставка прежде всего на работы тех реакционных философов, которые выступали с антикоммунистических позиций, пытались показать несостоятельность марксизма и социалистического пути развития России, предлагая взамен его путь неохристианства. Так что РСХД на деле солидаризируется с карловацкими раскольниками, много лет экспортирующими в СССР контрабандным путем подрывную литературу.

Спрашивается, почему распространением таких изданий занимается организация, которая носит название христианской? Ведь они зачастую написаны людьми неверующими.

Правда, временами лидеры РСХД все же вспоминают о его «предназначении» и организуют съезды, разного рода встречи христианской молодежи, порой даже обсуждают богословские проблемы. Но сообщения об этом занимают второстепенное место на страницах «Вестника».

Давно прошли времена юношеских порывов, иллюзий, которые строили молодые эмигранты 20-х годов, стоявшие у истоков РСХД. Нескончаемые восторги, вызванные в их среде выступлениями Бердяева и Булгакова, Зеньковского и Зандера, сменились пессимизмом и разочарованием. Явно или неявно у многих членов движения стало проявляться неверие в избранный путь. Задача, некогда сформулированная Бердяевым, оказалась несбыточной: произошло не «оцерковление жизни», а обмирщение религиозной жизни. РСХД вынуждено было стать на путь решения сугубо мирских задач, признать существующие реальности и пойти на службу к тем кругам, от которых получало поддержку и с помощью которых сумело выжить в водовороте событий. Утопические прожекты его идеологов оказались никому не нужны.

ИЛЛЮЗИИ И РЕАЛЬНОСТЬ

Быть может, кто-то из последователей РСХД и сегодня еще живет в мире несбыточных грез, перечитывая пожелтевшие от времени номера «Вестника». Однако нынешние судьбы движения вполне определенны. Оно стало придатком буржуазного пропагандистского аппарата, прилагает усилия к тому, чтобы играть роль своеобразного центра, связывающего западный мир с якобы наблюдающимся в СССР «духовным возрождением». И вот в ход идут самореклама, самовосхваление, дабы привлечь к себе внимание западных покровителей, ибо, несмотря на получаемые подачки, положение РСХД явно незавидное.

Руководители движения то и дело взывают о помощи, обращаются к организациям и отдельным лицам за финансовой поддержкой. Ради этого они прибегают к откровенной лжи, расписывая свои заслуги. В первом номере «Вестника» за 1978 год опубликован «призыв», подписанный нынешним председателем движения архиепископом Сильвестром, вице-председателями А. Шмеманом и А. Князевым и секретарем Н. Струве, где утверждается, будто в результате их деятельности в России «ширится процесс духовного раскрепощения, избавления от страха перед режимом, тысячи вчерашних атеистов возвращаются к вере и церкви».

Разумеется, подобные сказки рассчитаны на людей, которые не знают нынешнего Советского Союза, живут стереотипами, распространяемыми буржуазными средствами массовой информации, искажающими действительное положение вещей.

А чего стоит утверждение авторов этого призыва, будто «Вестник» стал одним из самых популярных журналов в нашей стране, что, мол, говорит «о популярности идеологии движения в сегодняшней России, об уважении к нему». За «авторитетными свидетельствами» на сей счет лидеры движения обращаются к разного рода антисоветчикам, расточающим похвалы своим единомышленникам. Как высочайшую оценку своей деятельности, например, преподносят они слова Солженицына, заявляющего, что он, будучи «постоянным и последовательным читателем «Вестника», не находит другого чтения на русском языке, которое «давало бы такую высокую духовную вертикаль» («Вестник РСХД», 1977, № 122).

Что касается «влияния» этого издания, как и всего «Русского студенческого христианского движения», на советских людей, то о нем вообще нельзя говорить сколько-нибудь серьезно. Сравнительно небольшая эмигрантская группа, свернувшая на путь откровенного антисоветизма, не только не оказывает никакого влияния на наших людей, но, как правило, вообще не известна им. И если мы ведем о ней разговор, то совсем не потому, что видим в ней какую-то политическую силу, представляющую опасность для нашей страны, а для того, чтобы дать отповедь фальсификаторам и дезинформаторам, стремящимся придать этому движению не свойственную ему роль в современной идеологической борьбе.

Укрепление связей с сегодняшней Россией РСХД видит в контактах с кучкой «инакомыслящих» и в предоставлении им места на страницах «Вестника». Но ведь совершенно очевидно: отнюдь не они являются подлинными представителями нашей страны. Выдавая их клевету за «голос России», лидеры движения просто-напросто идут на подлог.

Ныне, когда неизмеримо возрос авторитет Советского Союза на международной арене, когда в условиях развития культурных связей в мире все больше и больше узнают о нашей стране, становится значительно труднее дезинформировать общественность, как это пытаются делать приверженцы РСХД. Вот почему движение переживает тяжелый кризис. Собственно, трудностей на его пути всегда было немало, ибо само по себе оно возникло и сложилось на зыбкой почве. Именуемое «русским», оно никогда не имело связей с русской действительностью, и это заранее предопределило его несостоятельность. Те, кто поддерживал его материально, теперь понимают бесперспективность движения и не проявляют желания ставить на заведомо проигрышные номера. Это и заставляет руководство РСХД взывать о помощи, чтобы не дать погибнуть «центру православия и русской культуры» за границей.

Но сегодня все это уже никого обмануть не может. Как не могут обмануть пророчества идеологов движения о том, что 70-летие революции в СССР праздноваться не будет, ибо «советский опыт оказался развенчанным» («Вестник РСХД», 1977, № 122). Это иллюзии, которыми они себя тешат, хотя трудно предположить, что сами они верят собственным пророчествам. Но те, кто пока еще находится под их влиянием, должны иметь какую-то реальную перспективу. Коль ее нет, приходится идти на обман, расписывать будущее в радужных тонах, прибегать к явно несбыточным обещаниям, поддерживая веру в прокламируемое дело.

Таким предстает «русское студенческое христианское движение» в настоящее время, когда оно все более смыкается с карловацким расколом, несмотря на некоторые расхождения во взглядах, практически не имеющие принципиального значения. Ведь та же активная деятельность по контрабандной пересылке религиозно-пропагандистской литературы в Советский Союз лишь повторяет то, чем издавна занимаются карловчане через созданное ими братство «Православное дело». А проповедь антисоветизма более откровенная и настойчивая, чем несколько десятилетий назад, свидетельствует о неизбежном, в конечном счете, смыкании путей всех организаций, которые стоят на одних и тех же позициях, хотя, как будто, и расходятся в представлениях о формах и методах борьбы против Советской власти. И если не так давно могло показаться, будто карловацкий раскол («русская православная церковь за рубежом») и «русское студенческое христианское движение» говорят на разных языках, то теперь совершенно очевидно, что язык у них общий, цели и задачи одни. А главное, что их объединяет, — это антисоветизм, попытки любой ценой повернуть историю вспять.

Тщетные надежды! Тщетны и ориентация на западную реакцию, и упования на то, что «религиозное возрождение» даст импульсы для перемен в Советском Союзе, ожидаемых почти шесть десятилетий. Еще одна иллюзия, ибо нет никакого «религиозного возрождения», а равно и надежд на перемены. Этим и предопределяется участь «русского студенческого христианского движения», у которого, как и у других подобных группировок, не было, нет и не будет никакого будущего.

А. ПРОСВЕТОВ

С КРЕСТОМ И ТАМ-ТАМОМ

Один из членов секты мбвити.

ЕСЛИ отметить на карте Африки — наподобие того, как показывается плотность населения, — степень распространения африканских сект христианского происхождения, то окрашенными в самые яркие тона окажутся юг континента и его центр, в особенности зона Гвинейского залива. Что же собой представляют эти организации?

Несмотря на самостоятельность развития и относительную удаленность районов их распространения друг от друга, такие секты имеют ряд сходных черт. Свое возникновение они связывают с внезапным озарением, будто бы посетившим того или иного «божьего избранника». Однако на деле так называемые «независимые африканские секты» отпочковывались от соответствующих христианских вероучений, главным образом протестантских, распространявшихся миссионерами.

Эти синкретические религиозные течения приспособили христианские догмы к традиционным африканским культам. И получилось, что, с одной стороны, в большинстве этих сект соблюдаются обряд крещения, бытовые и пищевые запреты, а с другой — многие из них разрешают полигамию; а богослужения сопровождают ритуальными плясками, доводящими верующих до исступления. И наконец, для всех таких сект характерна ярко выраженная обособленность: членами их могут быть исключительно африканцы.

Несомненно, что африканские секты — интересное, своеобразное явление и знакомство с ними помогает лучше понять характер и особенности «черного континента». Попробуем приглядеться хотя бы к некоторым, самым крупным из этих организаций.

...Сотни людей, одетых во все белое, под звуки фанфар и тамтамов, энергично жестикулируя, пританцовывая и распевая религиозные гимны, медленно шествуют по улицам небольшого заирского поселка Нкамба. Каждый год они собираются здесь, чтобы почтить память своего «нгунзы» (пророка) Симона Кимбангу — основателя крупнейшей в Центральной Африке секты.

Кимбангизм появился на свет в Бельгийском Конго (современный Заир) в 1921 году, после того как «божий избранник» Симон Кимбангу получил, по его словам, указание свыше донести «слово господне» до своих африканских братьев. Буржуазные исследователи объясняют успех этого течения разразившейся тогда эпидемией гриппа. Отсталые крестьяне приводили больных к наделенному «силой исцеления» пророку, умоляя его вернуть их к жизни. И многие, разумеется, одолевали болезнь, как это обычно бывает, но молва приписывала выздоровление «чудесному заступничеству» Кимбанги.

Но, конечно же, истинная причина быстрого распространения кимбангизма объяснялась не столько «исцелениями», сколько стремлением населения колоний добиться независимости, хотя бы иллюзорной — в области религии.

Это эклектическое учение соединило христианское единобожие с элементами местных анимистических культов, провозгласило веру в «черного мессию», с приходом которого должно наступить «царство свободы и правды», а африканцы станут хозяевами своей земли. В условиях жестокого колониального угнетения, — когда в силу ряда причин национально-освободительная борьба носила эпизодический и стихийный характер, а подавляющее большинство населения уповало на божью помощь, — кимбангизм стал своеобразной формой антиколониального политического протеста. Не удивительно поэтому, что вплоть до провозглашения независимости секта была запрещена, а ее основатель 30 лет — до самой смерти — провел в тюрьмах и в изгнании.

После формального провозглашения независимости Бельгийского Конго (1960 г.) «Церковь Христа на земле, основанная Симоном Кимбангу» легализовалась и постепенно перешла на консервативные позиции. Ныне она тесно связана с заирскими властями, ведущими страну по капиталистическому пути. Президент Мобуту щедро финансирует различные благотворительные учреждения кимбангистов, а те в свою очередь поддерживают его. Сегодня эту церковь возглавляет третий сын Симона Кимбангу «его преосвященство» Дьянденда. По мнению журнала «Жён Африк», в Заире и сопредельных с ним странах насчитывается теперь около миллиона его последователей.

Полмиллиона верующих, по данным того же журнала, объединяет в настоящее время другая крупная африканская секта, основанная неким Уильямом Харрисом.

Ее приверженцев можно встретить во многих странах Западной Африки, прежде всего в республике Берег Слоновой Кости и в Либерии, а также в Гане, Того, Бенине и Нигерии. Харрис всплыл на поверхность на 8 лет раньше Кимбангу, в 1913 году в Либерии, где он сначала был каменщиком и моряком, а затем учителем в протестантской епископальной миссии. Объявив себя пророком, он в том же году пустился в странствие по французским и британским владениям в Западной Африке. Бродячий проповедник призывал к чистоте христианского учения и к борьбе с происками ведьм.

«Мы хотим жить в чистоте. Будем же следовать примеру нашего учителя Харриса, который всегда к ней стремился», — проповедует сегодня священнослужитель в белых одеяниях и в головном уборе, напоминающем кардинальскую шапку. Этот «папа нуво», или, в переводе с французского, «новый папа», — нынешний глава секты. Особенно благоволят к нему власти Берега Слоновой Кости. На торжественном открытии храма секты Харриса в Тиагбе, например, присутствовал генеральный секретарь правящей Демократической партии страны Ф. Ясе.

Особым религиозным многообразием и пестротой на континенте выделяется Южная Африка. Это отчасти обусловлено существованием тут вот уже более столетия режима расовой дискриминации. «Независимые» секты здесь появились еще в 80-х годах прошлого столетия, когда вождь готтентотов Хендрик Витбой, провозгласив себя «посланцем бога и избавителем народа», возглавил борьбу своего народа против германских колонизаторов. Он погиб в бою во время восстания племен гереро и готтентотов (1904—1907 гг.). Активно также выступала против расизма основанная в 1892 году так называемая «Эфиопская церковь» (не имеет ничего общего ни с Эфиопией, ни с распространенной там монофизитской церковью. Слово «эфиопская» здесь, по аналогии с Библией, обозначает принадлежность к Черной Африке). Однако такие попытки открытой борьбы против поработителей не увенчались успехом, и секты постепенно перешли к так-

тике выжидания и пассивного сопротивления властям.

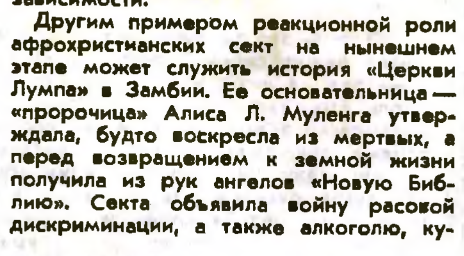
Постепенно число религиозных организаций на юге Африки росло. Если в 1918 году там официально насчитывалось 76 независимых африканских сект, то в 1953-м — уже более двух тысяч. Причем цифра эта значительно занижена, поскольку большинство из них формально не зарегистрировано. Вот названия некоторых афрохристианских течений: «Сионская христианская церковь», «Назаретская баптистская церковь», «Истинное Евангелие», «Иерусалим», «Вера», «Африка для африканцев». О принадлежности к той или иной секте можно узнать по тюрбанам, колпакам, повязкам или изображениям креста.

Ритуальные танцы — неотъемлемая часть жизни африканских религиозных сект. На собрании последователей У. Харриса (Берег Слоновой Кости).

Однако при всей своей пестроте южноафриканские секты сходятся в одном: они отвергают расовую дискриминацию, возведенную властями ЮАР в ранг государственной политики. Не приемлют и попыток придать этому режиму хотя бы видимость демократизма. В частности, они единодушно выступили против проводившихся в Намибии в 1978 году под контролем южноафриканской армии и полиции так называемых выборов в «учредительное собрание». Кстати, в этом вопросе их позиция совпала с позицией Народной организации Юго-Западной Африки (СВАПО) — единственной законной представительницы ее народа. В то же время своими проповедями о грядущем приходе «черного мессии» афрохристианские секты отвлекают массы коренного населения от активной борьбы с апартеидом.

Когда в результате развала колониальных империй стала в корне меняться карта Африки, перед ее молодыми государствами встал вопрос о выборе пути развития. Однако некоторые местные секты, не приняли прогрессивных перемен. Так, члены секты матсванистов (близкого к кимбангизму течения в Народной Республике Конго) оказались замешаны в убийстве президента этой страны Мариана Нгуаби (1977 г.), под руководством которого она шла по пути прогрессивных социально-экономических преобразований и подлинной независимости.

Другим примером реакционной роли афрохристианских сект на нынешнем этапе может служить история «Церкви Лумпа» в Замбии. Ее основательница — «пророчица» Алиса Л. Муленга утверждала, будто воскресла из мертвых, а перед возвращением к земной жизни получила из рук ангелов «Новую Библию». Секта объявила войну расовой дискриминации, а также алкоголю, курению и другим порокам цивилизации. Однако под лозунгом борьбы с «врагами божьих слуг» она резко выступила и против первого национального правительства Замбии во главе с Кеннетом Каундой и руководимой им Объединенной партии национальной независимости. В июле 1964 года эти религиозные фанатики спровоцировали вооруженные столкновения.

Все это свидетельствует о том, что сегодня многие афрохристианские секты, представлявшие в свое время одну из форм протеста против колониализма, становятся серьезным тормозом для молодых государств континента. Взять хотя бы трудности, с которыми сталкивается там делающая первые шаги национальная экономика. Секты относят их за счет испытаний, «ниспосланных богом», таким образом закрывая глаза на истинные причины проблем, доставшихся африканским странам в наследство от подневольного прошлого. На словах такие секты выступают против всего привнесенного на африканскую почву западной цивилизацией, а на деле лишь подменяют «импортных» богов доморощенными святыми, враждебно относятся ко всему новому, прогрессивному, толкают народ к далеко не таким уж «добрым» доколониальным временам. И тем самым, как ни парадоксально, играют на руку западным монополиям.

Империализм и неоколониализм, их местные ставленники и компрадорская буржуазия используют эти пережитки, чтобы увековечить свое господство во многих развивающихся странах. Вот почему преодоление подобных негативных явлений и борьба со всем, что способствует их консервации, — одна из важнейших задач, стоящих сегодня перед свободной Африкой.

Новинки Литературы

В. И. Добреньков. СОВРЕМЕННЫЙ ПРОТЕСТАНТСКИЙ ТЕОЛОГИЧЕСКИЙ МОДЕРНИЗМ В США: ЕГО ЗАМЫСЛЫ И РЕЗУЛЬТАТЫ. М., Изд-во Моск. ун-та, 1980, 248 стр., 2 600 экз., 1 руб. 90 коп.

В монографии критически анализируются сущность, специфические особенности и тенденции развития современного теологического протестантского модернизма в США. Автор убедительно доказывает, что все новейшие теологические концепции являются выражением глубочайшего религиозного кризиса.

И. В. Мартынычев. МИРОВОЗЗРЕНИЕ ЕСТЕСТВОИСПЫТАТЕЛЯ. М., «Мысль», 1980, 221 стр., 8 500 экз., 95 коп.

Монография посвящена актуальной, но еще не освещенной в научной литературе теме — диалектике социальных и методологических функций научного мировоззрения. В ней рассматривается обобщенная модель мировоззрения естествоиспытателя, связанная не столько с конкретными именами ученых, сколько с уровнем развития науки, анализируется влияние достижений научно-технической революции на формирование духовного мира личности.

В. Мезенцев. ЭНЦИКЛОПЕДИЯ ЧУДЕС. Кн. 3. Природа и человек. М., «Знание», 1979, 208 стр., 100 000 экз., 70 коп.

Третья книга «Энциклопедии чудес» почти целиком посвящена человеку. В ней две части: «Земля и небо» и «Человек неисчерпаем». Первая часть рассказывает о взаимодействии человеческого организма (и вообще всего живого) с окружающим миром, в частности с магнитным полем Земли, вторая — о человеке как объекте генетических, геронтологических, нейрофизиологических исследований.

С. Позойский. К ИСТОРИИ ОТЛУЧЕНИЯ ЛЬВА ТОЛСТОГО ОТ ЦЕРКВИ. М., «Советская Россия», 1979, 176 стр. с илл., 50 000 экз., 45 коп.

В книге показано, с какой искренней страстью и непоколебимой убежденностью великий русский писатель Л. Н. Толстой опровергал учение православной церкви, ее обряды и догматы, как беспощадно разоблачал церковников. Значительное место в ней уделено отлучению Толстого от церкви и тому мощному движению общественного протеста, которое было вызвано этим бессильно-злобным актом святейшего синода. Автор широко использует документы, сохранившиеся в архивах Москвы, Ленинграда, Тулы, Киева, малоизвестные или забытые публикации периодической печати того времени.

К. Е. Тарасов и Е. К. Черненко. ЛЕНИНСКОЕ УЧЕНИЕ О ГНОСЕОЛОГИЧЕСКИХ КОРНЯХ ИДЕАЛИЗМА. М., «Мысль», 1980, 294 стр., 12 000 экз., 1 руб. 20 коп.

Книга посвящена исследованию мало разработанной, сложной и чрезвычайно актуальной проблемы гносеологических корней идеализма, раскрывает его суть и причины возникновения в истории философии, основу всей современной буржуазной философии, идеологии, социологии, теории естествознания и других наук.

●

«АСТРОНОМИЯ. МЕТОДОЛОГИЯ. МИРОВОЗЗРЕНИЕ». М., «Наука», 1979, 397 стр., 5 800 экз., 1 руб. 60 коп.

Е. К. Дулуман, Н. И. Кирюшко, П. Л. Яроцкий. НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ И ФОРМИРОВАНИЕ АТЕИСТИЧЕСКОГО МИРОВОЗЗРЕНИЯ. Киев, «Наукова думка», 1980, 311 стр., 2 750 экз., 2 руб.

«ОБРЯДОВАЯ ПОЭЗИЯ ПИНЕЖЬЯ». М., Изд-во Моск. ун-та, 1980, 279 стр. с илл., 9 170 экз., 1 руб. 30 коп.

СТАТЬИ В ЖУРНАЛАХ И СБОРНИКАХ, РАЗДЕЛЫ В КНИГАХ

В. Н. Константинов. Взаимосвязь атеистического и нравственного воспитания. В кн.: «Пути совершенствования работы по нравственному воспитанию и формированию активной жизненной позиции у трудящих-

ся в свете решений XXV съезда КПСС». Владимир, 1979, стр. 73—75.

С. Крауялис. Распространитель атеистической мысли (к 175-летию со дня рождения Л. Фейербаха). «Коммунист», 1979, № 7, стр. 50—53.

Е. Б. Кудрякова. «Варяжская проблема» и культ Бориса и Глеба. «Вопросы истории», 1980, № 4, стр. 166—167.

А. Г. Кузьмин. Истоки культовых особенностей западнославянских языческих храмов. «Вопросы истории», 1980, № 4, стр. 165—166.

В. Куроедов. Неотъемлемая конституционная норма социалистического государства. «Коммунист», 1980, № 5, стр. 45—55.

Ю. А. Латынцев. Комплексное исследование по истории старообрядчества на польских землях в XVII—XX веках. «Советское славяноведение». М., 1979, № 5, стр. 113—114.

А. Малашенко. Религиозная традиция и политика революционной демократии (на примере Алжира). «Азия и Африка сегодня», 1979, № 9, стр. 20—22.

В. Г. Овчинников. «Африканизация» католицизма во второй половине XX в. В кн.: «Проблемы новой и новейшей истории». М., 1979, стр. 55—66.

«Очерки по истории народной медицины Казахстана». Алма-Ата, 1979. Из содержания: **М. Х. Гонопольский, Ж. А. Алихманов, Ж. Ш. Оспанов.** Лечебная магия, стр. 20—33; **М. Х. Гонопольский, Ж. А. Алихманов.** Баксылык — разновидность шаманизма, стр. 34—64; **Ж. А. Алихманов.** Психопатологические явления в шаманизме, стр. 65—76.

«Проблемы комплексного подхода к коммунистическому воспитанию молодежи в свете решений XXV съезда КПСС и положений Конституции СССР». Томск, 1979. Из содержания: **А. П. Моисеева.** Факультативные курсы этики, эстетики и научного атеизма и их роль в коммунистическом воспитании студенчества, стр. 106—109; **Н. М. Малышев.** Атеистическое воспитание молодежи в коллективе, стр. 110—113; **В. А. Габрусенко.** Специфика воспитания атеистической убежденности молодежи в трудовом коллективе, стр. 169—173.

«Прошлое и настоящее Австралии и Океании». М., 1979. Из содержания: **Н. А. Бутинов.** Обряды инициации на Новой Гвинее, стр. 122—138; **М. С. Бутинова.** Начальный этап миссионерской деятельности в Полинезии, стр. 172—191; **В. Н. Беликов.** Маорийские синкретические религии в прошлом и настоящем, стр. 215—228; **Е. В. Ревункова.** Становление шаманизма у семангов Малайзии и австралийских аборигенов, стр. 242—250.

Г. Г. Свиридов. Некоторые популярные буддийские культы в Японии (генезис идеологии). В кн.: «Япония, 1978». М., 1979, стр. 222—236.

Сдано в набор 17. 06. 80.
Подписано к печати 25. 07. 80.
А 02424.
Формат издания 60×90/8
Глубокая печать.

Условных печатных листов — 8
Учетно-издательских листов 12,22
Тираж 440 000 экз.
Зак. 03150.

Адрес редакции:
109004, Москва, Ж-4,
Ульяновская, 43, корп. 4.
Телефоны:
297-02-51, 297-10-89.

Ордена Ленина комбинат печати издательства «Радянська Україна»

г. Киев, Брест-Литовский проспект, 94.

ГЖЕЛЬ БЕЛО-СИНЯЯ

П. ГАВРИЛОВ

ГЖЕЛЬ — это два десятка почти слившихся между собой деревень в 60 километрах на юго-восток от Москвы вдоль Егорьевского шоссе (бывшего Касимовского тракта). Домики, словно терема, сошедшие со страниц русской сказки: один будто окутан кружевом, так легок рисунок его наличников и причудлива резьба карнизов; другой, как жар-птица, удивляет яркими красками; третий напоминает русский чудо-пряник. За деревнями — поля, перелески, густые леса. Голубыми лентами вьются малые речки с милыми женскими именами — Гжелка, Донинка, Дорка, Речица.

В здешней скудной для крестьянина-хлебопашца почве издавна таилось иное богатство. «Едва ли есть земля самая чистая и без примешения... между глинами для фарфору употребляемыми, какова у нас гжельская», — так говорил о здешних землях Михайло Ломоносов. Неглубоко залегавшие отличные гончарные глины на века определили главное занятие гжельцев. Уже в XVI веке здесь производились посуда и фигурки животных — барашки, петушки, уточки. А 100 лет спустя гжельскую глиняную посуду и игрушки знали во многих городах России. Чего только не производили здешние мастера: в одних деревнях изготавливали кирпич и трубы, в других — плитки для пола, печные изразцы и архитектурные детали. Но все же главной продукцией оставались художественно расписанная посуда и декоративные статуэтки.

Расцвет Гжели начинается в 40-х годах прошлого века, когда ее мастера освоили производство майолики — изделий из цветной гончарной глины, обоженных и покрытых глазурями.

Искусство гжельских мастеров было подлинно народным. Посуду и статуэтки охотно покупали крестьяне, рабочие, мелкое купечество. Изделия отличались пластичностью и живописностью. Для популярных напитков того времени — кваса, меда — делали художественные кувшины — кумганы. Большим спросом пользовались майоликовая скульптура, изразцы. Гжельская керамика ни в чем не уступала лучшим изделиям европейских мастеров.

Живописные сюжеты на гжельской керамике необычайно разнообразны. Они всегда отражали реальный мир, окружавший гончара: растения, животные, архитектурные пейзажи, орнаменты, человеческие фигуры. Многие изделия увенчаны скульптурными фигурками — мамка с ребенком, чаепитие, целующаяся пара, музыканты. Многие из них исполнены народного юмора, например «Дерущиеся мужик и баба».

Примечательно, что сюжеты религиозного содержания полностью отсутствуют. И это показательно. Ведь стоило массовому покупателю проявить заинтересованность в такого рода продукции и спрос был бы удовлетворен. Значит, не было такого спроса у ценителей гжельской керамики. Мастера русской керамики, не только гжельской, хранящейся ныне в музеях или частных коллекциях, не обращались к религиозной тематике. В первой четверти XIX века завод Гарднера выпустил статуэтку: монах несет спрятанную в снопе девушку. Эта работа явно носила характер антицерковный, антирелигиозный *.

Вторая четверть XIX века явилась периодом наибольшего расцвета фарфорового производства Гжели. Изделия народных мастеров отличались четкостью силуэта и пропорциональностью. В яркой и разнообразной росписи нашли свое отражение излюбленные народные узоры — цветы, травы, злаки. Особое место занимали изделия в стиле лубка — это были фарфоровые фигурки различных аллегорических и мифологических персонажей, яркие, красочные сценки из жизни крестьян и мещан. Фарфор Гжели того времени был популярен не только в России, его вывозили и в другие страны.

Перемены наступили в конце XIX века. Рост крупного капитала привел к кризису и разорению большинства керамических производств Гжели. А после первой империалистической и затем гражданской войн они практически перестали существовать.

Восстановление гжельских керамических предприятий началось в 20-х годах, но настоящее возрождение этого народного промысла настало после Великой Отечественной войны. Были воссозданы лучшие традиции народных мастеров прошлого. Значительные заслуги в создании и дальнейшем развитии современной Гжели принадлежат художницам Л. П. Азаровой, Т. С. Дунашовой, З. В. Окуловой. Их работа отмечена Государственной премией РСФСР имени Репина. Большой коллектив талантливых художников создает произведения, несущие людям радость.

* См.: В. Серебряков. Тяжба о статуэтке. «Наука и религия», 1973, № 12.

Мысли без нимба

● «Меня нет!» (бог — своей секретарше).

● Жить чужими молитвами — явное иждивенчество.

● Тем, кто беспрерывно курит фимиам, перекуры просто необходимы.

● Человек — довольно сырое творение бога: на 90 процентов состоит из воды.

Валерий ФИЛЬЧЕНКО

г. Ульяновск

● Чтобы вырасти в глазах бога, надо опуститься на колени перед его образом.

● Черствую душу не отмочишь даже в святой воде.

Геннадий МОСКВИН

г. Елгава
Латвийской ССР

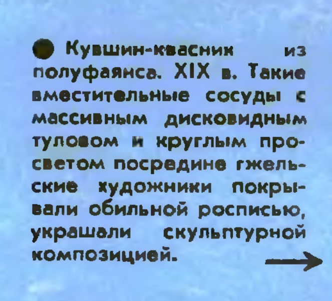
● Создав человека, бог снял с себя ответственность за судьбы мира.

● А как падают райские яблоки — по божьей воле или по закону тяготения?

Александр КЛИМАН

Волгоград

● Кувшин-квасник из полуфаянса. XIX в. Такие вместительные сосуды с массивным дисковидным туловом и круглым просветом посредине гжельские художники покрывали обильной росписью, украшали скульптурной композицией. →

↑ ● Статуэтка «Сокольничий», шкатулка «Петух» (автор Л. П. Азарова).

● Сувенирный самоварчик (авторы Л. П. Азарова, Т. С. Дунашова). →

↑ ● Масленка, сахарница и кружка — изделия современных мастеров Гжели.

● Кувшин (автор Н. И. Бессарабова). →

● Фигурка зебры, штоф, кружка — современная майолика. ↓

● Квасник (современная майолика). →

● Статуэтка «Всадник», подсвечник с колокольчиками, дисковидный чайник (автор Л. П. Азарова).

Фото автора.

←

Цена 30 коп.
70602

В следующем номере

ЖУРНАЛУ «ЛЮДИНА І СВІТ» – 20 лет

Об украинском атеистическом ежемесячнике рассказывает его главный редактор И. БРЕЧАК. Корреспонденты журнала Д. КОРЕЦКИЙ и С. ТЕТЕРУК знакомят читателей с опытом запорожских пропагандистов.

О СЛОЖНОЙ СИТУАЦИИ,

возникшей в семье погибшего пилота, повествует очерк нашего специального корреспондента Инги БАЛЛОД.

ПАМЯТНИКИ ЛЬВОВА

Проблемам охраны и пропаганды памятников архитектуры посвящен репортаж В. САМОРИГИ.

ЖИЗНЬ ДИКТУЕТ ИЗМЕНЕНИЯ

даже самым ортодоксальным представителям католической церкви в Литве — к такому выводу приходит кандидат философских наук И. МАЧЮЛИС.

СКОЛЬКО МОГИЛ ГИЗБИБИ?

— спрашивает у археологов Туркмении корреспондент журнала В. ЗЫБКОВЕЦ, и выясняется, что религиозные легенды окутали мистическим покрывалом немало памятников древности.

О ЧЕЛОВЕКЕ НЕОБЫЧНОЙ СУДЬБЫ,

донском казаке, выступившем против засилья православной церкви, рассказывает В. ШУМОВ.

КАК ТРАКТУЮТ СВОБОДУ СОВЕСТИ

буржуазные конституции? Об этом пишет заместитель председателя Совета по делам религий при Совете Министров СССР кандидат исторических наук В. ФУРОВ.